У МЕНЯ ЕСТЬ
15
минут
Джилл Купер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

У меня есть пятнадцать минут, чтобы спасти мамину жизнь…

Лишь пятнадцать минут в прошлом предоставляет агентство «Перемотка», но Ларе Крейн этого достаточно, чтобы пробежать через весь город, найти свою мать и предотвратить ее убийство, которое произошло во время ограбления больше десяти лет назад.

Но все оказалось совсем не так. История, которую ей рассказывали всю жизнь, — абсолютная ложь, и когда Лара ловит предназначенную матери пулю, будущее девушки навсегда меняется.

Любовь всей ее жизни ведет себя как незнакомец. Вместо тихой скромной жизни у Лары теперь огромный дом, гламурные одежки и новый парень.

Вот только кто-то знает ее секрет. И постоянно старается помешать Ларе, пока она наперегонки со временем пытается разоблачить опасную секретную организацию.

Люди, которым Лара доверяет, меняются в мгновение ока, и вскоре она окажется на грани роковой ошибки, когда встретится с врагом, который ей слишком хорошо знаком.

- Джилл Купер
  - Над переводом работали:
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19

- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Эпилог

Джилл Купер
15 минут

Над переводом работали:

Перевод осуществлен на сайте http://lady.webnice.ru
Переводчики: Lorik, Нюрочек, Мел Эванс, Yulya Fafa, Trinity-, luizza
Редакторы: Lorik, Araminta
Обложка: Кристюша
Оригинальное название: Jill Cooper «15 Minutes», 2013
Принять участие в работе Лиги переводчиков http://lady.webnice.ru/forum/viewtopic.php?t=5151

Глава 1

У меня есть пятнадцать минут.

— Лара Крейн?

Я стою в стерильной комнате ожидания агентства путешествий во времени, которое по-простому называют «Перемотка». Поворачиваюсь на голос. Рыжеволосая техник с туго затянутым балетным пучком протягивает мне руку.

Мы уже встречались. Ее зовут Дилайла.

Я должна бы сидеть на втором уроке в лабораторном классе, но вместо этого сбежала из школы. У меня есть дела поважнее, чем подготовка к экзамену по химии за десятый класс.

— Рада снова вас видеть.

Оглянувшись, следую за Дилайлой по крошечному коридору в надежно защищенное помещение. В одной руке комкаю бумажные брошюры, другой постоянно заправляю волосы за уши.

Дилайла натянуто улыбается:

— И я вас, мисс Крейн. Одна из моих любимых постоянных посетительниц.

Сажусь в мягкое черное кресло с откидывающейся спинкой, и когда Дилайла закрывает дверь, металлический гул заставляет мое сердце на миг замереть.

Вот и все. Назад дороги нет.

Строгие белые стены, на которых лишь кое-где развешаны плакаты, вынуждают меня чувствовать себя крысой в клетке. Плакаты предупреждают, что у путешествий во времени есть правила, и я собираюсь нарушить все до одного. Чего только не сделает дочь для матери.

У меня всего один шанс, и, судя по подскочившему давлению, мое тело явно это понимает. Как только ты отправляешься назад в определенное время, оно регистрируется как запрещенное. Многократные путешествия в один и тот же момент в одно и то же место приводят к образованию борозды в пространстве, как когда вытаптываешь тропку на деревянном полу. Если я не справлюсь, если не смогу это сделать, мама останется мертвой навечно.

Техник одета во все белое, ее туфли поскрипывают на сияющей серебряной плитке.

Она затягивает ремень у меня на бедрах, и колени приподнимаются сами собой из-за внутреннего напряжения. Узел в животе затягивается еще туже. Я сглатываю, чтобы успокоить нервы, но ощущаю в горле привкус желчи.

Дилайла сидит за компьютером в нескольких футах передо

мной, вероятно, проверяя мою историю путешествий во времени. Это моя десятая экскурсия, и все благодаря скидочной карте постоянных посетителей, которую мне продала Дилайла во время второго визита. Я путешествовала во времени, чтобы составить маршрут и улучшить время моего спринтерского забега по городу.

Техник подъезжает ко мне в своем кресле на колесиках. Она ловит мой взгляд, в ее глазах отражается недоверие.

— Мы проверили дату и место, — говорит Дилайла. — Похоже, это какое-то счастливое воспоминание. Сколько тебе было?

Она окидывает меня оценивающим взглядом. Старательно пытаюсь не разорвать зрительный контакт. Я слишком тяжело над этим работала, чтобы сейчас оказаться раскрытой. На то, чтобы оплатить это последнее путешествие, ушли все мои деньги до последнего пенни.

— Мне было пять. Я пела перед мэром. Там был папа. Тогда это было для меня очень важно.

Дилайла надевает мне на палец стандартный белый кардиомонитор наподобие больничного и старательно его закрепляет, зажав кожу. Ловким движением ноги она заставляет кресло откинуться назад, будто в кабинете дантиста, и я таращусь в стеклянный потолок.

Покопавшись со скучающим видом в карманах, Дилайла выуживает ручку и снова обращается ко мне:

— У тебя будет пятнадцать минут, смотреть придется из коридора.

Я киваю и стараюсь не вспотеть, однако сердце бешено колотится, отдаваясь грохотом в ушах.

Дилайла всматривается мне в глаза и поджимает губы. Она цитирует наизусть:

— Никакого взаимодействия, и не пытайся с кем-нибудь встретиться или кого-нибудь коснуться, пока будешь там. У тебя все равно не выйдет.

Ну, или так она думает. Стискиваю брошюры. Между ними спрятано фото мамы.

— Мы будем за тобой следить. Любые неожиданные изменения в дыхании или сердцебиении — и мы тут же тебя вытащим.

Дилайла колет мне в шею снотворное. Раздается щелчок, будто где-то спрятался жук-щелкун, и на висках у меня начинают пульсировать электроды. В голове звенит. По телу бежит электричество, вынуждая ноги подергиваться, а пальцы — непреднамеренно стискиваться.

Веки наливаются тяжестью. Глаза закрываются, но внезапный шум заставляет их открыться вновь. Сквозь окошко в двери я вижу своего парня, Рика. Он барабанит по стеклу ладонью, и я стискиваю ручки кресла, заставляя ремни впиться в предплечья.

— Арестуйте его, — шипит техник в интерком на стене, и вооруженные охранники заламывают Рику руки за спину.

Дилайла оборачивается ко мне и улыбается. Ее улыбка совсем не выглядит дружелюбной.

У меня от нее мурашки бегут по коже.

— Она готова вернуться.

— Лара! — кричит Рик, и страстная мольба в его голосе разбивает мне сердце. — Не делай этого, Лара!

Кресло начинает вращаться, и комната кружится, пока меня не начинает тошнить. Скорость вращения заставляет меня откинуться на подголовник и открыть рот. Я шепчу одно-единственное слово:

— Мама.

***

Открываю глаза. Я стою в желтых коридорах большой светлой школы, украшенных плакатами на больших листах картона. Коридор качается перед глазами, словно я тону в океане, колени дрожат. Плавно передвигаю ноги, чтобы добраться до шкафчика и опереться на него.

Я не помню, что делала до этого. Тру виски. Я что-то упускаю, и голова разрывается от боли. Заметив в руке бумаги, быстро их просматриваю. Сверху буклет, в котором говорится, что я могу находиться в прошлом пятнадцать минут.

Путешествие во времени?

Перелистывая страницы, обнаруживаю, что краткая потеря памяти ожидаема, но вскоре пройдет. Я заплатила деньги, чтобы вернуться в прошлое, но почему в школу? Что-то в ней есть знакомое, и мне известно, что коридор, в котором я стою, ведет в музыкальную комнату.

Вот только я не понимаю, откуда мне все это известно. Я просто знаю. Словно воспоминания загрузили мне прямиком в мозг.

Из бумаг выпадает фотография, она приземляется на пол лицом вверх.

Ее лицо. Ее глаза. Я будто смотрю в зеркало.

Подхватываю фото и иду по коридору. До меня доносится пианинный аккорд, тихий звук отдается эхом где-то передо мной. Электронные часы на моем запястье пищат. На меня

обрушивается поток воспоминаний, заставив пошатнуться. Ноги подгибаются, словно я получила настоящий удар. Меня мутит, ощущение, будто стошнит прямо здесь и сейчас. Я сглатываю, горло печет, словно по нему течет раскаленная лава. Проверяю часы.

У меня осталось лишь тринадцать минут.

Я не удосуживаюсь заглянуть в двери, чтобы увидеть себя пятилетнюю. Вместо этого бросаюсь бежать по коридору. Ноги скользят по линолеуму, по спине хлопает капюшон. Я врезаюсь во входные двери начальной школы. Меня встречает ослепительный солнечный свет, и я лечу вниз с холма. Старательно работаю руками и глубоко дышу, как меня когда-то учили в Кембриджской средней школе, когда я бегала на короткие дистанции.

Поворачиваю за угол на Масс-авеню, вижу вдалеке башню Рекордз.

Дзынь.

Теперь у меня есть десять минут на то, чтобы пробежать восемь кварталов и успеть спасти маму. Если у меня не получится, если я не справлюсь, другого шанса не будет.

Грудь разрывается от недостатка кислорода, но в моих мыслях лишь мама. Я видела ее на фотографиях, но воспоминаний о ней почти не сохранилось. Мне хочется помнить, как она укрывает меня одеялом или готовит мне обеды. Теперь я одна, и ем лишь разогретые в микроволновке макароны с сыром. Возможно, это была не папина вина. Возможно, он сделал все, что мог, но я хочу большего.

Я хочу маму.

Ноги пекут, легкие умоляют меня остановиться, но я все бегу. Ускоряюсь и подстегиваю себя, пока чуть не валюсь с ног. Из магазина выходит женщина. Я резко беру вправо, чтобы избежать столкновения, и врезаюсь предплечьем в кирпичную стену. Охнув, останавливаюсь и наклоняюсь, уперевшись ладонями в бедра. Дух захватывает от боли. С трудом втягиваю воздух, хотя легкие отказываются работать. Сзади подходит женщина и кладет ладонь мне на плечо.

Стряхнув ее руку, снова срываюсь на бег.

Восемь минут.

Сворачиваю за угол и мчусь к башне Рекордз, в груди теснится тревога.

Здесь это и произойдет. Здесь найдут мамино тело.

Перехожу на быстрый шаг и останавливаюсь возле огромного музыкального магазина. Окидываю взглядом возвышающийся передо мной небоскреб и, свернув в переулок, обхожу его с задней стороны. Вокруг мусорного контейнера маячат

молчаливые тени. Порыв ветра сдувает вниз мешок мусора, он раскрывается. Я улавливаю вонь разлагающегося мяса, и меня мутит. Голова раскалывается. Издав стон, тру виски. За спиной раздается женский голос.

— С вами все хорошо?

Голос будит потаенные воспоминания. Я замираю, оборачиваюсь и вглядываюсь в мамино лицо. У нее такие же, как у меня, голубые глаза, лицо обрамлено кудрями. Безмятежность маминого взгляда потрясает меня. Я знала, что увижу ее, если у меня все выйдет, но не была готова к тому, как будет болеть сердце или как сильно мне захочется ее обнять.

В одной руке у мамы книга, в другой — мобильный телефон. Экран мигает. Видимо, она с кем-то разговаривала, и, может быть, тот, кто находится на другом конце, все еще слушает. Но маму это, кажется, не заботит. Ее глаза устремлены на меня.

— Я в порядке. — Несмотря на сухость в горле, голос звучит нормально, хотя мое состояние можно назвать каким угодно, только не нормальным. — Просто голова болит.

Мама улыбается, и меня окутывает ее душевностью.

— Это и неудивительно в подобном месте. Пойдемте на улицу, на свежий воздух. Достанем вам бутылочку воды.

Я следую за мамой на автопилоте и наблюдаю, как она копается в коричневом кожаном портфеле в поисках воды. Мимо нас снуют пешеходы. Любой из них может быть ее убийцей, но, возможно, оказавшись здесь, я ее спасла. Возможно, я остановила ее, прежде чем она зашла в переулок слишком далеко.

Выпиваю предложенной воды. Мама забирает бутылку назад и спрашивает:

— Как, вы говорите, вас зовут?

— Лара, — отвечаю я, не успев подумать.

Крепко зажмуриваюсь, сожалея об этом. Сердце замирает.

— Забавно, — смеется мама. — Мою дочь тоже так зовут.

В ее взгляде нет подозрительности. Лицо излучает только доброту.

Часы на запястье снова пищат. У меня осталось две минуты.

Мама поворачивает к музыкальному магазину, и я иду за ней. Краем глаза вижу мужчину в переулке.

— Мама!

Она оборачивается, разинув рот от удивления.

— Как вы меня назвали?

Отвечать некогда.

Раздается выстрел.

Толкаю маму в спину, и она падает на тротуар. Оказавшись на ее месте, чувствую, как что-то жалит меня в бок. Рука тут же

прикрывает место укуса, а ноги начинают дрожать, словно желе. Рухнув на тротуар, слышу хруст коленей. Кривлюсь, продолжая зажимать рану ладонью.

На мгновение встречаюсь взглядом со стрелком. У него темные волосы и карие глаза. Стрелок хмурится и сердито кривит губы. Кто бы он ни был, в этот краткий миг меня от страха пробирает дрожь. Затем он убегает прочь. Люди вокруг с криками бросаются врассыпную. Все, кроме тех, что рядом со мной. Кто-то зовет на помощь.

Дыхание отдается у меня в ушах. Мама здесь, держит меня за плечо. Ее губы шевелятся, но я ничего не слышу. В глазах мамы стоят слезы, в моих тоже. Падаю лицом вперед и упираюсь головой в ее колени. Не способная моргать, тупо пялюсь на красный пожарный гидрант, стоящий на тротуаре. Все вокруг как в тумане, дыхание с шумом вырывается из груди.

Клянусь, я вижу перескочившую через меня тень, но, повернув голову, никого не обнаруживаю. Не понимаю. Никакого грабежа не было, почему же меня подстрелили? Маму же убили при ограблении.

Дзынь.

Время вышло. Все темнеет, будто на сцене опускается занавес, хотя мне кажется, что дело не в путешествии во времени.

По-моему, я мертва.

Глава 2

Меня окружает темнота.

Я с трудом дышу, жар в боку расходится по всему телу и добирается до головы. Пытаюсь открыть глаза, но тут же зажмуриваюсь от ослепительного света. Даже если я не мертва, сильная боль заставляет меня вроде как желать смерти. Где-то над головой звенит звонок, и до меня доносится шаркающий звук чьих-то ног.

Закрыв глаза руками, делаю глубокий вдох. Мне нужно вспомнить все, что я сделала и увидела, но воспоминания будто в ослепляющем тумане. Пульсирующая боль невыносима, и что-то внутри отчаянно рвется наружу. Надеюсь, это не рвота. Ненавижу, когда меня тошнит.

Ресницы трепещут, и я открываю глаза, ожидая обнаружить вокруг ад, но вместо этого вижу школьный класс. Я сижу за партой, часы у меня над головой показывают половину третьего. Бросаю быстрый взгляд вниз. На мне чья-то чужая одежда, и она такая девчачья, словно сахарная вата. Юбка коротковата, а футболка ярко-розового цвета. С тех пор как умерла мама, и всю одежду мне начал покупать отец, у меня не было ни одной розовой вещи.

Как я могу быть в школе, если меня только что подстрелили на улице?

Должно быть, я умираю. Дрожащей рукой тянусь к боку, но раны нет. Не считая товарного поезда в моей голове, я, кажется, в порядке. Признательно вздыхаю. Теперь надо пойти домой и увидеть маму.

— Лара, ты опять заснула?

Подпрыгнув на месте, оборачиваюсь на голос. Пристальный заботливый взгляд принадлежит не моему парню, а Донована Джеймсу, одному из самых богатых детей в школе. Он умен, красив и все в жизни получает на серебряной тарелке. Его жизнь — полная противоположность моей. На протяжении всего обучения Донован или игнорировал меня, или поддразнивал.

Так почему же он разговаривает со мной сейчас?

У Донована идеально уложенные светлые волосы, в его голубых глазах поблескивают искорки. Он посылает мне игривую улыбку, и на щеках появляются ямочки.

Пожимаю плечами.

— Ну, может, прикорнула ненадолго.

У него странная улыбка, будто мы друзья.

— Это расплата за все те ночные посиделки допоздна.

Приступ головной боли заставляет меня зажмуриться.

— У меня голова болит. Наверное, ничего серьезного.

— Ну ладно, пошли. У меня в машине есть тайленол. — Донован встает, так что я тоже поднимаюсь, но меня мутит, и начинают дрожать колени. Он подхватывает меня, помогая восстановить равновесие. — Полегче, рок-звезда.

Откуда он знает мое старое прозвище? Меня с десяти лет никто так больше не называет. Вырываю руку из его крепкой хватки.

— Я в порядке. Можешь меня отпустить.

Улыбка Донована дает трещину.

— Должно быть, голова неслабо болит.

Все, что мне нужно, — чтобы боль прекратилась, так что направляюсь к выходу из кабинета. Я приму болеутоляющее, даже если это означает, что мне придется провести время с человеком, с которым мне вовсе не хочется дружить.

Мы идем по коридору сквозь толпу учеников и учителей. Любой звук из-за головной боли кажется сильнее, и я не очень-то рада тому, насколько близко за мной следует Донован.

Только мне кажется, что мы уже вырвались из школы, как дорогу нам преграждает моя подруга Кристина. Ее волосы уложены в стильную короткую прическу. Она улыбается и подпрыгивает на месте. С трудом подавляю желание велеть ей проваливать. Я хочу выпить таблетку, а сейчас она единственная преграда на моем пути.

— Привет, ребятки. — Она так жизнерадостна, что мне хочется ее стукнуть. — Вы в «Пиццу Гарри»?

— Коне… — начинает Донован.

— Нет, — коротко отрубаю я, заставив их обоих удивленно нахмуриться и уставиться на меня. — Голова просто раскалывается. Мне надо домой.

— Домой? — обеспокоенно переспрашивает Донован.

— Да, домой. Чтобы отдохнуть. Я хочу, чтобы боль прошла. Прости, Кристина. В другой раз.

Кристина кивает, будто это пустяки, но в ее взгляде мелькает разочарование.

Обхожу подругу и чувствую, как туман застилает глаза. К тому времени, как я сажусь в кабриолет Донована, я почти ничего не вижу. Ощущаю лишь сосновый аромат — видимо, от освежителя воздуха. Почувствовав, что Донован положил две таблетки на мою ладонь, я глотаю их всухомятку, не дожидаясь, пока он вручит мне бутылку с водой. Делаю большой глоток и возвращаю ее назад.

Донован играет в теннис и постоянно держит запас воды на

заднем сидении. Мне не следовало бы об этом знать, ведь мы никогда не разговаривали ни о теннисе, ни о чем-либо еще. У меня начинают потеть ладони, и я вытираю их об юбку, ну, во всяком случае, о тот клочок ткани, что нахожу на бедрах. Чувствую себя голой и безумно мечтаю попасть домой, чтобы переодеться в джинсы или спортивные штаны. Ну хоть в какие-нибудь брюки!

Когда Донован накрывает мою ладонь своей, меня прошибает током. Пытаюсь вырваться, но он успокаивает меня:

— Просто расслабься.

Рука Донована массирует мою шею, посылая мурашки вниз по спине. Я не совсем уверена, плохие это мурашки или хорошие, но никто, кроме Рика, не имеет права ко мне прикасаться. Донован откидывает мои волосы в сторону и оставляет поцелуй на моем затылке. Я отпихиваю его и отодвигаюсь как можно дальше.

— Ты что творишь? — практически шиплю я на него.

Его глаза светятся озорством.

— Помогаю своей девушке почувствовать себя лучше. Ну, по крайней мере, я считал, что делаю именно это.

Внутри у меня все переворачивается. Я бы никогда не стала встречаться с Донованом. И как насчет Рика? Впиваюсь ногтями в бедра.

— Боль и правда адская. Думаю, мне лучше отправиться домой.

Нащупываю ручку на двери, но Донован хватает меня за запястье. Его хватка не настолько сильна, чтобы причинить боль, но и этого достаточно, чтобы мне захотелось сбежать, чего бы это ни стоило.

— Я тебя отвезу. Мне все равно по пути.

Пытаюсь не зарычать.

Донован живет в одном районе с остальными богатенькими ребятишками, моя квартира на противоположном конце города. Он везет меня к себе, а не ко мне домой. Сворачивает на улицу, где все дома одинаковы, включая розовые кусты перед входом. Здания жмутся друг к другу, вокруг них ни одного дворика, но, во всяком случае, тут двери не запираются на два оборота, и до нас не доносятся крики из квартиры Б3.

Донован паркуется у высоченного здания.

— Это *мой* дом. — Я не могу скрыть своего изумления.

Он поглаживает мою руку.

— Твой, сколько я тебя знаю. Тебе получше?

— Да. Спасибо за…

Он накрывает мои губы своими. Я каменею от удивления. Не

могу поверить. Я ведь занята, я встречаюсь с Риком. Чувствую себя ужасно виноватой уже только потому, что сижу тут с этим богатеньким мальчишкой вместо того бедняка, который украл мое сердце.

Отталкиваю Донована и опускаю голову, чтобы он не увидел, как я расстроена.

Он вздыхает.

— Лар, я знаю, в последнее время тебе пришлось нелегко, но скоро все изменится в лучшую сторону.

Я не могу спросить, что он имеет в виду. Хоть бы Донован считал меня Ларой, с которой знаком, иначе я здорово влипла.

— Надеюсь.

Тереблю подол юбки и изучаю швы на нем. Молюсь, чтобы Донован не заметил, что я понятия не имею, о чем он говорит.

— Будь осторожна. Я позвоню вечером.

Осторожна? Что бы это значило?

— Если передумаешь и захочешь погулять, набери меня, я за тобой заеду, — добавляет Донован.

Пожимаю плечами.

— Мне еще в доме убираться.

Он смеется.

— С каких это пор родители заставляют тебя работать по дому?

— Ха… Ну… Увидимся, — бормочу я.

Выхожу из машины и торопливо поднимаюсь по ступенькам. На фиолетовой двери висит простой венок из засушенной лаванды и других цветов. Прикасаюсь к нему, вспоминая, как папа много лет назад рассказывал, что, когда они были молоды, у мамы было очень много всяких хобби.

— Мама?

Я ужасно хочу ее увидеть, все на свете готова за это отдать. Отыскиваю в сумочке ключи и поражаюсь, когда один из них подходит к замку.

В прихожей меня встречает аромат ванили. Дом похож на музей, и не только потому, что тут никого нет, но и потому, что все вокруг такое изысканное и утонченное. Я раньше ни разу не видела столько дорогого антиквариата. На роскошной мебели нет ни царапин, ни пятен. В гостиной стоят диваны с нежной кремово-желтой обивкой. На кофейном столике свежие цветы, а стена напротив увешана всевозможными сувенирами. Все кажется таким новым, таким красивым, но при этом тут уютно. Кому-то пришлось изрядно попотеть, чтобы обставить комнату именно так.

Посередине столика стоит богато украшенная серебряная

рамка. У меня щемит сердце, когда я ее вижу. Это наша с мамой фотография, сделанная пару лет назад. Мы склонили головы друг к другу, такие похожие, с одинаковыми глазами и волосами. Наши лица освещены улыбками. Я касаюсь рамки дрожащим пальцем. Она настоящая. Я ее чувствую.

Мне надо увидеть маму. Сейчас же.

Меня осеняет идея, и я вытаскиваю из сумочки телефон. Чехол со стразиками? Я разочарована, но, по крайней мере, мама вернулась. Наверное, я смогу пережить то, что превратилась в слегка гламурную девчонку. Само собой, никто ничего не заподозрит, если я избавлюсь от кое-какого барахла.

Листая список контактов, вижу, что большинство имен мне знакомы. Дойдя до маминого, застываю. Руки трясутся так сильно, что я еле могу двигать пальцем по экрану.

Звоню.

Жду, кажется, целую вечность.

— Вы набрали Миранду. Сейчас я не могу подойти к телефону, но, пожалуйста, оставьте сообщение.

При звуках ее голоса у меня захватывает дух.

Бип.

Надо что-то сказать. Судорожно втягиваю воздух.

— Привет, мам. — У меня ломается голос. — Это я, Лара. Хотя ты, наверное, уже и так это поняла. — Смеюсь и вытираю руки об юбку. — Мне нужно с тобой поговорить, так что не могла бы ты мне перезвонить? Пожалуйста, это очень важно.

Я на полпути наверх, когда открывается входная дверь. Поворачиваюсь, с волнением ожидая увидеть маму, но вместо нее входят двое маленьких детей. На них одинаковые темно-синие блейзеры. Похоже на форму какой-то частной школы. Это мальчик и девочка. Оба блондины, и у обоих, как и у меня, голубые глаза. При виде меня они тепло, по-семейному улыбаются.

— Можно, мы посмотрим телевизор, пока не придет мама? — спрашивает девчушка.

Мама? У меня открывается рот, и я застываю, потеряв дар речи. В голове снова начинает пульсировать боль, и я крепко закрываю глаза. Мысленно вижу, как гоняюсь за этими двумя по парку, катаю их на качелях. Но как это возможно? Я же только что их встретила.

Майк бьет Молли по руке. Я откуда-то знаю их имена, словно воспоминания о них транслируются мне прямиком в голову.

— Лара никогда нам не позволит. Она всегда заставляет нас сначала сделать домашнее задание.

— Правильно, — с облегчением вздохнув, отвечаю я. —

Идите делайте домашку.

Взъерошиваю ребятишкам волосы, потому что у меня ощущение, что так надо.

Оставаясь на лестнице, наблюдаю, как они, не переставая болтать, усаживаются на пол за кофейным столиком и вытаскивают из рюкзаков книги и тетради. Их щебет такой легкомысленный и такой нормальный. Я крепче стискиваю перила. Мне всего лишь хотелось, чтобы вернулась мама, но столько всего изменилось. Теперь у меня есть семья, и все из-за того, что я изменила одну маленькую вещь. Ну ладно, может, не такую и маленькую.

Закрываю глаза и вижу лицо Рика. Он предостерегал меня, чтобы я не рисковала нами, нашим будущим. Кажется, я все-таки это сделала.

Рик.

Но зато у меня есть мама.

В задумчивости прикусив губу, нахожу наверху свою комнату. Боюсь, что она будет похожа на дворец принцессы из розовой сладкой ваты, но стены здесь белые, и единственным розовым пятном оказывается покрывало на кровати. Комната больше, чем целая квартира, в которой жили мы с папой. В ней даже есть балкон, выходящий на маленький внутренний дворик.

Покопавшись в шкафу, нахожу джинсы и футболку. Футболка впечатляет количеством девчачьих кружавчиков, но это лучше, чем ничего. На ярлыке написано «Гуччи», а толстовка, которую я выхватываю с полки, от «Джуси кутюр». Я одеваюсь по последней моде. А нельзя мне вернуть мои отвратительные тряпки из «Уолмарта»?

Натягиваю одежки и ловлю свое отражение в зеркале в полный рост. Выгляжу я так же, как раньше, но мои волосы… Кудряшек больше нет, все локоны выпрямлены. С чего бы мне выпрямлять волосы? На туалетном столике лежит утюжок и стоит столько косметических средств для волос, что можно открывать собственный салон. В этом нет никакого смысла. Мне же нравится, что у меня такие же кудри, как у мамы. Зачем так мучиться, чтобы их распрямлять?

Внизу хлопает входная дверь, и я подскакиваю.

— Папочка дома! — звенит голосок Молли.

Папочка. Я тут же мысленно представляю своего добродушного отца с каштановыми волосами и радостной улыбкой. Хотелось бы мне рассказать ему, что я сделала, но нельзя.

Вылетаю из комнаты и сбегаю вниз по лестнице. Не могу дождаться, когда снова увижу и обниму папу. Спустившись,

обнаруживаю, что он обнимает моих брата и сестру. Я замираю.

Ко мне поворачивается блондин.

Незнакомец.

Я превращаюсь в ледяную статую.

— Как прошел день, принцесса, хорошо?

Все внутри переворачивается. Мне хочется сбежать. Где, черт возьми, мой отец?

Глава 3

Этот мужчина, незнакомец, вместо которого я ожидала увидеть своего отца, целует меня в лоб и улыбается, словно знает меня, словно это он меня вырастил. Чувствую, как накатывает тошнота.

— Мне нужно сделать уроки, — спокойно говорю я. — Когда мама будет дома?

Незнакомец сверяется со своими золотыми часами. Все в нем совершенно — от дорогого серого костюма до итальянских туфель. Я не знаю его имени, но он великолепен, и я его ненавижу. Он виноват, что папы здесь нет. Я спасла маму для себя и папы, а не для этого придурка. Мне плевать, кто он — хоть сам дьявол, — я никогда его не признаю.

— Не раньше, чем через несколько часов, — отвечает он. — Должна вернуться, прежде чем ты ляжешь спать. Все хорошо?

— Да, просто хочу ее увидеть.

— Если тебе нужно поговорить, я всегда здесь.

Молча киваю, ибо выдавить что-либо в ответ просто не могу. Ненавижу его сочувствующие глаза! Убегаю в свою комнату и, притворив дверь, прислоняюсь к ней. Закрываю глаза и делаю глубокий вдох, а когда открываю, вижу стол с ноутбуком. Наконец хоть что-то знакомое! Я смогу поискать в интернете информацию о папе и Рике. Может быть, пойму, что случилось.

Ноутбук розовый. Кто бы сомневался. И защищен паролем. Какой бы пароль установила эта Лара? Задержав дыхание, вбиваю «Донован», и вуаля, я вошла.

На заставке фото меня самой и компании подростков. Мы на пляже, сидим на валу в одинаковых футболках. Кажется, это форма волейбольной команды. Лица ребят мне знакомы, но я их не знаю. За исключением Донована. Он сидит рядом, обнимая меня за плечи, с идиотской улыбкой на лице.

Словно любит меня. Словно думает, что я ему принадлежу.

Застонав, начинаю поиски. В электронном телефонном справочнике с легкостью нахожу Рика. Он живет там же, где и жил. А вот на папу информации нет. Никакой. Открыв гугл, вбиваю «Джон Крейн» и получаю миллион ссылок на разных Джонов Крейнов со всех концов страны, словно я ищу какого-нибудь Смита или Джона Доу. Тут мне в глаза бросается статья, в которой упоминается Кембридж, штат Массачусетс, и я нажимаю на ссылку. Экран мигает, и я оказываюсь на другой странице.

Содержимое заблокировано.

Стискиваю зубы. Они установили на мой ноутбук какую-то

хрень вроде интернет-няни! Папа никогда так не поступал. Он мне доверял. Знал, какая я.

Обуваю кроссовки, стоявшие на дне шкафа, и сбегаю вниз. Мой новый папочка расположился с близнецами на диване, они вместе делают домашнюю работу. Бросив взгляд через плечо, он хмурится.

— Куда-то собираешься?

— Да, искать своего настоящего отца. — Чувствую, как горят щеки и гневно раздуваются ноздри.

Он встает, и воздух в комнате густеет, электризуется вокруг нас. Оторвавшись от уроков, на нас оглядываются близнецы.

— Где. Мой. Отец? — Сложив руки на груди, пронзаю его взглядом и жду ответ.

Парень явно злится, но глаза не утрачивают своего участливого выражения.

— Лара, мы это уже обсуждали. Миллион раз. Знаю, тебе хотелось бы, чтобы все сложилось иначе. Давай пойдем на кухню, я заварю нам чай, и мы дождемся твою маму.

Он тянется к моей руке. На лице написаны доброта и понимание, а мне хочется лишь заблевать его прекрасный отутюженный костюм. Вырываю руку и выбегаю из дома. За мной грохочут его шаги.

— Лара Монтгомери, а ну вернись!

Я даже не оглядываюсь.

Глава 4

Время ужина, и метро забито офисными сотрудниками и подростками, едущими домой. По стенам расклеены рекламные плакаты «Перемотки».

Хотите вновь увидеть рождение сына?

Хотите сохранить воспоминания о своей свадьбе?

Присоединяйтесь к Банку воспоминаний в «Перемотке»!

Банк воспоминаний?

Сгорбившись, сижу в поезде. Остановка — и меня кидает в сторону. Открываются двери, кто-то выходит, кто-то входит. Мне улыбается какая-то пожилая дама.

Пытаюсь ответить тем же, но не могу.

Я думала, что готова. Думала, что справлюсь со всеми последствиями, но это… К такому я не была готова.

Рик пытался предупредить меня. Пытался объяснить.

Вспоминаю тот последний раз, когда мы вместе сидели в его комнате.

***

Покрывало скомкано и усыпано бумагами. Рик, сцепив руки за спиной, ходит из угла в угол. На нем фланелевая рубашка с танцующими языками пламени на плече.

— А если тебя поймают?

— Не поймают. Я знаю, что нужно делать. Маршрут отработан.

— Поэтому ты и начала заниматься бегом? Тренировалась?

Наши глаза встречаются, и я вижу отчаяние в его взгляде.

— Когда человек путешествует во времени, это не он сам, а голограмма. Ты это прекрасно знаешь. Так как же ты сможешь изменить прошлое? — спрашивает Рик.

С трудом сглатываю комок в горле.

— Отправившись на свой день рождения… я прикасалась там к вещам, помогала людям. Я знаю, что смогу. Знаю. — Пожимаю плечами. — Думаю, я особенная.

Рик опускается передо мной на корточки. Мягкие каштановые волосы падают ему на лоб, в изумрудных глазах застыла боль. Он нежно гладит мои руки.

— Ты же понимаешь, что они следят за путешественниками в прошлое. Если зафиксируют какие-нибудь скачки энергии или другие аномалии, сразу же выдернут тебя обратно и арестуют. Ты же в курсе, что взаимодействовать с прошлым запрещено

законом.

Это известно всем. В некоторых случаях суд разрешает полиции отправиться в прошлое, чтобы засвидетельствовать преступление. Если так и произойдет — мне конец. Но, к счастью, этот процесс так же увлекателен, как наблюдение за ростом травы.

— Она моя мама. — У меня дрожит голос. Рик касается моей щеки, и я закрываю глаза. — С первого раза, когда я отправилась на свой день рождения, я не могу перестать о ней думать. — Закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Рик нежно трется носом о мою щеку, и меня согревает его теплое дыхание. Я в безопасности, мне хорошо и уютно.

— Я видела, как она вела себя со мной. — Шепчу, так как понимаю, что если начну говорить чуть громче, продолжить просто не смогу. — Я была ребенком, и она так сильно меня любила! Пела мне. И папа… Мы были так счастливы вместе. — Качаю головой. — Вот чего я хочу. Мне это нужно! И ему тоже.

Взгляд Рика смягчается.

— И если у тебя получится, все изменится. Сама знаешь.

— Конечно, знаю. Мама будет со мной!

— Я о другом. — Рик отводит глаза, на лице его застыла боль. — Изменится твоя жизнь. Наша жизнь.

Хмурюсь.

— Что ты пытаешься сказать?

— Что, если мы не встретимся? Потеряем друг друга?

От подобной мысли сердце начинает биться как сумасшедшее.

Откидываю его мягкие волосы со лба.

— Этого не случится. Ничто не изменит моих чувств к тебе.

На лице Рика читается сомнение. Наклоняюсь и легко касаюсь его губ. Он тут же приоткрывает рот, я тоже — и мгновенно вспыхивает желание. Рик забирается на кровать, и я обнимаю его за шею. Поцеловав меня в щеку, он ложится рядом, голова к голове.

— Я не хочу лишиться нашего будущего, Лара. Ты готова рискнуть ради этого всем, что тебе знакомо?

Вместо ответа кладу голову Рику на плечо, и он меня обнимает. В кольце его рук я в безопасности.

И несмотря ни на что, мой ответ — да.

***

Я даже и не помышляла, что подобное изменится.

И это только начало. Я поменяла прошлое и физически не

пострадала, но мое сердце платит дорогую цену.

Поезд рывком останавливается. Выхожу и иду к дому Рика. В моей старой жизни в такое время его родители еще на работе. Надеюсь, и в этой жизни тоже.

Район, где живет Рик, был моим домом. На углу Марв бездомный раздает рекламные листовки. Ступени лестниц раскрашены аэрозольными красками. На грязных улицах валяется мусор. Моя новая жизнь кажется фальшивкой, но здесь… Здесь все настоящее. Родное.

На осыпавшихся ступенях сидят дети. Протиснувшись между ними, поднимаюсь на три пролета к квартире 3Б. Звонок сломан, так что просто стучу и жду. Нервно облизываю губы. Внутренности скручивает от волнения.

Рик приоткрывает дверь, но цепочку не снимает. Смотрит с подозрением.

— Да? — В голосе не слышно узнавания.

Сердце разочарованно сжимается. Заставляю себя заговорить:

— Я тут подумала… Можно мне зайти и кое-что с тобой обсудить? Это я, Лара.

— Лара Монтгомери? — Он настороже. Ждет подвоха.

Хочется крикнуть, что это не мое имя, но лишь киваю.

— Ага. У меня… мне нужно с тобой поговорить.

— Хорошо. — В голосе слышится сомнение. Рик закрывает дверь, щелкает замком. — Не понимаю, что тебе может хотеться со мной обсуждать.

Зайдя, замечаю, что на Рике кожаная куртка и джинсы в обтяжку. Волосы, как обычно, падают на лицо, но в его позе и походке вижу любопытство. Рик ведет меня в гостиную — заставленную мебелью, такую знакомую. Словно я снова дома.

Засунув руки в карманы, Рик смотрит на меня пристально и оценивающе. С трудом удерживаюсь, чтобы не броситься к нему в объятия и не начать целовать.

— Понимаю, что это звучит странно, но не мог бы ты рассказать, что тебе обо мне известно?

Рик подозрительно прищуривается.

— Известно о тебе?

— Где мы познакомились. Когда я переехала. Чем занимаюсь в школе. Все, что только придет тебе в голову.

— Для чего? — Рик мрачнеет и хмурится. Не хочет мне подыгрывать.

— У меня кое-какие проблемы. — Решаю быть честной. — И мне нужно, нужно услышать, как кто-то это скажет.

Что-то в моем голосе трогает Рика. Его лицо смягчается, он вынимает руки из карманов.

— Мы познакомились в школе. Точнее, в детском саду. Ты переехала, когда твоя мама снова вышла замуж. Но ты и сама все это отлично знаешь.

— Сколько мне было тогда лет?

С недовольным ворчанием Рик отворачивается.

— Это глупо.

— Сколько? — настаиваю я.

— Семь. Восемь. Мы были детьми.

— И что потом?

— А потом ты пообещала, что мы всегда будем друзьями. Но у тебя появились крутые шмотки, большой дом. Ты теперь в компании богатеньких деток, так что нет, мы не друзья. — С потемневшими от гнева глазами Рик мрачно ухмыляется. — А ведешь ты себя так, будто вообще меня не знаешь.

Закрыв рот рукой, падаю на диван. Наши отношения были бесценны! Как они могли исчезнуть? Вот так, в мгновение ока?

— У тебя что, какой-то нервный срыв?

Качаю головой. Я не могу ему ответить.

Рик садится рядом и внимательно за мной наблюдает.

— Ты знаешь, что случилось с моим настоящим отцом? Джоном Крейном?

— А ты разве нет? — парирует он. — Все знают.

Рик пристально меня изучает. Отвожу глаза, ибо мне нельзя ничего выдать, но тут он касается моего плеча, и я таю. Решение молчать испаряется.

— У меня определенные… сложности. Такое чувство, будто я живу чужой жизнью. Будто это не мои вещи, не мои друзья. Будто я совершила ужасную ошибку. — Закусив губу, отворачиваюсь.

Взгляд падает на кофейный столик, по которому разбросана всякая ерунда. Бумажник. Ремень. Но ни одной нашей общей фотографии, а в той жизни они были! Не вижу наших улыбок, когда мы остановились купить мороженого. Не вижу глупого оранжевого медведя, которого я выиграла для Рика на ярмарке.

— Это не твоя вина. Просто твоя мать снова вышла замуж. Послушай, вообще никто не виноват, что у тебя теперь прекрасная жизнь. Я бы даже сказал, что тебе повезло.

Я вижу горечь в его глазах, и пропасть между нами растет.

— По крайней мере, твои родители не развелись. — Опускаю голову и смотрю на свои идеальные ногти. Ненавижу этот акрил, мечтаю его сорвать.

— Я думал, тебе нравится мистер Монтгомери. Ты всегда называла его папой.

Чувствую, как глаза лезут на лоб, словно у Рика выросло две головы. Меня охватывает паника. Со стоном сжимаю виски. У

меня словно мозг кипит. Отвернувшись, я зажмуриваюсь, и перед глазами встают воспоминания. Однако для меня они совершенно новые.

Я в белом платье — еще совсем ребенок — иду по проходу церкви. Волосы подняты наверх и украшены розовой лентой с заколками-цветами. Улыбаясь по-малышачьи, я разбрасываю розовые лепестки из небольшой плетеной корзины. С обеих сторон непрерывные вспышки камер. Смотрю вперед и замечаю Джекса Монтгомери в смокинге. Он стоит у алтаря со сжатыми руками. Джекс мне подмигивает, и я вижу в его глазах обожание. Гордость. Я счастлива. Не могу дождаться, когда мама произнесет клятвы и мы станем семьей.

Картинка тает, словно туман на солнце. Ощущение, будто глаза сейчас взорвутся, и я закрываю их ладонями. Когда боль наконец утихает настолько, что у меня получается открыть глаза, вижу Рика, протягивающего мне стакан воды.

Он выжидающе на меня смотрит. Надо что-то ему сказать. Чтобы потянуть время, медленно пью воду. В голове одна за другой возникают картинки моей измененной жизни, причиняя сильную боль, словно мое тело отвергает их физически.

Мне миллион раз повторяли самое главное правило путешествий во времени.

Нельзя менять прошлое.

Я знала об опасности, но все равно рискнула. Это называется болезнью путешественников во времени. Звучит не очень-то страшно, просто способ напугать, но кажется, я таки откусила больше, чем смогу прожевать.

Рик забирает стакан и видит мои трясущиеся руки.

— А ты не под кайфом? Если да, сейчас же убирайся! — Он мрачнеет, и я понимаю его опасения. Его брата арестовали за торговлю наркотиками в школе, и он до сих пор в тюрьме.

Серьезно смотрю на Рика.

— Нет, клянусь. — Пытаюсь рассмеяться, но смех застревает в горле. — Просто иногда голова болит. Уже прошло.

Рик подозрительно щурится.

— Не обижайся, но с последнего нашего разговора ты сильно изменилась. Сейчас будто другой человек.

Можно ли ему довериться? Я хочу, но с этим Риком мы перестали быть друзьями много лет назад. Не знаю, сохранит ли он мой секрет или выдаст меня. Я могу провести в тюрьме остаток жизни. Или того хуже.

— Ты никогда не задумывался, какой была бы жизнь, если бы я не переехала или не стала бы Монтгомери?

Рик криво улыбается. Уже прогресс.

— Разумеется, задумывался. В детстве. Гадал, когда же ты появишься со своей перчаткой для софтбола, как делала прежде. — Рик трет колено, и на его лице появляется серьезное выражение. Он готовится открыть мне секрет.

В нетерпении облизываю губы. Ужасно хочу к нему прикоснуться, попросить, чтобы он мне доверился, но не могу.

— Я много лет хранил эту глупую штуку в коробке из-под обуви. — Рик прищелкивает языком и краснеет.

Я понимаю, о чем он говорит, так как в прошлом, в котором мы были вместе, эта «глупая штука» стала первым символом нашей любви.

— Но ты переехала, — продолжает Рик. — Я брал его с собой на свадьбу твоей мамы. Носил первый год средней школы на случай, если снова тебя увижу, но все изменилось, и я… так и не набрался храбрости.

— Кольцо с леденцом, — тихо шепчу я и вижу, как его лицо вытягивается, а глаза загораются гневом.

Рик отодвигается, увеличивая между нами расстояние.

— Откуда ты… тебе моя мать рассказала?

— Нет. — Тревога сжимает грудь, и мне ничего не остается, кроме как дать ей волю. — Ты мне его отдал. Когда нам было по девять лет.

Рик непреклонно качает головой.

— Нет, я этого не делал. Откуда ты…

— Делал. В другом прошлом. Том прошлом, которое я помню. А это настоящее — оно неправильное, Рик.

Касаюсь его руки, глажу пальцы, как мы делали в той жизни, но не успеваю и глазом моргнуть, как он оказывается на другой стороне комнаты. Запустив пятерню в волосы, Рик отводит пряди от лица, что для меня красноречивее тысячи слов.

Я его испугала. Нужно все исправить! Встаю, но Рик вскидывает руки, удерживая меня на расстоянии.

— Не знаю, что ты задумала, но с меня хватит. Считаешь, можешь мной играться? — Он прожигает меня свирепым взглядом, и его щеки вспыхивают.

— Рик…

— Уходи. — Он рывком открывает дверь, и фотографии на стене дребезжат.

Поворачиваюсь и смотрю на него, но Рик отказывается встречаться со мной глазами.

— Если ты дашь мне пять минут, я все объясню. Если бы ты только допустил возможность…

— Сейчас же! — Рик упрямо смотрит в стену, стиснув зубы. Ему требуется время, но я отчаянно нуждаюсь в ответах!

Не сводя с него глаз, задом пячусь к выходу. Знаю, что он чувствует мой взгляд. Я все жду хоть какого-то знака, но вижу лишь захлопнутую перед носом входную дверь. Вздыхаю и выхожу на улицу.

Смеркается. Меня встречает холодный ветер, и по спине пробегает дрожь. В животе огромная дыра. Дома придется ответить на массу вопросов, особенно учитывая, что уже так поздно. Но как дом может быть домом без папы? Мне стоит отправиться обратно и начать расхлебывать кашу, которую я заварила, но я пока не готова. Чем дольше я медлю, тем хуже, но сейчас я могу только представлять, как это будет. Поднимаюсь на платформу метро и сажусь в поезд до Масс-авеню, на которой находится городская библиотека.

Тут полно студентов колледжа, так что я в своей толстовке с капюшоном довольно неплохо вписываюсь. На втором этаже между стеллажами с книгами там и сям расставлены компьютерные столы. Сажусь за один из них и вбиваю в поисковую строку папино имя.

Пролистываю результаты, пока мое внимание не привлекают какие-то старые новостные статьи. Дыхание перехватывает, а мозг отказывается работать.

«Осужденному за покушение на убийство Джону Крейну отказали в условно-досрочном освобождении

Десять лет назад Джон Крейн был осужден за найм киллера с целью убийства своей жены Миранды. Во время неудачной попытки был застрелен случайный прохожий, однако тело исчезло до приезда медиков на место преступления.

На протяжении всего судебного разбирательства и тюремного заключения Джон Крейн утверждал, что невиновен. Переписки по электронной почте, отпечатков пальцев, выписок с банковских счетов и аудиозаписей оказалось достаточно, чтобы убедить жюри присяжных в его виновности, хотя полиция так и не задержала киллера.

В связи с отклонением прошения об условно-досрочном освобождении Джон Крейн через своего адвоката обнародовал следующее заявление: «Я разочарован, что мой запрос вновь отклонили, но я не сдамся и продолжу бороться».

Боль распространяется по всему телу, будто кровь, растекаясь по венам и приливая к каждому мускулу и суставу. Вряд ли можно испытывать еще большие страдания. Это моя ошибка. Я за это в ответе. Я во всем виновата. Желудок бунтует, и не успеваю я опомниться, как у меня подкашиваются колени, и глаза застилает

белое марево. Мой пульсирующий мозг опять пытается взорвать череп изнутри.

Головная боль предупреждает, что еще немного — и я получу больше информации, чем смогу вынести, и я начинаю сопротивляться, что лишь усиливает мучения. Я не хочу знать, не хочу видеть, но бороться удается совсем недолго.

Такое ощущение, будто мне что-то вложили в мозг, словно знания прямиком загрузили в меня из внешнего источника. Мое тело по-прежнему в библиотеке, но я больше не вижу ни уродливых столов, ни старомодных стеллажей. Вместо всего этого у меня перед глазами всплывает голубая дымка, а когда она бледнеет, я снова в квартире, где жила с родителями, когда была маленькой.

Я цепляюсь за папину ногу. Мама тоже здесь, и она тянет меня за юбку, крича, что нам надо идти. Я испугана и сбита с толку. В квартире полицейские, и они собираются забрать папу, но я не хочу, чтобы он уходил. Мне нужно, чтобы он остался с нами.

Папа молчит. Я крепко держусь за штанину, спрятав лицо у него в коленях. Жадно хватаюсь за его джинсы, отчаянно пытаясь не выпустить ткань. Папа дрожащей рукой треплет меня по голове.

Кто-то подходит сзади, отцепляет мои пальцы и поднимает меня в воздух. Я кричу и извиваюсь, протягивая к папе руки через мужское плечо.

— Папочка, помоги мне! Я не хочу уходить! Папочка!

Смятение в его отчаявшихся глазах пугает меня. Папа ко мне не подходит, он просто не может. Его лицо мокрое от слез. С двух сторон от папы стоят полицейские и придерживают его руками, чтобы он не мог броситься за мной.

Я умоляюще смотрю на отца. Мне просто хочется, чтобы он подошел и сказал, что слухи, которые ходят по школе, — это неправда. Папочки не делают того, о чем шепчутся люди. Он любит маму, и меня тоже.

— Я найду тебя, Лара. Богом клянусь, мы снова будем вместе. Проклятье, Миранда, ты же знаешь, что я этого не делал. Ты знаешь!

Его слова не успокаивают. Полицейский передает меня маме. Я прячу лицо в ее волосах и рыдаю все время, пока мы спускаемся и садимся в машину, готовую умчать нас вдаль. Что, если я больше никогда не увижу дома?

Туман рассеивается, и я снова вижу библиотеку, чувствуя пульсирующую в висках кровь. Вокруг меня столпились люди. Замечаю на полу рассыпавшееся содержимое сумочки и

подползаю поближе, чтобы сгрести все обратно. Под столом вибрирует телефон, на экране светится одно слово.

Мама.

Хватаю трубку и понимаю, что мне надо поговорить с ней лично. На плечо опускается чья-то ладонь.

— Мы вызвали скорую, — сообщает пожилой мужчина. У него заботливый взгляд, а на голове старомодная шляпа, как у Индианы Джонса.

— Я в порядке. Просто почти не ела сегодня. — Я встаю, вцепившись в сумочку, но колени дрожат.

— Что-то мне не кажется, что вы в порядке, юная леди.

— Мне надо домой.

Пытаюсь проскочить мимо, но он следует за мной по пятам.

— Пускай вас осмотрит доктор. Что в этом плохого?

Тут особо не поспоришь, так что я остаюсь и жду. Появляются люди в белых футболках с носилками, но я знаю, что фельдшеры ничего не обнаружат. Ничего такого, что могло бы зафиксировать их оборудование.

И все же со мной что-то не так. Меня просят присесть, и я, стиснув ремешок сумочки, повинуюсь. Болезнь путешественников во времени. Объединение новых и старых воспоминаний. Я считала, что смогу ее избежать. Полагала, что со мной этого не случится, но сейчас эта болезнь ударила по мне, и довольно сильно.

Нужно отыскать папу. Надо обелить его имя, прежде чем старые воспоминания о том, как он меня растил и как мы с Риком были вместе, испарятся, уступив место новым. Или, что еще хуже, прежде чем у меня произойдет кровоизлияние в мозг, и я умру.

Глава 5

Доктора говорят, что все в порядке — это просто истощение и голод. Но они не считают нужным сделать мне сцинтиграфию головного мозга, а я уж точно не стану им это предлагать. В итоге мне просто дают поесть и попить сока. Примитивно, но это срабатывает.

В начале девятого вечера я уже сижу, свесив ноги с кровати, и жду, когда меня заберут родители. Надеюсь, мама приедет одна, и я смогу с ней поговорить. Слышу шаги в коридоре. В животе тревожно порхают бабочки. Я поднимаю взгляд и вижу растрепанного Джекса.

На его лице написано беспокойство. И хоть я злюсь, но мысленно вижу его на свадьбе в моих новых воспоминаниях. Я испытываю к нему новые чувства. Джекс вырастил меня, и, как бы я его ни ненавидела, но то, как я себя с ним вела, было несправедливо. Он молча садится рядом со мной на койку и накрывает теплой ладонью мою руку. Я рассматриваю его лицо, пока он изучает линолеум на полу.

Мне не хочется с ним ссориться — не стоит еще сильнее усложнять себе жизнь.

— Прости, — шепчу я, кусая губу.

— Где ты была? — спрашивает Джекс, часто моргая, и, встретив мой взгляд, тут же отводит глаза.

Такое чувство, будто ему тяжело даже находиться рядом со мной. В его глазах застыла боль, источником которой стала я, и мне стыдно — за все.

— Просто гуляла. Надо было подумать.

Джекс опирается локтями на бедра и наклоняется вперед.

— Ты пользовалась компьютером в библиотеке?

Должно быть, доктора ему все сообщили.

— Ага. — Я мну подол юбки, переполненная чувством вины.

Джекс вздыхает.

— Мне жаль, что ты узнала обо всем подобным образом. Знаю, мы должны были сами рассказать тебе о слушании по поводу условно-досрочного освобождения. Твоя мама… — Он замолкает, очевидно, старательно подбирая слова. — Мы не хотели тебя расстраивать. И это работало.

Его улыбка заразительна, и когда я улыбаюсь в ответ, Джекс пододвигается ближе. Он обнимает меня за плечи, пытаясь подбодрить. Я закрываю глаза. Все внутри меня кричит Джексу, чтобы он прекратил, но я сдерживаю порыв.

Он целует меня в лоб.

— Мне жаль, принцесса, мне очень жаль. Знаю, тебе бы хотелось, чтобы все уладилось как-нибудь само по себе.

Да, хотелось бы. Этого и многого другого.

— Где мама?

— У нее было позднее совещание, и она застряла в пробке. Мама встретит нас дома.

Он играет с моими волосами, словно делал это миллион раз, и у меня перед глазами всплывает картинка его лица, когда он укладывает меня спать. Я обнимаю его за шею пухлыми ручками и лепечу: «Я люблю тебя, папочка».

Папочка.

Меня осеняет.

— Мама много работает.

Я подобного не ожидала. Думала, мы будем вместе.

— Это ненадолго. Ведь через пару недель мы отправимся в отпуск на Багамы. Понимаю, поездка с родителями не самая модная вещь в мире…

Я смогу провести время с мамой, если к тому времени мой мозг не превратится в кашу.

— Да нет, звучит здорово. Не могу дождаться.

Джекс подмигивает, и морщины на его лбу разглаживаются.

— Понимаю, в последнее время у нас были проблемы, но я люблю тебя, Лар. Ты должна это знать.

— Я знаю. Конечно. — Хотела бы я понимать, о чем он говорит.

— Давай-ка отвезем тебя домой. Если поторопимся, ты сможешь пожелать близнецам спокойной ночи.

Мы выходим из больницы, и Джекс подталкивает меня к семейному авто. Удобно устроившись внутри, смотрю, как за окном проплывают дома, а свет фонарей отсвечивает на стекла. Звонит мой телефон. Это Донован. Отправляю звонок на голосовую почту.

— Если хочешь, можешь выбрать другую радиостанцию, — предлагает Джекс.

— Не надо, все в порядке, — безучастно отзываюсь я.

Он удивленно поднимает брови.

Что еще во мне изменилось? Я дерзкий избалованный ребенок? Теперь я все принимаю на веру, потому что у меня есть мама с папой, о которых я всегда мечтала, пока мой настоящий отец гниет в тюрьме? Когда мы подъезжаем к дому, делаю глубокий вдох и выпрямляюсь на сидении. Не знаю, пускают ли к папе посетителей, но мне нужно это выяснить. Я должна его увидеть.

Дом встречает меня тишиной и приглушенным светом.

Близнецы, наверное, уже спят. До меня доносятся витающие в воздухе запахи картошки и лимона, и как только я захожу на кухню, слышу звон столового серебра.

Вот и она.

Наклонилась над посудомоечной машиной и загружает тарелки после ужина. Каштановые кудри закрывают ей лицо.

— Мама? — хрипло говорю я.

Она выпрямляется. На ее лице борются беспокойство и облегчение. У меня начинают дрожать губы, и я кидаюсь к маме. Она раскрывает мне объятия. Глубоко вдыхаю, вспоминая ее ванильный аромат. Мама крепко стискивает меня, я делаю то же самое, задыхаясь от рыданий.

— Ох, детка, — шепчет она, ласково поглаживая меня по голове. — Прости, что не перезвонила тебе сегодня. У меня сейчас бешеное расписание, постоянные совещания.

Киваю, крепко закрыв глаза и счастливо спрятав лицо в ее волосах. Они щекочут мне нос, но это неважно.

Мама берет меня за плечи и чуть отодвигает от себя, чтобы заглянуть в глаза. Погрустнев, она вытирает слезы с моих щек.

— Тебе тяжелее, чем кому бы то ни было. Если бы я могла все прекратить, я бы так и сделала, Лара.

— Я рада… что я дома.

— Я тоже. — Мама улыбается и указывает на высокий табурет. — Посиди со мной минутку.

Она открывает холодильник, достает две бутылки яблочного сока и протягивает одну мне.

— Когда папа позвонил и рассказал, как ты вылетела из дома… — Она замолкает и делает глоток. — Я давно так не злилась, Лара. Но когда сообщили, что тебя забрали в больницу… — Мама бледнеет. — Так страшно мне не было с того дня в переулке.

Неловко кручу крышечку на бутылке.

— Я не хотела падать в обморок или быть такой… злой.

— Понимаю, тебе тяжело осознавать, что Джон в тюрьме, но Джекс тоже тебя любит. Он был здесь, с тобой. С нами. И я понимаю, что ты подросток и постоянно находишься в растрепанных чувствах. Сегодня ты нас ненавидишь, завтра — обожаешь. — Мама делает глубокий прерывистый вдох. — Но я хочу, чтобы ты проявляла уважение, хорошо? Джексу вовсе нелегко так сильно тебя любить и при этом выслушивать твои оскорбления.

Я и раньше так делала?

— Я извинилась.

— Хорошо. — Мама, кажется, успокоилась, она отводит

волосы у меня со лба и целует меня. Мне с ней так хорошо. Я как будто купаюсь в лучах теплого солнца. — А теперь отправляйся-ка в постель. Завтра в школу.

Мне хочется остаться и просто смотреть на нее, но я послушно встаю. Поворачиваюсь в дверях.

— Люблю тебя, мам.

На секунду она застывает с открытым ртом.

— Я тебя тоже люблю, малышка.

Выхожу из кухни и вижу Джекса в гостиной. Он копается в каких-то бумагах.

— Спокойной ночи, — говорю я ему.

— Спокойной ночи, милая. — Поднимаясь по лестнице, я чувствую, как он провожает меня взглядом.

Оказавшись в комнате, переодеваюсь в пижаму и начинаю анализировать ситуацию. К завтрашнему дню я должна знать о себе все, что только можно. Замечаю выстроившиеся на комоде награды по софтболу и боулингу. Боулинг? Морщу нос. Где такое видано? На книжных полках стоят любовные романы и детективы. Ну хоть это не изменилось.

Под кроватью обнаруживаю желанную сокровищницу — фотоальбом. Листая страницы, нахожу наши с близнецами и Джексом семейные снимки. Те, что с мамой, заставляют меня улыбнуться. Я игриво позирую в платьях, одетая с иголочки, будто светская львица, которая полна решимости избавить мир ото всех цветов, кроме пастельных.

Но на моем лице румянец и цветет улыбка. Я выгляжу счастливой. По-настоящему счастливой.

Очень много фотографий, где мы с мамой и Джексом. Я целую его в щеку и помогаю ему задувать свечи на именинном торте. Мы празднично одеты и, судя по фону на заднем плане, кажется, где-то в тропиках или на корабле. Крепко закрываю глаза и мысленно переношусь в последний день рождения папы, моего настоящего отца.

Квартира настолько мала, что кухонный стол стоит впритык к дивану, и наш пес скулит из-под стола. Папа высокий, сильный и мужественный, но на нем желтый именинный колпак, и он глупо ухмыляется, тряся завернутый подарок.

— Это не бомба. И не «Лего».

— Не «Лего», — весело соглашаюсь я.

На мне удобная старая толстовка, я не накрашена, но улыбаюсь. Папа говорит, что это единственный макияж, который мне нужен.

Он открывает коробку и обнаруживает там несколько паровозиков для его игрушечной железной дороги. Папа строит

ее много лет — у него никогда не хватает на это денег. Его глаза затуманиваются, и, конечно, винить в этом можно только *аллергию*.

— Лара, это же фантастика! Спасибо, девочка.

Тянусь через стол, и мы обнимаемся. Перед нами пустые тарелки из-под макарон с сыром и маленький торт со свечками, на которых пляшут праздничные язычки пламени.

— Загадай желание, — предлагаю я.

Интересно, что он загадает? Я вот из года в года задумываю одно и то же.

Папа улыбается и задувает свечи. Я хлопаю в ладоши, а папа вытаскивает вилки и тарелки. Десерт подан.

— Что ты пожелал? — спрашиваю я, слизывая с ложки остатки мороженого.

— Проводить больше времени с тобой.

Папа подмигивает и ласково гладит мою руку. Он поднимается, и ножки стула скрипят по полу.

Надув губы, я наблюдаю, как он натягивает сюртук швейцара. В этот раз обеденный перерыв закончился слишком быстро.

— Папа…

Он целует меня в макушку.

— Именинный обед вышел потрясающий, Лара. Поговорим утром перед школой, ладно?

Вымученно улыбаюсь.

— С днем рождения.

Печаль в глазах заставляет папу казаться старше, чем несколько минут назад. Дверь за ним закрывается, и гулкое «Бум!» эхом разносится по квартире, оставляя меня в оцепенении. Искра скулит и трется о мою ногу. Наклонившись, треплю его по спине.

— Я это исправлю. Я собираюсь это исправить для всех нас.

Отношу тарелки к мойке и соскребаю остатки в мусор. Нахожу поздравительную открытку, которую папа выбросил, так и не распечатав. Так же, как и каждый год. На конверте изысканная наклейка с обратным адресом. В углу заглавная ***J*** с эффектной завитушкой. Раздумываю, не посмотреть ли, от кого открытка, но все же решаю уважать папину личную жизнь. Смахиваю остатки торта прямо на конверт и ухожу.

Теперь я сожалею, что не прочла тогда ту открытку. С шумом захлопываю фотоальбом. Раздается звонок мобильного. Выуживаю телефон из сумочки. К счастью, это не Донован, а Кристина. Она была одной из моих ближайших подруг, и я рада, что кое-какие вещи не изменились.

— С тобой все хорошо? — поспешно спрашивает она.

— Я в порядке. — Вкладываю в голос как можно больше энтузиазма. — Только-только добралась домой. Так устала! Похоже, новости быстро разлетаются.

— Конечно, если выясняется, что ты в госпитале, Лара! Должно быть, это такой стресс. Ты уверена, что все хорошо?

— Да куда ж я денусь? Ладно, я пошла спать. Поболтаем завтра.

— И о симпатичных докторах, которых ты видела, да? — Она заразительно хихикает, и я, не выдержав, начинают хихикать вместе с ней. — Может, наберешь Дона и пожелаешь ему спокойной ночи? Он очень волнуется. Ты не берешь трубку, когда он звонит.

Досадливо морщусь.

— Извини. Я… не в настроении. Может… ты позвонишь вместо меня?

— Что?! — Такое ощущение, будто я попросила ее поменять проколотую шину. — Ты просто *обязана* хотеть с ним поговорить.

— Ну, я правда не хочу. — Закрыв глаза, молюсь, чтобы она не подняла по этому поводу шум.

— Хорошо, хорошо. Но лучше бы тебе завтра рассказать, что между вами происходит. Особенно, если есть пикантные подробности.

Глупо улыбаясь, закрываю крышку телефона и, в последний раз глянув на фотоальбом, засовываю его под кровать. Чувствую, как он во что-то упирается.

Мне становится любопытно. Шарю рукой под кроватью, пока не нащупываю какой-то твердый предмет. Я достаю до него лишь кончиками пальцев. Боюсь, если вытяну руку еще сильнее, то вывихну плечо, но все же тянусь чуть дальше и наконец умудряюсь ухватиться и вытянуть предмет наружу. Это небольшой коричневый сундучок, опоясанный посередине золотой полосой. Он не заперт. Откинув крышку, вижу внутри небольшую тетрадь. Дневник.

Взволнованно достаю его и листаю страницы. Так, хорошо, это мой почерк. Перелистываю на последнюю исписанную страницу. Всего два дня назад.

«*Я купила на выпускной платье, о котором мечтала. Папа меня отвез, мы здорово повеселились. Он даже заплатил за ланч. Было так приятно провести с ним день. Мне нравится, что у меня есть брат с сестрой, но я скучаю по тем временам, когда были только мы. Мы вдвоем.*

Мама постоянно работает, и я уже к этому привыкла. Понимаю, что ее работа очень важна или типа того. Мама может делать все, что ей заблагорассудится. Когда она дома, все

настойчиво требуют ее внимания, а я просто сливаюсь с чертовыми обоями. Может, она сожалеет о моем существовании? Может, я напоминаю ей о «большой ошибке» с Джоном Крейном?

Донован подарил мне красивейшее ожерелье. Я и не подозревала, как он ко мне относится, пока не открыла ту маленькую коробочку. Я его тоже люблю и жду не дождусь выпускного, когда мы останемся наедине.

Но мне тяжело сосредоточиться. Мои преследователи подбираются все ближе, и план начинает обретать конкретные черты. Надеюсь, они не подозревают, что я собираюсь сделать. Очень надеюсь!»

Уставившись на дневник, хмурюсь и шепчу:

— Что за черт?

Глава 6

Меня будит аромат яичницы с беконом. Обычно это мой любимый завтрак, но сегодня утром живот не хочет воспринимать никакой еды. Первая моя мысль об отце. Я продала одного родителя за другого, и вина жалит меня, как пчела.

Звенит будильник. Встаю под душ, вода щекочет спину. Давление гораздо сильнее, чем в моей старой квартире. Жизнь теперь должна стать намного слаще. У меня есть все блага, которые можно купить за деньги. Но это не освобождает меня от чувства вины, а лишь усиливает его.

Мама жива, и я благодарна, что буду помнить еще об одном дне с ней, но папа в тюрьме. Неужели я в конце концов забуду последние десять лет, которые мы провели вместе? Папа заботился обо мне, когда я болела, и когда нам нужны были лекарства, он экономил каждую копейку и иногда ходил голодным, лишь бы накормить меня. В один прекрасный момент я могу проснуться, и эта жертва перестанет для меня что-либо значить. Возможно, я буду знать его лишь как человека, который пытался убить маму и разрушил наше «жили долго и счастливо».

И меня явно преследуют какие-то люди. Или это, или я сошла с ума. Не уверена, какой из вариантов страшнее. Подожду завтрака, а там и решу.

Подсушив волосы полотенцем, заворачиваюсь в банный халат, как в облако, которое впитывает влагу с моего тела. Роюсь в шкафу в поисках чего-нибудь удобного, но в результате остаюсь почти ни с чем. На всей одежде дизайнерские ярлыки, каждая сумочка — от «Коуч». Я чувствую себя Барби, а не обычным человеком.

Натягиваю джинсы, мечтая взять тяжелые «мартенсы», которые нашла в глубине шкафа, но это было бы слишком подозрительно, так что обуваю блестящие розовые балетки. Ансамбль дополняет синий топ в облипку. Лара бы накрасилась, но я могу лишь воспользоваться блеском для губ. Оставив волосы не выпрямленными, надеваю на голову повязку, лежащую на туалетном столике, и спускаюсь по лестнице.

Из кухни доносится разговор мамы и Джекса на повышенных тонах. Они спорят обо мне? Подхожу к двери.

— Это исследование, — натянуто говорит мама.

— Опасное исследование. Ты обещала мне не заниматься слиянием воспоминаний. Что, если что-то пойдет не так?

Мама вздыхает.

— Мы еще даже не начали опыты на людях. Только

собираемся попробовать, сумеем ли сделать это с мышами.

— Сумеем ли? Сумеем ли?! Может, вам стоит спросить себя, *должны* ли? Ни одному человеку не следует иметь подобную силу, и уж тем более не следует корпорации.

— Если правильно использовать ее обширные возможности и потом применить для лечения жертв…

Судя по голосу, Джекс кипит от ярости.

— Да мне плевать, какие вы преследуете благородные цели, Миранда. Ты должна прекратить, и немедленно. Разве ты не знаешь, что поставлено на карту?

— Ты никогда не подвергался серьезным травмам. Представь только, если бы мы могли вырвать воспоминания о них из моего мозга? Или из Лариного?

Джекс вздыхает.

— Будто я тоже через это не прошел, да? Не помогал Ларе во время ночных кошмаров?

— Хватит! — восклицает мама, со стуком поставив что-то на кухонную стойку. — Ты больше не мой начальник, ни на работе, ни здесь, так что, пожалуйста, прекрати.

Толкнув вращающуюся на петлях дверь, вижу за столом близнецов, жующих хлопья и читающих комиксы. Они общаются друг с другом натянутым тоном, делая вид, что родители не ссорятся прямо перед ними. Мама с Джексом стоят за кухонной стойкой. Она убирает тарелки, он наливает кофе, и оба старательно смотрят в разные стороны. Они то и дело сердито зыркают друг на друга краем глаза, но продолжают изображать, что все в порядке, и я им подыгрываю. Не хочу оказаться в центре их конфликта, чего бы он ни касался.

— Привет, пострелята, — кидаю я близнецам, потянувшись мимо Молли к стоящему посреди стола блюду за яблоком.

— Привет, Лара! — отзываются они, но лишь Молли поворачивает ко мне голову и слабо, принужденно улыбается. — Нам тебя вчера не хватало за ужином.

Неловко пожимаю плечами.

— Извини. У меня… были дела. Теперь же я здесь.

За стойкой суетится мама, одетая в похожий на вчерашний костюм и готовая бежать на работу.

Это напоминает мне о записях в дневнике — как горько мне было и какой забытой я себя чувствовала. Неужели я спасала ее для того, чтобы она смогла ходить на работу? Зарабатывать деньги? Нет, я спасла ее для себя. Да, это эгоистично. Но. Мне. Плевать.

Джекс наливает чашку кофе, и они с мамой одновременно поворачиваются ко мне. Он пораженно вздрагивает, и из его

чашки, над которой поднимается дымок, выплескиваются сливки.

— Что? — Я перевожу взгляд с Джекса на маму и обратно. — У меня что-то между зубов застряло? — Ковыряюсь между передними зубами, пытаясь отыскать кусочек шпината или чего-то другого.

Мама подходит ближе. Заметит ли она, что во мне что-то изменилось? Часть меня надеется, что да.

— Твоя прическа. Ты так давно не оставляла волосы вот так.

Она поглаживает один из моих локонов, пока я усиленно пытаюсь придумать ответ, который бы не противоречил моим предыдущим вкусам.

— Решила попробовать что-нибудь новенькое. Так устала ото всех этих усилий ради избавления от кудряшек. Я решила, что они выглядят мило.

Мама улыбается и целует меня в щеку.

— Они выглядят прекрасно. Я сегодня буду поздно. Не жди меня, ложись спать.

Пытаюсь скрыть разочарование, но в маминых глазах вспыхивает понимание.

— Ах, золотце. — Она касается моей щеки ладонью. — Обещаю, мы скоро устроим девичник на всю ночь. Только мы с тобой.

Мама взбивает мои волосы, словно это должно меня утешить, но легче мне не становится.

Что за работа может быть настолько важной? Я никогда не спрашивала папу, чем занимается мама, а теперь жалею об этом. Перевожу взгляд на близнецов, жующих свой завтрак, и прислушиваюсь к их разговорам о школе. Они еще совсем малыши и очень впечатлительны. Зуб даю, если я застану их одних, они выболтают мне все на свете.

— Молли, помни, что я сказала. Держись подальше от моего кабинета. Там есть вещи, которые тебе не стоит видеть.

Молли кивает.

Интересно, где у мамы кабинет? Вероятно, где-то наверху.

Мама целует нас по очереди в макушку, хватает со стойки свой портфель и убегает, оставив после себя лишь шлейф духов.

Джекс пьет кофе, но его глаза больше изучают не лежащую перед ним газету, а меня.

— Лучше тебе достать из холодильника свой апельсин. Дон будет здесь с минуты на минуту.

Донован. Живот скручивает от ужаса. Я совершенно о нем позабыла. Что же мне делать? Порвать с ним? Прямо перед выпускным?

Замечаю на столе тарелку с орешками и тянусь за ними, но

Джекс хватает меня за запястье.

— Эти в медовой глазури. На стойке есть простые.

Благодарно киваю. В последний раз, когда я съела что-то с медом, все закончилось больницей.

— Давайте, ребятки. — Джекс подхватывает рюкзаки близнецов. — Не хочу, чтобы вы опоздали в школу. Увидимся вечером, Лар.

— Пока, Лара! — хором говорят дети и обнимают меня на прощание.

Посылаю им шаловливую улыбку.

— Сегодня у нас будет особый перекус, а может, даже и поиграем.

Лица близняшек загораются в предвкушении.

Я планирую вытянуть из них информацию, пока никого, кроме нас, не будет дома. Наливаю себе чашку кофе и включаю телевизор. Последнее, чего мне хочется после прошлой ночи, — остаться наедине со своими мыслями.

Журналист ведет новостной репортаж перед зданием, похожим на кембриджский филиал «Перемотки». Понимают ли они, что что-то не так? Внизу бежит информационная строка: «Прорыв в американском отделении «Перемотки». Заинтересованная, делаю звук погромче.

— Как вы знаете, Джим, «Перемотка» некоторое время работала над новым сервисом — способностью сохранять важные воспоминания. Дни рождения, свадьбы, выпускные, все, что хотите — за плату. Потом вы сможете снова посетить их виртуально, вместо того чтобы возвращаться назад во времени. Это дешевле и считается более безопасным, ведь всем известно, что всегда существует риск болезни путешественников во времени.

— Опасная это штука. Спасибо, Сью. Но разве это не преуменьшает достоинства их модели путешествий во времени? Что, если воспоминания будут потеряны… или украдены?

— Разумеется, есть и критики, но послушайте. Путешествия во времени дороги и небезопасны! К тому же, они требуют высокой точности наладки, и каждый клиент должен пройти всесторонний осмотр, проверяющий функции мозга, чтобы убедиться, что человек выдержит оживление времени в памяти. Теперь же есть более дешевый — и быстрый — вариант.

— Пока что у нас есть лишь базовая информация о том, как воспоминания извлекаются и хранятся. Они будут находиться здесь, в этом сверхзащищенном современном комплексе. Сомневаюсь, что в ближайшее время нам дадут его осмотреть. — Сью широко улыбается, как пластиковая кукла. — Слово тебе,

Джим.

Выключаю телик и допиваю кофе. Ставлю чашку в раковину, когда с улицы доносится автомобильный гудок. Схватив учебники, торопливо выхожу из дома. Донован сидит в своем кабриолете, держа одну руку на руле. У меня в животе все переворачивается, пока я сажусь рядом с ним.

— Привет. — Поверить не могу, сколько застенчивости в моем голосе. Какого черта со мной творится?

Убрав мои волосы со лба, Донован дарит мне легкую улыбку.

— Красиво. Тебе очень идет.

У меня вырывается нервный смешок.

— Спасибо.

Он тянется, чтобы меня поцеловать, но я не могу его оттолкнуть. У Донована закрыты глаза, и я следую его примеру. Его губы слегка задевают мои, заставляя мое сердце замереть. Он углубляет поцелуй, и я забываю обо всем на свете, захваченная моментом. Тело отзывается, словно оно знает Донована, желает его, но разум противится.

Пытаюсь подумать о Рике. Стараюсь припомнить, как мы были вместе, но в голове лишь воспоминания о вчерашнем дне и о том, как он на меня теперь смотрит. Я для него никто. Меньше, чем никто.

Руки тянутся, чтобы обнять Донована за шею, и я расслабляюсь и откидываюсь на сидении. Он сжимает меня в объятиях, гладит спину, и часть меня чувствует себя с ним в безопасности.

Я распахиваю глаза. Что я делаю? Что за чувства начинаю испытывать? У меня сводит живот. Мне кажется, будто я изменяю Рику, но он больше не мой парень. И все же мне не нравится, как сильно я злюсь на себя, в то время как губы Донована движутся вниз по моей шее и спускаются на грудь.

Рик был моей вечностью. И что же я делаю сейчас? Целую Донована, потому что от меня этого ждут? Ну и что, что он сексуальный? Раньше для меня это не имело значения. Мне нужен Рик, но как его убедить, что он меня любит, если это не так? Он меня даже всерьез не воспринимает. Делаю глубокий вдох и сдерживаю себя, чтобы не отпихнуть Донована подальше.

— Я скучал по тебе вчера вечером, — мурлычет он у моей щеки, но я подавляю порыв зарыться пальцами в его густые светлые волосы.

— У меня было дело. Прости.

Откинув выбившийся локон волос с лица, складываю руки на груди.

Донован заводит автомобиль.

— Твой папа мне рассказал. Просто ужасно, рок-звезда. Мне жаль. — Его слова звучат искренне.

Так, значит, он говорил обо мне с Джексом? Этого достаточно, чтобы заставить мою кровь вскипеть. Может, это было чем-то вроде договорной свадьбы? Наши родители знали друг друга? Но слова любви, найденные в дневнике, казались достаточно искренними. Я молча наблюдаю за Донованом краем глаза.

По дороге в школу он неразговорчив, но его свободная рука исподволь ползет вверх по моему бедру. Я старательно сопротивляюсь желанию ее оттолкнуть. И не потому, что мне не нравится то, что творит Донован, а потому, что нравится. По всему телу у меня бегают мурашки. Лучше бы он прекратил. Я не хочу Донована и не *хочу* хотеть его. Напоминаю себе, что я в него не влюблена.

Но что, если это не так? Что, если я начинаю вспоминать, что я люблю Донована, а не Рика? Правильного ответа на это нет.

Мы въезжаем на парковку. Кругом толпа народу, так что нам приходится проехать до самого конца, чтобы найти свободное место.

Донован выключает двигатель и, подняв наверх солнечные очки, изучает меня своими блестящими голубыми глазами.

— Если хочешь, я проведу тебя в класс.

Кривлю губы.

— Конечно.

Он хмурится.

— Иногда я тебя не понимаю. Ты так холодна, но несколько минут назад с энтузиазмом мне отвечала. А прошлым вечером даже не перезвонила. Что происходит?

С трудом сглатываю слюну.

— Просто выдалась тяжелая ночка, да и утро тоже. Вечером я загремела в больницу. Ну дай же мне поблажку!

Услышав мои слова, Донован меняется в лице, и я тут же жалею, что была с ним так резка. Он начинает играть с моими локонами. Накручивая их на палец и отпуская, наблюдает, как они снова сворачиваются кольцами.

— Я хотел убедиться, что с тобой все хорошо. Услышав, что ты попала в больницу, я испугался. И рад, что ты в порядке. — Донован придвигается ближе, на его лице написано беспокойство.

Его слова заставляют меня смягчиться, но я по-прежнему не хочу его целовать. И все же, когда Донован наклоняется ко мне, его губы такие мягкие, и он с головой отдается поцелую, с закрытыми глазами поглаживая мое предплечье. Мне надо лишь изобразить страсть, я не должна ничего чувствовать, но снова таю

в его руках. Пытаюсь вспомнить о Рике и о том, как много мы друг для друга значим, но когда рука Донована заползает под мою футболку, мне остается лишь трепетать в его объятиях.

— Нам нужно идти на уроки, — шепчу я в ухо Доновану, чтобы разрушить транс, в который он меня погрузил.

Вдруг осознаю, что моя рука у него под футболкой, ласкает его грудь. Я и не подозревала, что у него там есть мускулы.

Донован улыбается и нежно глядит на меня.

— Я рад, что ты в порядке.

Он выходит из машины, открывает для меня дверь и сгибает локоть, предлагая опереться. Я принимаю предложение.

— Помнишь наше первое свидание? — В попытке пококетничать, игриво накручиваю локон на палец.

Донован улыбается.

— Если ты называешь это свиданием, то, конечно. Я хочу сказать, нам было по десять, и родители взяли нас в «Макдональдс», но мы сидели за отдельным столиком, пока они пили кофе.

Пытаюсь скрыть волнение. Именно такая история была у нас с Риком. Похоже, моя жизнь полностью его стерла и вставила Донована на его место.

— Несколько лет мы были равнодушны друг к другу. В средних классах у нас была фаза некой неловкости, но когда я снова увидел тебя в десятом классе… — Он склоняется ко мне, глаза его лучатся любовью, и мне безумно хочется того, что было у нас с Риком. — Я понял, что должен тебя заполучить. — Донован закрывает глаза и целует меня.

— Так мы вместе три года, — улыбаюсь я ему. — Время и правда быстро бежит.

— Это точно, и лучшие годы впереди. — Донован целует мне руку, словно я принцесса. — Вот увидишь.

— Знаю, — отзываюсь я, но даже мне очевидно, что в голосе не слышно оптимизма. И все же часть меня… надеется.

Остаток пути до школы мы молчим. Зайдя внутрь, Донован тут же направляется по тускло освещенному коридору к моему шкафчику, чтобы положить мои учебники.

Мы оба смеемся, и в этот момент я вижу, как мимо с группой друзей проходит Рик. Раньше я была с ними, но теперь я выпендрежница в дизайнерской одежде. Я с Донованом, богатеньким снобом, над которым мы с Риком всегда потешались. Когда наши с Риком взгляды пересекаются, я начинаю задыхаться от злости на себя. Вчера я любила его, а сегодня целуюсь с Донованом. И мне не то чтобы не нравится.

Да что со мной такое?

Донован прячет мои учебники в шкафчик, не замечая, что я свирепею.

— Как ты смотришь на то, чтобы я свозил тебя куда-нибудь на ланч? Мы могли бы… — Он замолкает, увидев, как я стиснула зубы. — Что не так?

— Ничего, — огрызаюсь я, выхватив книги из его рук. — Я опоздаю на урок.

Надеваю сумочку на плечо и устремляюсь прочь.

— Лара, подожди! — кричит Донован. Обернувшись, вижу, что он указывает в противоположную сторону. — Класс вон там.

— Разумеется, он там, — фыркаю я и стремглав уношусь в указанном направлении.

Я мчусь по коридору, как вдруг что-то выпадает из тетради. Останавливаюсь и подбираю листок, который оказывается поздравительной открыткой на день рождения. Открываю и читаю.

«*С днем рождения, Лара. Знаю, что теперь ты совсем взрослая, но для меня ты всегда будешь моей маленькой девочкой*».

Я забываю о том, где нахожусь, пока кто-то не трогает меня за плечо. Обернувшись, вижу Кристину с ее короткими светлыми волосами и модными солнечными очками, поднятыми на лоб.

— Мы опять опаздываем на английский. Как насчет того, чтобы ускользнуть отсюда и покурить?

Покурить? Есть ли предел моему падению?

— А как насчет того, чтобы пойти на урок?

Кристина фыркает и закатывает глаза.

— Прекрасно!

Надувшись, она шагает рядом, размахивая руками, как тряпичная кукла. Очевидно, Кристина ненавидит английский точно так же сильно, как я — курево.

Она первой заходит в кабинет и ведет меня к заднему ряду, где мы с ней сидим. Пока мистер Морган делает перекличку, я листаю тетрадь, прикидываясь заинтересованной. Но как только он начинает лекцию, снова достаю из учебника открытку и тщательно изучаю каждое слово. Выглядит она просто идеально: ни грязных пятен, ни помятостей.

Значит ли это, что я на нее даже не взглянула? Но зачем тогда держать ее в шкафчике? Может, я не верила, что папа виновен, или, даже если и верила, то, может, скучала по нему?

Как скучаю по маме.

Я выхожу из класса сразу же после звонка и иду прямиком в секретариат за новой копией расписания. Как только его распечатывают, выхожу в коридор и врезаюсь в Рика. Мы так сильно сталкиваемся, что наши учебники разлетаются во все

стороны.

— Извини, — съежившись, шепчу я.

Мы опускаемся, чтобы разобраться, где чьи книги. Он молча, почти не глядя, сует мне тетрадь. Каштановые волосы падают ему на глаза, и у меня начинает колотиться сердце. В его присутствии я снова становлюсь собой. На короткий миг все обретает смысл. Меня тянет к нему, и все, что мне нужно, — его поцеловать. Пытаюсь позабыть все, что делала утром с Донованом.

— Спасибо. — Изо всех сил пытаюсь, чтобы мой голос звучал нормально, хотя все совсем наоборот.

— Не за что. — Рик касается перевернутой открытки на полу, но я выхватываю ее прямо у него из рук, прежде чем он успевает увидеть, от кого она. — От парня, да?

Злюсь, что он навесил на меня ярлык, даже не потрудившись узнать настоящую меня.

— Ну да, ведь это единственный человек, который может быть мне небезразличен.

Засовываю открытку между учебниками и поднимаюсь.

— Ладно, ладно. Расслабься. — Рик поднимает руки вверх, будто сдается. Подходит ко мне и смотрит на стопку бумаг у меня в руках. — Зачем тебе расписание? Учебный год почти закончился. — Глаза Рика темнеют, и, прежде чем я успеваю придумать ответ, он прерывает мои лихорадочные размышления: — Ты и правда не помнишь, да?

Мысль о том, что я все ему расскажу и он мне поверит, вдруг начинает меня пугать. Ведь еще один человек узнает, как эпично я профукала вселенную. Меня заставят ответить за свой проступок. Заставят все исправить, или я влипну в такие неприятности, что мало не покажется.

Взгляд Рика холодеет.

— Вчера ты хотела рассказать мне какую-то великую тайну, а теперь отшиваешь? — Он фыркает. — Как скажешь, Лара. Не понимаю, зачем я вообще напрягаюсь.

Рик закидывает рюкзак на плечо и уходит, задев меня плечом, словно я лишь преграда на его пути.

Слова Рика ранят меня.

— Подожди! — бросаюсь я за ним.

Кое-где в коридоре стоят школьники, но я с легкостью их огибаю и догоняю его у торговых автоматов.

Рик останавливается, его брови взлетают вверх, а глаза широко распахиваются в изумлении.

— Не знал, что ты спринтер.

Скрещиваю руки на груди и принимаю максимально вызывающий вид.

— Ты многого обо мне не знаешь.

Рик кивает.

— Слушай, если ты каждый раз будешь разыгрывать такие спектакли…

— Я не играю, — с улыбкой отвечаю я. Не могу сдержать смеха.

В глазах Рика плещется одобрительное веселье.

— Ты говорила, что если я дам пять минут, ты сможешь мне все объяснить.

Киваю, облизываю губы и пытаюсь собраться с духом, чтобы все ему выложить. Подобную смелость я обретаю, лишь глядя в его глаза.

— Об этом нельзя никому говорить. Это должен быть секрет.

— Я отлично храню секреты, при условии что никто не предлагает мне хот-дог.

Это заставляет меня вспомнить, как его старший брат нас подкупил. В результате сделки мы заработали два хот-дога, больших таких, с горчицей и кетчупом. Ничего вкуснее в жизни не ела. Мы должны были молчать, и мы молчали, вот только понятия не имели, насколько серьезны те секреты. Дело касалось наркотиков.

— Мы можем пойти куда-то и…

— Не так быстро, — заявляет директор Ньюмен, выйдя из своего кабинета за углом. — Разве у вас нет уроков, дети?

Вздернув густые брови, он сверлит меня взглядом больших карих глаз прямо сквозь очки в черной оправе, соскользнувшие на кончик носа.

Запнувшись, я пытаюсь придумать какое-то оправдание, но Рик, сдаваясь, поднимает руки.

— Простите, мистер Ньюмен. Я иду в класс.

Заложив руки за спину, директор смотрит на нас сверху вниз, победно скривив губы. Мы уходим, и я оглядываюсь на него, как вдруг чувствую, что Рик трогает меня за плечо. Поднимаю к нему глаза и приоткрываю губы, решив, что он собирается меня поцеловать.

— Прости. Если меня еще раз оставят после уроков, мама начнет запирать меня в холодильнике в мясной лавке, где она работает. После школы, старый пешеходный мост через реку Чарльз. Может, встретимся там?

— Конечно, я приду.

Рик дарит мне озорную улыбку.

— Хорошо. Там и решу, чокнутая ты или нет.

Он уходит, и я смотрю ему вслед, размышляя, готова ли я, действительно ли я могу ему доверять.

***

К счастью, у меня есть возможность провести час для самостоятельных занятий в библиотеке и записаться в очередь на компьютер. Как только я оказываюсь онлайн, тут же лезу на новостные сайты в поисках информации про папу. Листаю старые статьи о судебном процессе и вынесении приговора, пытаюсь найти, где он отбывает заключение.

Глаза бегают по строчкам. Я изо всех сил пытаюсь ожесточить сердце, но мое внимание привлекают фразы о любви к дочери. Папа отрицал вину, умолял суд понять, что его подставили. Даже для меня его слова звучат как сумасшедшие бредни отчаявшегося человека. Единственный вывод, который я могу сделать, — что его действительно кто-то подставил. Иначе в этом нет никакого смысла. Вот только кто это был, я понятия не имею. Перехожу к следующей статье.

«*ДЖОН КРЕЙН БЫЛ РАНЕН В ТЮРЕМНОЙ ДРАКЕ*».

Статья вышла два дня назад. Пока страница загружается, мысли в голове скачут, как ненормальные. Облизываю губы и делаю глоток газировки из бутылки, но пузырьки уже выветрились, и она почти не сладкая.

«*Джон Крейн, получивший пожизненное за попытку убийства своей жены, Миранды Крейн Монтгомери, был ранен заточкой во время тюремного бунта в кафетерии.*

Охранники утверждают, что он сидел один и, когда началась драка, попытался остановить беспорядки. Адвокат Крейна потребовал, чтобы судебные органы переместили его в более безопасное заведение. Материалы судебного дела засекречены, но, по сообщениям внутренних источников, мистер Крейн подозревает, что кто-то пытается покончить с ним, чтобы не вскрылись истинные обстоятельства попытки убийства его жены, совершенной более десяти лет назад.

В ожидании слушания Джон Крейн содержится под охраной в тюрьме особого режима «Сидар Джанкшн».

Откидываюсь на стуле и стараюсь выровнять дыхание. Закрыв статью, роюсь в интернете в поисках телефонного номера папиного адвоката, мистера Грейсона. Забиваю его в телефон и набираю. У меня так трясутся руки, что, поднося трубку к уху, я боюсь ее уронить.

— Мне нужно поговорить с мистером Грейсоном.

— Извините. Он на совещании.

Сердито зыркнув на меня, библиотекарь указывает на табличку «Выключите телефоны», висящую над ее столом. Я не обращаю на нее внимания.

— Скажите ему, это Лара Крейн. Я хочу увидеть своего отца.

— Одну минутку, пожалуйста.

Целую вечность в трубке играет успокаивающая мелодия, пока я жду, когда адвокат подойдет к телефону.

— Мисс Монтгомери? Что я могу для вас сделать на этот раз?

На этот раз?

— Я хочу увидеться с отцом.

— Что ж, это впервые. — По его тону мне становится понятно, что я его раздражаю, и он с трудом меня терпит. — С чего бы такие перемены?

— Могу я с ним увидеться или нет?

— Ваши родители знают, что вы мне сейчас звоните?

— Не-а, — вложив в свой голос как можно больше тревоги, отвечаю я. — А что, могут возникнуть проблемы?

Мистер Грейсон вздыхает, и я слышу, как он барабанит пальцами по столу.

— Я знаю, что он хочет встретиться со мной и что его ранили, поэтому давайте просто сделаем это, а беспокоиться об остальном будем потом.

— Завтра утром для вас не слишком рано, мисс Монтгомери?

— Идеально. Я приеду к вам в офис.

Закрываю телефон и получаю от библиотекаря карточку, требующую остаться после уроков.

Глава 7

Директор Ньюмен мной не очень-то доволен, и я, чтобы его успокоить, обещаю больше не пользоваться телефоном в библиотеке. Он упоминает мои недавние проблемы. Интересно, что же я такого натворила, прежде чем прыгнула между временными линиями?

Школа скоро закроется, так что я тороплюсь к шкафчику, чтобы спрятать учебники. Собираюсь уходить, но вдруг вижу направляющегося ко мне Донована. При виде него мое сердце начинает частить, а ладони тут же становятся влажными… но какая-то часть меня напрягается. Я улыбаюсь и машу рукой. Мне неловко, что я собираюсь встретиться с Риком, будто каким-то образом изменяю Доновану.

Боже, да что со мной не так? Я схожу с ума.

Донован целует меня, и я откидываю голову, почти радушно принимая поцелуй. Он обнимает меня за плечи и притягивает ближе. Открываю глаза и ловлю наше отражение в окне напротив. Вот она я, в дорогих чужих шмотках, целую парня, хотя не имею права это делать, а от выражения собственного лица меня чуть не тошнит.

Блаженство. Любовь.

— Эй, что с тобой? — спрашивает Донован.

Я отскакиваю от него, провожу рукой по волосам.

— Я так не могу.

— Как так, Лара?

Я указываю на него и на себя.

— Так. Я о нас с тобой.

У Донована расширяются глаза.

— Не смешно.

— А я и не шучу. Я не могу… Посмотри на нас, — шиплю я. — Просто посмотри!

Он делает шаг ко мне.

— Ты несешь какую-то чушь. Я вижу двух влюбленных, которые хорошо проводят время…

— Двух богатеньких симпатичных влюбленных, так? У тебя клевая тачка. У меня дизайнерская сумочка от «Гуччи». — Я в сердцах швыряю сумку на пол. — Все это не я. Все это не должно мне принадлежать. Неужели ты не понимаешь?

Донован медленно выдыхает.

— Я понимаю, ладно? Правда.

— Как? — Я прошу о невозможном.

— Это касается твоего отца, верно? Жизни, которая бы у тебя

была, если бы все так сильно не вышло из-под контроля.

— Да. — Поверить не могу, насколько хорошо он меня знает. — На мне не должно быть этих богатых шмоток. Я должна бороться за выживание. А между тем все мои старые друзья… — Кусаю губы. — Я их бросила. Я предала себя.

Донован пожимает плечами.

— Можно подумать, если бы подкупали их, а не тебя, они не поступили бы точно так же.

С широко открытыми глазами и горящей в сердце яростью я оскаливаюсь.

— Подкупали? Разве можно так говорить о чьем-то отце?!

— Слушай, — не выдерживает он, и в его голосе тоже прорываются злые нотки. — Ты была ребенком. Что ты должна была делать? Отказаться от игрушек и одежды, которые Джекс хотел тебе покупать? Или сидеть в углу одной-одинешенькой и ни с кем не дружить? Не будь к себе так строга, Лара.

Крепко зажмуриваюсь и с трудом сглатываю. Не может быть все так просто. Наверное, в другой ситуации и было бы, но зная, как сильно мы с Риком любили друг друга, я не могу просто повернуться к прошлому спиной.

— Если бы я не была Монтгомери, если бы не носила эти модные одежки, хотел бы ты меня по-прежнему? — напряженно интересуюсь я.

Но Донован не отводит взгляд.

— Конечно, да.

Он отвечает с такой убежденностью, что не дает мне возможности усомниться, но это неправда. До того как я изменила прошлое, Донован на меня даже ни разу не взглянул, но сам он в свои слова верит, а это о чем-то да говорит.

Донован берет меня за руку.

— Мы с друзьями планируем отправиться поесть бургеров с картошкой фри. Тебе стоит пойти с нами. Расслабишься. Успокоишься.

— Я собираюсь встретиться с давним знакомым. Поболтать. А завтра я вся твоя.

Донован вздрагивает.

— Так вот по какому поводу все это? Воссоединение со старым другом?

— Возможно, — пожимаю я плечами.

Он берет обе мои ладони в свои и целует их.

— Если дело только в этом, то иди, веселись, но только не говори мне, что хочешь махнуть на нас рукой. Я этого не вынесу.

Отведя взгляд, я вздыхаю.

— Дон…

До этого момента я никогда его так не называла. Определенные части моего тела плавятся в его присутствии. Черт, это мягко говоря.

Донован убирает прядь волос с моего лица. Нежно проводит ладонью по щеке. Я на миг закрываю глаза.

— Скажи мне, что ты по-прежнему моя девочка, Лара.

Мне требуется всего секунда на ответ. Сердце на мгновение замирает.

— Я по-прежнему твоя девочка.

Я действительно имею в виду то, что говорю? Не уверена.

Донован целует меня, крепче сжимает в объятиях. Нас захватывает водоворот страсти, и я задыхаюсь. В этот раз именно он отталкивает меня, а я крепче обнимаю Донована за талию, отказываясь его отпускать.

— Извини, — наконец шепчу я. — Мне было страшно, и я прошу прощения.

Он улыбается.

— Всем нам иногда разрешается чего-то бояться. Даже тебе, Монтгомери.

Донован подмигивает мне.

Выхожу из школы, готовая встретиться с Риком.

Понятия не имею, что я делаю.

Ощущение, будто сердце разрывается на две части.

***

Я иду к реке Чарльз и пробираюсь к пешеходному мосту. На реке полным-полно парусников, но на мосту довольно спокойно для вторника. Там лишь парочка бегунов. Под мостом вижу Рика. Он стоит, прислонившись к коричневой опоре и склонив голову, словно играет на каком-то гаджете. Такое ощущение, будто он далеко-далеко отсюда.

Под моими ногами шуршит опавшая листва, и Рик резко вскидывает голову.

— Привет.

Он робко мне улыбается и засовывает руки в карманы. Давненько я не видела Рика таким застенчивым.

— Я уж начал было думать, что ты не придешь.

— Извини, меня задержали.

Он кивает. Я вижу, что он нервничает. Учитывая мой собственный мандраж, этот разговор, похоже, кардинально все поменяет.

— Извини за вчерашнее. Я просто ошизел от всего этого.

Он поднимает руки, показывая, что сдается.

— Проехали, — улыбаюсь я. — Мне не следовало ничего говорить. Мне даже домой к тебе приходить не следовало.

Рик пожимает плечами.

— Я сегодня весь день думаю, что ты откуда-то знала о кольце, хотя никак не могла. И если моя мама тебе ничего не рассказывала… как ты узнала? Так что, наверное, я здесь из любопытства. Мне нужно понять, серьезно ли ты вчера говорила. — Прищурившись, он глядит на меня.

Мне хочется быть открытой книгой. Мы чужие друг другу, и я это ненавижу. Рик стоит так далеко, и его поза говорит совершенно неправильные вещи. Я желаю только одного: чтобы он обнимал меня и целовал. Но тут я вспоминаю о Доновane. Возможно, между нами происходит что-то хорошее. Возможно, мне стоит дать этому шанс.

Возможно…

— Ладно, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос не звучал так, будто мы играем в «признание или желание», но нотки раздражения все равно прорываются. — Я из другого прошлого, и это настоящее пошло наперекосяк. — У меня вырывается смешок. — Здорово наперекосяк.

— Как именно?

Он все еще не заявил, что я чокнутая, так что начало уже неплохое.

— Ну, во-первых, в этом настоящем мы не вместе.

В его глазах появляются озорные искорки.

— Мы? Вместе?

Рик думает, я шучу, но я бы никогда не поступила так жестоко.

— Я никогда не уезжала из нашего дома. Мы выросли вместе, по соседству. Я живу с папой и псом. — Я делаю глубокий вдох, сердце пронзает боль. — Мою маму убили в переулке, тогда, много лет назад.

Рик пораженно раскрывает рот. У него даже руки выпадают из карманов.

— И твоему отцу это сошло с рук?

У меня дергается щека, и грудь стискивает от злости.

— Его подставили. Все это время он просидел здесь в тюрьме, и это моя вина.

— Как это может быть твоей виной?

Рик пытается что-то прочесть по моему лицу. В моей временной линии он бы точно знал, что я чувствую, но я не уверена, что здесь все работает точно так же.

— Путешествие во времени? Ты ходила в агентство? — недоверчиво спрашивает он, и его голос становится жестче.

— Да, и уже можешь прекратить так на меня смотреть. — Облизываю губы. — Я знаю, что это было опасно. Я знаю, что это было…

— Глупо, — заканчивает за меня Рик.

— Я хотела вернуть маму. — У меня начинают кривиться губы. — Но я не думала, что потеряю тебя и папу и обрету сестру и брата. — Отбрасываю назад прядь, упавшую на глаза.

Рик прищуривается.

— Изменить прошлое невозможно.

— Не для меня, — отрезаю я. — У нас уже был этот разговор. Ты просто этого не помнишь.

Он в задумчивости кусает губы.

— Ты же не ждешь, что я поверю…

— Ты — нет, но вот другой Рик… — Мой голос падает до шепота. — Он никогда бы не усомнился в моих словах.

— Это так странно. — Рик раздражен, и я вижу его таким, каким его видят другие люди, которые его не знают. Напряженным. Отстраненным. Мне больно от того, что он ведет себя так со мной. — Ты знаешь мою тайную сторону, которую не должна бы знать, но я вижу это в твоих глазах.

— Видишь что?

— Близость, — выпаливает Рик. — Ты знаешь меня, но это невозможно. Я никого так близко не подпускал. Никого. А ты смотришь на меня, будто я какой-то щеночек.

Рассмеявшись, я на мгновение отвожу взгляд.

— Ну, ты считаешь себя достаточно крутым, но стоит кому-то узнать тебя получше…

Рик наступает на меня.

— Никто не узнаёт меня лучше. В этом-то все и дело. Именно так мне и нравится.

Его лицо совсем рядом с моим, и постепенно с него пропадает выражение непримиримости.

— Врешь. Ты так говоришь, но это неправда. Как когда твой брат попал в тюрьму. Ты твердил, что тебе все равно, что это ерунда, но из-за ерунды люди не плачут, Рик.

Он поджимает губы.

— Не было такого.

— Ну да, конечно, — иронично отзываюсь я.

Рик уже не просто меня изучает, он сверлит меня взглядом, будто пытается заглянуть мне в душу.

— Твои лицо и волосы, все остальное в тебе ничуть не изменилось, — шепчет он. — Но глаза… Что-то в них есть неправильное. В них не та Лара, которая годами меня избегала.

У меня начинает лихорадочно стучать сердце в

предвкушении его прикосновения. Если Рик не коснется меня, не знаю, как я смогу это вынести. Стою с закрытыми глазами и чувствую, как он проводит рукой по моим джинсам и поднимается выше, щупая рубашку.

— Эта одежда — она не твоя. — Рик качает головой. — Такое ощущение, что она тебе даже не подходит. Будто она…

— Фальшивка? — шепотом спрашиваю я. — Все во мне кажется фальшивым.

Рик пристально смотрит на меня.

— Ты и правда это сделала. Хотел бы я все помнить.

— Я бы тоже этого хотела. — Эти слова меня чуть не убивают.

— Если ты надеешься, что я брошусь тебя целовать… — начинает Рик и запинается. — Но часть меня желает этого, чтобы понять.

— Понять?

— Каково это будет. Если мы раньше были вместе, может…

— Рик? — шепчу я.

— Ты была моим единственным другом. Когда ты уехала, мне было тяжело. Я скучал по тебе. Потом брат попал в тюрьму, и я остался совершенно один. Меня все… бросили. Когда мы снова пересеклись в средних классах, я думал, ты мне что-нибудь скажешь. Поддержишь меня. А вместо этого ты прошла мимо, будто мы вообще ничего друг для друга не значили.

Рик качает головой и, отвернувшись, неотрывно смотрит на реку. До меня доносятся вопли и визг бегающих по газону детей, а щекочущий нос аромат жареных сосисок для хот-догов заставляет мой живот заурчать от голода. Я даже не помню, ела ли что-то на ланч.

Смаргиваю слезы.

— Мне жаль, что я была такой жестокой.

— Я понимаю, что ты тот же самый человек, но в действительности ты другая. Она меня никогда не привлекала, в отличие от тебя. — Рик ласково проводит ладонью по моей щеке, но тут же убирает руку. — Может, если бы ты не была с тем придурком.

Донован. Я и забыла о нем.

— Он не… — Я качаю головой. — Он не так уж и плох, если узнать его получше.

Мы молчим целую вечность.

— И что дальше? — спрашивает Рик.

— Не знаю. Кроме того, что я должна выяснить, кто упрятал папу за решетку, и вытащить его? Не знаю. Это не вернет потерянного времени, но я не могу позволить ему там остаться.

— И как именно ты собираешься все это провернуть?

Пожимаю плечами.

— Пойду к папе на свидание. Надо же с чего-то начать. Даже несмотря на то, что ничего уже здесь не будет, как надо, я должна помочь ему, прежде чем… — Я не собиралась выкладывать ему так много.

— Прежде чем что?

— Мой мозг полностью сольется с этой временной линией. — Делаю глубокий вдох. — Я вспоминаю вещи, которых не должна помнить. Начинаются головные боли вроде той, свидетелем которой ты стал вчера. Я знаю… это было опасно. Я не предполагала…

— Но все равно сделала? — Он прищуривается. — Ты когда-нибудь думаешь о последствиях?

— Иногда, — снова пожимаю я плечами.

Пытаюсь коснуться плеча Рика, но он отдергивает руку.

— Все это нервирует. Ты знаешь все эти вещи, которые тебе говорила какая-то другая версия меня, и смотришь так, будто чего-то от меня ждешь. Чего? Я что, снова обязан в тебя влюбиться? Потому что ты рассказала, что именно так все и должно быть?

— Нет. — Я едва умудряюсь выговорить это коротенькое слово. — Это ничего не значило бы. У тебя не было бы ни одного из моих воспоминаний — как мы частенько сидели на пляже, как ты повел меня в зоопарк, стараясь развеселить, и рычал вместе со львами. Это было бы… бессмысленно. Безо всех тех историй… — Передергиваю плечами.

Мое разбитое сердце обливается кровью, и я начинаю задыхаться, хватая воздух ртом. Все чувства обостряются. Трава кажется зеленее, воздух — холоднее, дыхание — еще более затрудненным. На мгновение закрываю глаза, а когда вновь их открываю, вижу глубокую жалость во взгляде Рика.

От этой жалости меня мутит. Во рту появляется металлический привкус.

— Я лучше пойду, — шепчу я. — Не понимаю, почему я посчитала это хорошей идеей.

— Погоди минутку, Лара.

Что-то в голосе Рика заставляет меня притормозить, и я останавливаюсь, но не оборачиваюсь. Не уверена, что смогу сегодня еще хоть раз посмотреть ему в глаза. Это просто невыносимо.

— Если тебе понадобится помощь, с твоим папой… Ну, дай мне знать. Что я точно помню, так это его доброту ко мне, так что дай мне знать.

Тяжело вздохнув, молча киваю. Пытаюсь поблагодарить, но

ничего не получается. Так что я просто ухожу. Бреду к ближайшей автобусной остановке, но ноги будто закованы в кандалы, и у меня совершенно нет сил. Останавливаюсь на углу и жду такси.

Чувствую, как волоски на затылке встают дыбом, и, обернувшись, вижу двух мужчин. На них одинаковые кожаные плащи и солнечные очки, а у одного на шее татуировка золотого дракона. Кем бы они ни были, эти парни не сулят ничего хорошего, и, пока я наблюдаю, как они пересекают улицу, у меня в голове невольно всплывают слова из дневника. Если они никуда не свернут, то окажутся возле меня через пару секунд.

Ловлю такси и называю водителю свой адрес. Ура, я спаслась. Заднее сидение обдувает кондиционер, но все равно в салоне пахнет плесенью и грязными носками. Роюсь в кошельке в поисках наличных, но нахожу лишь кредитку. Она может пригодиться. Достаю карточку, и из кошелька выпадает какой-то предмет, который был скрыт под ней.

Ключ.

Глава 8

Дома я оказываюсь первой, и как безумная несусь на кухню. Наливаю два стакана молока, нахожу большую тарелку и наполняю ее печеньем и конфетами. Не знаю, что нравится Майку и Молли, но уверена, что ни один ребенок не сможет устоять перед сладкой взяткой. Ставлю тарелку на стол и кладу рядом несколько салфеток. Еще один рывок на кухню, и я замечаю утреннюю газету, которую так внимательно читал Джекс.

Разглаживаю заломы на бумаге и читаю заголовок на первой странице.

«КОНГРЕСС ГОЛОСУЕТ ПО ЗАКОНОПРОЕКТУ О ПУТЕШЕСТВИЯХ ВО ВРЕМЕНИ

Сенатор Патрисия Джеймс выдвинула законопроект, позволяющий избранным полицейским отправляться назад во времени, чтобы проверять свидетельские показания и выслеживать опасных подозреваемых. На данный момент полиция должна обращаться за подобным разрешением в суд, что отнимает массу времени. Критики, однако, утверждают, что частые путешествия поджарят мозги полицейских и помешают соблюдению процедур, предусмотренных по отношению к лицам, обвиняемым в преступлениях. Законопроект выставят на голосование в начале следующей недели.

Сенатор Джеймс была одним из соучредителей агентства «Перемотка» до избрания на государственную должность четыре года назад. Она объявила миссией всей своей жизни противодействие замыслам опасных преступников путем обеспечения представителям закона возможности совершать безопасные путешествия во времени».

Сенатор Патрисия Джеймс.

Джеймс.

Разве это не фамилия Донована?

Подпрыгиваю от хлопка парадной двери.

— Мы дома! — хором кричат дети.

Их почти одинаковые личики улыбаются мне, и мои губы растягиваются в ответной улыбке.

— Привет, ребятки!

Бросаюсь к ним, крепко обнимаю и чувствую, как от ответных объятий трещат кости. Не могу не ощущать те тепло и любовь, что потоком устремляются ко мне от них. Майк и Молли

заразительно улыбаются. Их лица будто целиком состоят из пухлых щечек и блестящих глаз. Целую каждого и озорно заявляю:

— Ребята, у меня для вас сюрприз! А ну-ка за мной!

Беру их за руки и веду на кухню. Когда Майк и Молли видят стол, на их лицах вспыхивают улыбки.

— Ура!

Они бросаются к столу. Я еще сесть не успеваю, а ножки их стульев уже скрипят по полу. Дети кладут на свои блюдечки по печеньицу. Молли медленно и неторопливо обмакивает свое в молоке, а Майк сразу засовывает целую печеньку в рот.

Я сажусь с ними и тоже откусываю кусочек.

— Как дела в школе?

Молли начинает первой:

— Хорошо. Мы читали про собак, и я занималась с таблицей вычитания.

— Чистописание — отстой, — пожимает плечами Майк. — Мы же все равно постоянно пользуемся компьютером. Кому какая разница, смогу ли я написать свое имя от руки?

— В юридических документах может пригодиться. Хорошо бы это уметь.

— Ну да. — Майк возвращается к своему молоку.

— Хотите, потом посмотрим кино? Какое ваше любимое?

— «Рапунцель»! — выпаливает Молли и улыбается мне, демонстрируя два передних зуба. — Нет, нет, «Храбрая сердцем»!

— О нет, только не это. Опять? Я бы лучше посмотрел «Железного человека», — предлагает Майк.

Я, сощурившись, продолжаю игривым тоном:

— А разве тебе разрешено смотреть «Железного человека»?

Молли хихикает и показывает на него пальцем, и Майк сникает:

— Нет.

— Мы можем найти что-нибудь, что понравится всем нам.

Молли снова хихикает, на этот раз указывая на меня.

— Что смешного? У меня крошки на рубашке?

— Нет, глупышка!

Я стараюсь не рассмеяться.

— Глупышка?

Молли кивает, но именно Майк озвучивает их мысли:

— Кино, тарелка с печеньем. Ты что-то хочешь.

— Угу! — соглашается Молли, но это не останавливает ее, и она утаскивает еще одно печенье. — Мне нравится, когда тебе что-то нужно.

— Ну хорошо, — вздыхаю я, понимая, что мой подход не

сработал. Эти детишки слишком умны на свою же беду. — Вы правы, но это не значит, что я вас не люблю. — И, произнеся эти слова, я понимаю, что они сказаны от чистого сердца. Я на самом деле люблю их, пускай и практически не помню.

— Может, мы сумеем помочь? — спрашивает Майк. — Как в тот раз, когда помогли тебе улизнуть из дома, чтобы встретиться с Донованом ночью.

Мои губы растягиваются в ухмылке.

— Ладно, но все останется только между нами, или я расскажу маме о том случае, когда вы выбросили свой ужин в мусорное ведро. — Я предполагаю, что раз они маленькие, то такое хоть однажды, но должно было произойти.

Судя по страху на лице Молли, я нашла ее слабое место. Она широко распахивает глаза и рот.

— Хорошо, хорошо! Мы обещаем!

— Договорились, — улыбаюсь я. — Я хотела немного поговорить о маме.

Они обмениваются выразительными взглядами, но молчат.

— Меня очень печалит, что ее так подолгу не бывает.

Молли кивает.

— И меня тоже, — шепчет она.

— Но мы не хотим ее расстраивать, — быстро вставляет Майк. — Ненавидим, когда мамочка грустит.

— Я тоже, — признаю я, сморщив нос. — Может, нам стоит удивить ее особым подарком? Показать ей, как сильно мы ее любим.

Дети начинают подпрыгивать на своих стульях, и я знаю, что они уже со мной.

— А что, если мы отправимся по магазинам завтра после школы? Может, я заберу вас после занятий, и мы пойдем все вместе?

Молли хихикает:

— Я люблю магазины! Но мама говорит, что я слишком маленькая, чтобы гулять там одной. — Она надувает губы.

— Ну, в этом она права. — Я кручу печенье на тарелке. — Что ей нравится? Как вы, ребята, думаете, что будет для нее великолепным подарком?

Дети переглядываются, словно могут читать мысли друг друга.

— Мама любит кошек.

— Это ты любишь кошек, — возражает Майк Молли. — Она всегда поздно приходит. Может, нам стоит подарить ей сертификат в ресторан?

— Или в спа, — добавляет Молли.

— Нет, не думаю, — взволнованно вздыхаю я. Щелкаю пальцами. — Плохая идея. Я имею в виду подарок от нас, от всего нашего сердца, а не просто кусок пластиковых денег. Такие вещи вы можете купить своему учителю или начальнику.

Уголки губ Молли опускаются.

— Я думала, это то, что нравится тебе, — тихонько говорит она.

Я вижу, как ее маленькое личико перекашивается, и она собирается разразиться слезами.

— О, Молли. — Огорченная, я тянусь вперед и крепко ее обнимаю, перетащив к себе на колени. — Мне нравится, честно! Но я хочу, чтобы этот подарок был суперособенным.

Откидываю волосы сестренки назад, вытираю ей слезы. Она шмыгает носом.

— Это подарок. Разве он сам по себе не особенный? — спрашивает Майк.

— Даже еще более особенный, чем на Рождество, — объясняю я, поводя бровями с преувеличенным возбуждением.

Молли смотрит на меня, широко раскрыв глаза. Она начинает ерзать, пока не слезает с моих колен, и выбегает из кухни. Я бросаю на Майка растерянный взгляд.

— Девчонки, — пожимает он плечами.

Молли прибегает обратно и вручает мне флаер.

— Я видела, как мамочка однажды утром разглядывала вот это перед работой.

Я расправляю бумажные заломы и вижу серебряное колье. Оно представляет собой кулон в виде сердца, инкрустированный спереди камнями, соответствующими знаку зодиака.

— Это же просто замечательно! Завтра мы отправимся в торговый центр, купим колье и потом отнесем его маме на работу. Ребята, вам ведь известно, где она работает?

Молли хихикает и прикрывает свой рот, а Майк закатывает глаза:

— Мы все знаем.

— Уверена, так и есть, — поддразниваю я. — Но если вы мне не скажете, то как я пойму, что вы действительно знаете?

Майк прищуривается и выпаливает:

— В «Перемотке». Видишь, я же говорил, что знаю.

— Мама… — Я чувствую, что резко бледнею, и у меня внутри все сжимается. — Мама работает в агентстве путешествий во времени?

Майк кивает.

— Ты правда не знала? — удивляется Молли. — Но мы же там были, — торопливо произносит она. — Мы видели маму в

белом лабораторном халате, и она сказала нам…

— Ничего не трогать, — продолжает Майк. — Ее эксперименты и исследования очень важны, и она не хочет, чтобы кто-то им помешал.

— Но она уже почти закончила! — Плечи Молли вздрагивают от восторга. — И мы все сможем отправиться на отдых на водные горки!

— Ура! — выкрикивают они оба, вскидывая руки вверх, пока я отчаянно стараюсь сдержать тошноту.

Наше соглашение забыто, и Майк с Молли убегают в гостиную. Я убираю печенье, стараюсь понять, что все это значит, прежде чем присоединиться к ним. Нахожу ребят на диване, спорящими, кто будет отвечать за пульт.

— Помните, — говорю я, вытирая ладони о штаны. — Это сюрприз. Так что не рассказывайте ни маме, ни папе.

— *Ни* папе? — переспрашивает Молли и удивленно открывает рот. — Но как же ты тогда заберешь нас из школы?

— У меня свои способы. — Я игриво шевелю бровью и целую их по очереди в макушку.

Майк поднимает на меня взгляд, его голубые глаза, прямо как у Джекса, видят меня насквозь.

— А мы сможем зайти в торговом центре в «Макдональдс»?

— «Хэппи Мил»! — вопит Молли.

Я люблю их маленькие личики больше всего на свете. Любовь захватывает меня целиком, и я изумляюсь, как моя жизнь казалась полной без этих маленьких обезьянок.

— Я куплю вам все, что захотите, если вы об этом никому не расскажете.

Прижав руки к сердцу, они обещают молчать, и я удаляюсь в свою комнату, чтобы сделать домашнюю работу.

И поразмышлять.

***

Передо мной лежит домашнее задание. Я пытаюсь на нем сконцентрироваться, но читаю одну и ту же страницу четвертый раз, к тому же кончик моего карандаша вдруг ломается.

Мама работает на «Перемотку». Я тщательно роюсь в памяти в попытке найти хоть малейшее воспоминание об этом, но без толку. И мне ничего не остается, кроме как переживать о том, что это значит. Почему мама всегда работает допоздна? И что за проект, к завершению которого она близка? И как все это связано с нашим прошлым? Может, завтра мне удастся получить некоторые ответы от отца, но пока у меня голова идет кругом от

вопросов и ужасных сценариев «а что, если».

Сейчас «Перемотка» — мой враг. Если они узнают, что я натворила, меня арестуют. Или еще хуже — попытаются исправить весь устроенный мною бардак. Но может быть, так и должно случиться? Может быть, однако я не готова позволить маме уйти. Мы даже не побыли толком вместе. Мое сознание устремляется на шесть месяцев назад, в тот день, когда я впервые отправилась назад во времени, чтобы увидеть маму.

***

Папа покупает мне в качестве подарка сертификат на путешествие во времени. Я знаю, как дорого это стоило, но его лицо сияет, когда мы входим в лишенное какого-либо своеобразия агентство. Стены внутри девственно-белые, а мебель неестественного серебристого оттенка. Удобно, но глазу уцепиться не за что.

Я стискиваю в руках брошюру, изучая всю представленную в ней информацию об ухудшении здоровья у путешественников во времени, а также что может случиться, если попробовать повлиять на прошлое, хотя, к счастью, такие вещи невозможны — по крайней мере, именно так сказано в брошюре.

Папа сидит на диване рядом со мной и то скрещивает, то распрямляет ноги, постоянно потирая шею. Я не понимаю, почему он так волнуется. Ведь именно я сейчас впервые в жизни отправлюсь в прошлое, и мой желудок бурлит от волнения.

Появляется женщина с жесткими рыжими волосами, собранными на затылке в тугую «ракушку», из-за чего ее лицо кажется натянутой маской. Мы встаем, и она пожимает папину руку.

— Дилайла, спасибо, что так быстро нас приняла, — говорит папа.

Она улыбается и жмет мою руку.

— Чувствуй себя как дома, Джон. Я верну ее, как только мы закончим.

Я бросаю взгляд через плечо, и папа улыбается, но выглядит слишком взволнованным, подходя к столику с журналами.

***

Я тогда не заметила, но сейчас мне очевидно, что папа с Дилайлой были знакомы до этого нашего первого визита в агентство. Их никто друг другу не представил. Они просто знали друг друга. Но я была так взволнована возможностью увидеть

маму, что даже не подумала об этом.

***

Следую за Дилайлой в отдельную комнату и стараюсь расслабиться в мягком кресле. Она ходит туда-сюда по комнате, готовясь к процедуре, а потом надевает мне на палец кардиомонитор. Потом вращает какие-то рукоятки регулировки на компьютере и, не оборачиваясь, произносит:

— В прошлом тебя могут увидеть и даже заговорить с тобой, но ты для их сознания будешь похожа на голографическую проекцию. Ты не способна ни притронуться к ним, ни сесть в автобус, ни даже дверь открыть. — Дилайла печально и тревожно улыбается мне. — Я знаю, зачем ты хочешь ее увидеть, но ты не сможешь ее коснуться.

— Папа сказал мне, — киваю я.

— Хорошо. — Она снова улыбается, на приподнятых щеках появляются ямочки. — Если все же попытаешься, включится сигнал тревоги, и мы выдернем тебя оттуда. Я не говорю, что мы арестовываем детей, но исключений здесь быть не может.

— Поняла. — Я прикусываю губу, а внутри все дрожит от волнения.

Дилайла прикрепляет у меня на лбу электроды.

— Закрой глаза и сделай несколько глубоких вздохов. Когда окажешься там, будет кружиться голова. Помни, у тебя есть только пятнадцать минут.

Откинув голову назад, я думаю о маме. Я едва могу вспомнить ее лицо. Если бы не фотографии, у меня бы не осталось воспоминаний о ней. Когда-то она ласково говорила со мной и от души смеялась, но сейчас такое ощущение, будто я мысленно смотрю немое кино. Все, чего я хочу, — это восстановить свои воспоминания, и благодаря отцу у меня получится это сделать.

— С днем рождения! — шепчу я себе, и кресло начинает вращаться. Вновь открыв глаза, я, как по волшебству, опять буду с мамой.

***

Открываю глаза и вижу лежащую передо мной домашнюю работу. В носу начинает хлюпать, и на раскрытые страницы падает несколько капель крови. Я даже не помню, когда в последний раз у меня шла носом кровь. Роясь в столе в поисках салфетки, замечаю следы крови на руке. Полагаю, мне стоит

ускориться, если я хочу успеть освободить отца до кровоизлияния в мозг.

Смотрю на часы. Куда делись последние три часа? Не могу вспомнить.

Затолкав свои страхи в самые дальние глубины сознания, бегу в ванную и беру тряпку. Сунув ее под кран, слышу шаги. Я прикладываю ткань к носу. Раздается легкий стук в дверь.

— Секундочку…

Дверь все равно открывается. В ванную со встревоженным выражением лица входит мама.

— Когда это началось? — Она берет у меня тряпку и приказывает сесть на унитаз.

Я делаю, как она велит, и откидываю голову назад, глядя в ее ласковые глаза. Она крепко сжимает мой нос и плещет мне на щеки холодной водой. Вот что я упустила, пока росла. Я люблю папу, но он всегда старался, чтобы я была самодостаточна, а значит, получив ссадину или царапину, я сама себе оказывала первую помощь. Да и все равно он почти все время работал.

— Несколько минут назад, когда я делала домашнее задание.

Мама сжимает и покусывает губы, уставившись в стену. Когда я опускаю голову, она отпускает мой нос. Кровотечение остановилось, но мама все равно не дает мне подняться. Она умывает мне лицо и легонько целует в лоб. Я обнимаю маму рукой за талию и зарываюсь лицом в живот. Это первый раз, когда мы по-настоящему вместе. Она гладит меня по голове, по-прежнему кусая губы, будто не может оставить их в покое. Ее объятия поспешны и наполнены беспокойством.

— Завтра я позвоню твоему врачу, надо убедиться, что все в порядке.

— Мама…

Она поднимает руку.

Эту битву мне не выиграть.

— Ложись спать. Завтра поговорим, хорошо?

Еще раз поцеловав меня в щеку, она уходит.

Смотрю на свое отражение в безупречном заключенном в раму зеркале. Я не готова от нее отказаться.

Совсем не готова.

Глава 9

Утром я выхожу из дома пораньше, чтобы избежать вопросов, добираюсь до офиса папиного адвоката и сажусь в дорого выглядящий голубой седан. Мы направляемся в тюрьму, где последние десять лет держат отца. Мистер Грейсон кажется вполне нормальным. Лицом больше напоминает доброго дедушку, чем безжалостного адвоката. Мне бы хотелось, чтобы у папы был лучший консультант, которого только можно найти за деньги, но, похоже, это не так. У меня кровь застывает в жилах, когда я осознаю, что всецело виновата в случившемся с папой.

Мистер Грейсон проходит со мной в комнату, где меня просят заполнить и подписать несколько форм. Спустя какое-то время мне вручают пропуск посетителя, и я прикрепляю его на свой свитер. Адвокат и охранники кивают друг другу, и мистер Грейсон расписывается. Он ласково кладет руку на мое плечо.

— Ты уверена, что готова к этому? Если у тебя есть сомнения…

Отрицательно качаю головой.

— Я готова.

Делаю глубокий вдох, стараясь успокоиться. Дверь передо мной жужжит, и ее открывает полицейский, у которого шея толще моей талии. Волнуясь, прохожу в маленькую комнатку. Как только я оказываюсь внутри, дверь защелкивается.

Перед стеклянной стеной, отделяющей меня от заключенных, стоят три стула на выбор. Как меня проинструктировали, занимаю третье место и жду прихода отца. Руки так сильно трясутся, что, даже сжав их, я не могу подавить эту дрожь. Мое внимание привлекают звуки — эхо распахнувшейся с щелчком двери и скрежет металлических ножек о бетонный пол. Я вглядываюсь в лицо повидавшего виды папы, выглядящего старше, чем я помню. Его волнистые каштановые волосы тронуты сединой, щеки и подбородок покрыты густой бородой, которая мне не нравится. Это не мой отец. Это не тот человек, которого я знаю и люблю.

— Малышка? — шепчет он, и неверие в его глазах разбивает мое сердце. Пускай он выглядит иначе, пускай он очень худой, но его голос заставляет все мои эмоции хлынуть наружу.

— Папа, — с трудом произношу я, прижимая ладонь к стеклу.

Он прижимает свои пальцы напротив моих, и я знаю, что ему хочется меня коснуться. Я тоже хочу до него дотронуться и крепко обнять. Как же мне жаль, что я устроила такой кавардак.

— Поверить не могу. Фред прислал мне сообщение. — Папа

трясет головой, сжимая губы, чтобы сдержать слезы. Он никогда не позволял мне видеть его плачущим, но этот мужчина другой, его дух сломлен. — Я не думал, что ты придешь. Ты потребовала, чтобы я прекратил слать тебе открытки. Сказала, что я больше не твой отец…

От боли закрываю глаза.

— Сказала. — Мой голос звучит так тихо — надеюсь, папа меня слышит. — Я храню последнюю присланную тобой открытку в школьном шкафчике.

Его лицо озаряется улыбкой, словно я вручила ему главный приз.

— О, Лара, я рад. Я так рад. — Кажется, будто он видит меня впервые, его глаза внимательно изучают мое лицо. — Ты прекрасна. Очень похожа на маму. — Он прикусывает ноготь. — Я не знаю, что сказать. Не знаю, что значит иметь взрослую дочь. Прости.

— Это не твоя вина. Я просто хотела тебя увидеть. — Папа медленно кивает, будто контролируя свои движения.

Я чувствую, что мое присутствие тревожит его, что он хочет, чтобы я снова ушла. Ну почему все должно быть так сложно? Почему все не может вернуться на круги своя?

— Мне не позволено спрашивать про твою маму, но, надеюсь, у нее все хорошо. Вы, ребята, по-прежнему счастливы с тем… как там его?

В моей памяти всплывает улыбающееся лицо Джекса, сидящего напротив меня за игрой в «Монополию». Я киваю папе, высмаркиваюсь.

— Конечно. Лучше не бывает, я думаю. У меня есть младшие сестра и брат.

Папа кивает:

— Я услышал об этом несколько лет назад. Твоя мама мне рассказала.

В моей голове будто раздается звоночек.

— Мама тебя навещает?

Папа проводит рукой по волосам.

— Нет, вовсе нет. Время от времени она отправляет мне письма через своего адвоката. Ничего личного и ни строчки от нее самой. Просто новости.

Он имеет в виду, угрозы. Ему угрожали, чтобы он оставил попытки с нами связаться. Мы переехали. От старой семьи ничего не осталось.

— Ну, как школа? — со смешком спрашивает папа.

Я пытаюсь улыбнуться:

— Довольно неплохо. У меня хорошие оценки, есть друзья.

Дома тоже все хорошо. Мама много работает. — Кусаю щеку изнутри. Я знаю вопросы, которые мне нужно задать, но не хочу выпаливать их так сходу.

Он не обращает внимания на мое упоминание о доме.

— А у тебя есть парень?

— Был. Я с ним вчера порвала. Такой урод. Ему нужно было только одно, как и большинству ребят, я думаю.

Папа кивает:

— Ну и правильно. Школа сейчас важнее всего! Не унывай!

— Не буду! А ты как?

Папа качает головой с горьким вздохом. Отклоняется на спинку стула и складывает руки на груди. Расстояние между нами увеличивается, и я чувствую его нежелание делиться со мной.

— Сегодня вечером будут макароны с сыром, а еще я начал новую книгу из библиотеки, так что, наверное, все просто шикарно.

Шикарно. Слышала ли я хоть раз от отца такое словечко? Хотя макароны с сыром его любимое блюдо, особенно если это готовый ужин «Крафт».

— Я прочла о том, что произошло — с условно-досрочным освобождением и нападением. Мне жаль. — Я глубоко вздыхаю и сглатываю, но в горле сухо, как в пустыне.

Замечаю папин удивленный взгляд.

— Я пользуюсь компьютером в библиотеке. Они стараются уберечь меня от всего, но я им не позволяю.

Папа ерзает на месте, будто что-то не дает ему покоя, и с его губ вот-вот сорвется вопрос.

— Лара. — Он наклоняется вперед, оперевшись локтем на стойку между нами. — Зачем ты пришла?

— Мне нужно, чтобы ты рассказал, что случилось. Заполнил пробелы, — шепчу я, кидая взгляд через плечо, чтобы убедиться, что охранники стоят не слишком близко. — Кто-то стрелял в маму, но я знаю, что их послал не ты. Так что произошло потом?

Папины глаза вспыхивают гневом.

— С чего бы тебе верить в меня после всех этих лет?

— Папа, объяснять нет времени. — Мои глаза наливаются слезами, когда его лицо искажается от ярости и озлобленности. — Мне нужно знать. Я заслуживаю правды, согласен? Ты мой отец, и я хочу знать, почему ты здесь.

— Кто тебя послал? Кто втянул тебя в это?

— Никто. — Я встречаю его взгляд, безмолвно умоляя папу поверить мне, но он поднимается, оттолкнув стул назад, и я чувствую, что теперь он еще дальше от меня, чем раньше. Отец

считает меня предательницей? Я незнакомка, хоть в моих венах и течет его кровь.

— Я не могу говорить об этом. Не с тобой. Прости. — Папа отворачивается. — Охрана!

— Нет, — шепчу я, наклоняясь вперед. — Папочка, что мама делала в агентстве до своей смерти?

Я выпаливаю это, не подумав, и во мне тут же вспыхивает желание испариться и умереть. Папа поднимает руку, прося охранника дать ему еще немного времени. Отличная работа! Я умудрилась выболтать свой секрет теперь уже двум людям. С таким же успехом можно было разместить официальное заявление в газете. Я не чувствую ничего, кроме ненависти к самой себе за то, что сделала с папой, мамой и всем миром.

— Лара, почему ты сказала «до смерти»? — тихо спрашивает отец.

— Вырвалось просто, — отвечаю я, поднимая к нему залитое слезами лицо. — Я имела в виду… когда в нее стреляли.

— Нет, не имела ты этого в виду. — Папа медленно качает головой. — Что я сказал, когда тебя привели навестить меня на твой седьмой день рождения?

Он меня проверяет? У меня открывается рот. Взгляд мечется по сторонам, пока я пытаюсь напрячь память и извлечь оттуда воспоминания, которых там нет. Моргаю и делаю глубокий вдох полной грудью. Вижу танцующие над сахарной глазурью язычки пламени, но понятия не имею, из какого года это воспоминание, и лиц тоже не вижу. В такой важный момент я ничегошеньки не могу вытянуть из своей памяти, даже ради спасения собственной жизни.

Я должна попытаться, но идей никаких. Решаю остановиться на наиболее вероятном предположении в надежде, что это и есть правильный ответ.

— Что однажды мы будем вместе.

Папа расслабляет плечи и опускает руки.

— И как ты отреагировала?

Пока я вспоминаю, из носа начинает сочиться струйка крови. Выхватываю из сумки салфетку и зажимаю нос.

Сознание возвращает меня в прошлое, и я вновь напуганная маленькая девочка, рыдающая в подушку и умоляющая, чтобы пришел папа. Я не могу спать. Никто не может из-за моих ночных кошмаров. Джекс сидит рядом, стараясь меня успокоить, но я молочу по нему руками, впиваясь ногтями в кожу как можно глубже, мечтая, чтобы он ушел.

— Я плакала. — Мой голос звучит глухо. — У меня были истерики. Мама решила… — слезы текут по моему лицу, — что

свидания с тобой слишком меня травмируют. Вот почему они вычеркнули тебя из моей жизни.

Папа кивает, у него дрожат губы.

— Полагаю, тут больше нечего добавить.

— Кроме того, над чем мама тогда работала. Мне надо знать.

— Зачем? — спрашивает он, всем своим видом выражая недоумение.

— Просто уступи мне. Только в этот раз, пожалуйста!

Отец пристально смотрит на меня. Я пытаюсь подтолкнуть его в нужном направлении, добавляя:

— Ну пожалуйста, папа! — Умоляюще распахиваю глаза, мысленно заклиная его дать ответ.

Кажется, проходит вечность, прежде чем он отвечает:

— Она заполучила большой контракт и устроилась в «Перемотку». Работала в отделе научных исследований и опытно-конструкторских разработок. В те дни мало кто понимал хоть что-то в путешествиях во времени — уж точно не простые смертные.

— Значит, она ученый?

Папа кивает.

— Она работала над какими-то усовершенствованиями устройства для путешествия во времени. Какая-то штука, которая позволяла бы людям взаимодействовать с прошлым, не умирая и не сходя при этом с ума. Миранда всегда говорила, что подобный эффект был дефектом системы. Этого не должно было происходить. И сколько я помню, она все время пыталась его устранить.

Выводы из папиного рассказа напрашиваются прямо-таки громадные.

— Так, значит, кто угодно может менять прошлое?

— Только конкретные личности с более широкими полномочиями. Или что-то типа того.

— Она завершила свою работу?

Отец пожимает плечами.

— Я не очень-то в курсе текущих событий. Она твоя мама. Почему бы тебе не спросить ее?

Я решаю, что именно это мне и нужно сделать.

— Слышала в новостях, что тебя ранили.

Его глаза омрачаются, и он отталкивает стул.

— Я не могу говорить с тобой об этом. Прости, Лара.

— Папа… — вздыхаю я, намеренная отстаивать свою позицию, но он подает знак охране.

Наш разговор окончен.

Когда за ним приходят, я изо всех сил стараюсь сохранить на лице улыбку. Ему сковывают руки, и цепь спускается к ногам. С

папой обращаются так, словно он террорист, а не просто человек, который потерпел неудачу в убийстве своей жены. Я смотрю, как его выводят из комнаты. Мы еще не закончили, вот уж вряд ли! Я должна сюда вернуться. У меня остались вопросы, на которые мне нужны папины ответы.

***

Я прошу адвоката отвезти меня к маме. Он подъезжает ко входу, и я захожу в ничем не примечательный холл. Местечко кажется стандартным офисным зданием. Администраторы за стойкой из полированного красного дерева печатают что-то на своих клавиатурах. За ними огромная минутная стрелка на часах вращается в обратную сторону.

На заднем фоне играет музыка, напоминающая птичьи трели. Чуть в стороне я замечаю водопад, вокруг которого столпились детишки, чтобы побросать монетки и загадать желания. Напротив зона ожидания с журналами и книгами, где люди заполняют анкеты.

Я прохожу мимо и направляюсь прямиком к лифтам. Никто не реагирует. Должно быть, меня и раньше здесь видели. Просмотрев размещенный на лифтовых дверях список, обнаруживаю, что мама работает на верхнем этаже. Ткнув кнопку со стрелочкой вверх, стою в ожидании сигнала. Шагнув внутрь, нажимаю на кнопку нужного этажа и жду, пока закроются стальные двери. Пол подо мной вздрагивает, и лифт начинает ползти вверх, а я, пользуясь передышкой, пытаюсь решить, как себя вести. Как мне получить нужную информацию, и что по этому поводу скажет мама?

Лифт со звонком останавливается, в кабину заходят двое мужчин в лабораторных халатах. Они слишком заняты разговором и не замечают меня. Один из них активно размахивает руками.

— И что нам теперь с этим делать?

Другой пожимает плечами:

— А что мы можем? Нам нужно извлечь эти воспоминания из Дженкинса. Он искренне верит, что провел последние пять лет в тюрьме. Его личность, весь его облик полностью изменились.

— Его нужно держать взаперти.

— А он и заперт, — горячо отвечает второй. — Это головная боль Монтгомери. Пусть она и разгребает.

Моя мама? Я каменею.

— Если правление узнает, что мы сделали… Нам полагается хранить воспоминания. Хранить, а не заменять. Как, черт побери,

это вообще могло произойти?

— Это сбой. Все наладится.

— Ну да, не считая того, что теперь парень скачет по времени без возможности остановиться. А что, если он нас найдет? Что, если он нас убьет?

Поверить не могу в то, что слышу, и в то, что они обсуждают это прямо передо мной. Они так взвинчены — видимо, даже не осознают, что они не одни. Если я правильно понимаю, о чем они говорят, моя мама создала серийного убийцу и наделила его способностью прыгать сквозь время вне системы так, что «Перемотка» и правительство не могут за ним проследить.

Да с первого взгляда очевидно, что эта затея незаконна. И глупа.

Лифт останавливается.

— Она сделала это намеренно, — фыркает мужчина. — Я знаю. И должен каким-то образом это доказать.

— Ну, сейчас он хотя бы в коме. Слава богу, нам удалось достать тот шприц прежде, чем он снова прыгнул во времени.

— Если бы мы только могли удерживать его в таком состоянии…

— Если бы…

Двери открываются, и они выходят, а я поднимаюсь на последний этаж в одиночестве. Выхожу из кабины, и ноги тут же утопают в роскошном ковре. Все стены стеклянные, так что я могу разглядеть расположенные в ряд вдоль коридора комнаты для переговоров. Кабинеты внутри маленькие, никаких окон и белых дверей. Я изучаю все таблички с именами, пока не нахожу ту, на которой написано мамино имя. Глубоко, судорожно вздыхаю, поворачиваю дверную ручку и толкаю дверь.

Мама склонилась над компьютером, держа около уха телефон. Ее волнистые волосы взлохмачены сильнее, чем обычно, она тянет вниз то одну, то другую прядь. Вид у мамы ужасно уставший.

— Я уже иду в лабораторию. Ничего не предпринимай, пока я не появлюсь. — Она кладет трубку и поднимает голову. Морщин у нее на лице прибавляется раз в десять.

— Лара?

Вхожу в кабинет и закрываю дверь.

— Похоже, ты очень занята.

Она бросается ко мне и прикладывает запястье ко лбу.

— Ты снова заболела? Что случилось, дорогая? Почему ты не в школе?

— Мне нужно было тебя увидеть. Я соскучилась, мама. — У меня дрожит подбородок, и я ругаю себя за такую

эмоциональность, но я не для того нарушила закон путешествий во времени, чтобы она могла работать над каким-то новым девайсом для этой идиотской компании.

Мама печально улыбается и, бережно сжав мой подбородок, целует его несколько раз.

— Ну, это для начала. — Она крепко и тепло обнимает меня, чуть не раздавив в своих объятиях. — Никогда не думала, что ты снова это скажешь, представляешь?

Я кладу голову на мамино плечо. Хочу все ей рассказать, но еще слишком рано.

— Может, пообедаем вместе?

Мама вздыхает:

— Ох, милая. У меня сейчас столько дел, да еще в лаборатории кризисная ситуация.

— Я навещала его, — гневно бросаю я, словно наказывая ее за то, что она ставит работу на первое место. — Навещала папу. В тюрьме, — добавляю я, на случай, если она не поняла, откуда я приехала.

Она все понимает.

Ее глаза вспыхивают огнем.

— Лара Монтгомери…

— Крейн.

Ее эмоции подпитывают мои, я начинаю закипать от возмущения, но мама не отступает. Уперев руки в бедра, она делает ко мне шаг.

— И что? Он сказал что-то, что тебя расстроило?

Я качаю головой:

— Совсем наоборот. Он был очень мил, но… словно незнакомец. Мне нужно знать, ты в самом деле веришь, что он это сделал? В самом деле?

— Его признали виновным, — выплевывает она. Мама, должно быть, ненавидит, что я заставляю ее об этом говорить.

— Невинных тоже осуждают, особенно когда все подстроено.

Мама закатывает глаза:

— Лара, только не говори, что ты опять лазила в Интернет. Я же тебе объясняла, что он скажет все что угодно. Все что угодно, лишь бы выбраться из тюрьмы.

— Думаю, он не врал. Я знаю, что он этого не делал, мама. Знаю.

— Откуда? — Ее вопрос звучит как вызов. — Скажи, откуда тебе это известно?

Я запинаюсь и с трудом сдерживаюсь. Я-то знаю, что хочу ответить.

— Потому что он твой отец, — шепчет мама. — Понимаю, ты

никогда не смиришься, но мы ничего не можем с этим поделать, Лара. Что сделано, то сделано. Твой отец виновен, как бы ты не хотела это признавать.

Сердце сильно стучит, и я с трудом втягиваю воздух.

— Почему ты не осталась с ним? Почему?

— Он пытался меня убить.

Крепко сжимаю зубы.

— Ты забрала меня у него. Я помню.

Мамины глаза наполняются слезами.

— Это все, что ты помнишь? А помнишь те убогие квартиры, в которых мы жили? Тот ужас, через который мы прошли в первые месяцы? Судебный процесс? Думаешь, я хотела этого для нас? Не сходи с ума, Лара! Если бы твой отец был невиновен, то в нашей квартире не нашли бы оружие.

— Его подбросили.

Мама с горечью усмехается:

— Да ты же говоришь, как он! Будь я проклята, если ты еще хоть раз с ним увидишься!

Я бью себя кулаком в грудь:

— Я Крейн! В моих жилах его кровь, так что не указывай мне, что делать!

Поворачиваюсь, чтобы открыть дверь, но мама хватает меня за запястье, разворачивает к себе и отвешивает мне пощечину. Пораженная, с открытым ртом, я прикладываю руку к наливающейся болью щеке. Вместо того, чтобы извиниться, мама тяжело дышит, кипя от негодования и выставив верхнюю губу чуть вперед.

— Мы теперь Монтгомери. Все, что мы имеем, все, что мы любим, пришло благодаря этой жизни.

— Тебе действительно стыдно, что ты когда-то была Крейн, так? — шепчу я, осознав весь ужас той правды, что Лара написала в своем дневнике. — И я всего лишь болезненное напоминание о том, что ты когда-то любила Джона. Что мы все вместе жили в обшарпанной квартирке? — Судорожно вдыхаю, собственные слова буквально режут меня заживо.

— Ты правда так думаешь? — спрашивает мама. Ее лицо искажается страданием. — Ты считаешь, что я тебя ненавижу?

— Может быть. — Мои ноздри раздуваются и трепещут. — В прошлом месяце ты не пришла на мой отчетный концерт по танцам. На прошлой неделе пропустила наш обычный завтрак. — И откуда только берутся все эти обиды?

— Работа… — Мамины глаза полны печали, она хмурится.

— К черту работу! — кричу я. — Работа — это не то, что по-настоящему важно. Знаешь, что важно? Я! Майк и Молли важны!

Мы обсуждали, какой тебе купить подарок, и знаешь, что они хотели тебе предложить? Подарочный сертификат в спа-центр, потому что они знают, как ты постоянно напряжена. Их воспитывают няньки, в то время как рядом с ними должна быть ты.

— Я и так чувствую свою вину, Лара. И мне не нужно, чтобы ты ее приумножала.

— Тебе и следует чувствовать вину. — Еле сдерживаюсь, чтобы не зарычать. Не могу поверить, что я променяла папу на эту женщину. Мне следовало оставить ее умирать на аллее.

Внезапно я разражаюсь слезами. Плечи вздымаются, и рыдания разрывают мою грудь. Прикрываю глаза и тру их кулаками чуть ли не до дыр. Я ненавижу себя и мечтаю провалиться сквозь землю.

Мамины руки стискивают меня в самом крепком из объятий. Она усаживает меня рядом с собой на диване и ритмично укачивает, словно я маленькая девочка.

— Было намного проще, когда ты была маленькая.

Я смеюсь сквозь боль.

— Мне хочется быть с тобой. Как бы я хотела, чтобы меня было достаточно.

— О Лара! — Ее голос звучит чуть надтреснуто, и я вижу напряжение на ее лице. Ее взгляд устремлен на книжные шкафы, выстроившиеся рядами вдоль стен кабинета. — Дай мне сходить в лабораторию, разобраться там с парой вопросов, а потом мы вместе пообедаем.

— Но твоя работа…

— До вечера никуда не денется, — улыбается мама. — Этого недостаточно, но я не могу ничего изменить, пока не закончу этот проект. — Я киваю, и она, поцеловав меня в лоб, стремительно выходит из кабинета, а я несколько мгновений просто сижу и слушаю шум работающего кондиционера.

Встаю и подхожу к ее столу. Сев в кресло, начинаю рыться в ящиках. Я не обнаруживаю ничего примечательного, но натыкаюсь на несколько фотографий. Сверху их с Джексом свадебное фото. Под ним еще одно — со мной и ребятами. Снимок должен бы вызвать улыбку, но я не улыбаюсь.

Центральный ящик заперт, так что я обращаю все внимание на компьютер. Быстрое движение мышкой убирает экранную заставку. Бросаю взгляд на дверь, чтобы убедиться, что там никого, а потом ввожу пароль, который, как мне кажется, она может использовать — мой день рождения, — но он не срабатывает.

Вздыхаю и в последней отчаянной попытке ввожу день

рождения папы. Раздается тихий сигнал, и заставка на экране пропадает. Передо мной открывается идеально чистый голубой рабочий стол, на котором сбоку выстроены в ряд лишь несколько иконок, но мой интерес вызывают не они, а некоторые свернутые на панель задач приложения.

Сначала я кликаю на открытый почтовый ящик и быстро просматриваю всякие письма счастья, картинки с котятами и стандартные рассылки с анекдотами. Как-то многовато для того, кто трудится в поте лица. Но в следующей программе я вижу отчет, над которым она работала. На подложке различаю водяные знаки «Перемотки» с пометкой *«Конфиденциально»*.

Никто пока не появился, так что я начинаю читать.

«*События этой недели прискорбны, но неизбежны, поскольку мы перешли к этапу программы, который предполагает опыты на людях. Семья мистера Дженкинса вызывает у меня глубочайшее сочувствие, но мы движемся гигантскими шагами к возможности находиться в прошлом дольше пятнадцати минут. У правильного кандидата природная способность к путешествиям во времени будет разблокирована.*

Мистер Дженкинс оставался в прошлом двадцать минут, и когда он вернулся, мы извлекли некоторые из ключевых воспоминаний его жизни и внедрили новые. Он был твердо уверен, что то, о чем он помнит, действительно произошло, и стал угрюм и агрессивен, когда мы предположили обратное. Насколько он знал, эти воспоминания были у него годами.

Подумайте о преимуществах, которые это может дать нам в работе с убийцами, террористами и педофилами. Мы можем повлиять на людей на уровне подсознания и, объединившись с правоохранительным органами, изменить мир.

Мистер Дженкинс возвращался в прошлое десять раз. Мы пытались помочь ему с головными болями и кровоизлияниями в мозг при помощи медикаментозного лечения. Вначале на него навалились новые воспоминания в настоящем. Когда их поток уменьшился, начались носовые кровотечения. Затем мистер Дженкинс все чаще стал впадать в безумство, в то время как его неконтролируемая способность к прыжкам сквозь время усилилась. С каждым путешествием он становился все более растерянным и забывчивым.

Действия мистера Дженкинса были признаны опасными, так что мы ввели его в медикаментозную кому. Завтра я объявлю, что его мозг умер, и отключу его от системы жизнеобеспечения.

Поскольку подобная информация, по всей видимости, представляет опасность, он был на это время подключен к местному оборудованию. И хотя наши методы могут подвергаться

сомнению, в нашей лояльности программе сомневаться не приходится. Надеюсь, когда вы изучите его томограммы, то увидите, что у нас достаточно данных, чтобы продвигаться с новой методологией дальше.

Мой доверенный ассистент Дилайла продолжает проверять томограммы головного мозга всех клиентов и отмечать тех, кто, вероятно, сможет пережить полное слияние воспоминаний после путешествий во времени. Как только мы сумеем убедить их присоединиться к программе, у нас появится больше объектов для исследования, и когда мы справимся с этой проблемой, то сможем перейти к двум нашим долгосрочным целям.

Патрисия, я знаю, что прошу о дополнительном времени, а вам нужно, чтобы это было сделано как можно скорее. Пожалуйста, поверьте, я стараюсь изо всех сил.

Никто больше меня не хочет, чтобы все заработало».

Со вчерашнего дня у меня начались носовые кровотечения.

Прокручиваю страницу вниз и вижу имя предполагаемого получателя письма — сенатор Патрисия Джеймс. Все встает на свои места, и я в ужасе от того, что все это значит. Мама по уши увязла в незаконных исследованиях, из-за которых умирают люди. И ее ассистент Дилайла была лаборанткой в моей версии прошлого. Хотелось бы мне прыгнуть туда и выяснить, что она знает, но, может, стоит подумать над лучшим из оставшихся вариантов? Возможно, я смогу задать ей интересующие меня вопросы прямо сейчас.

На выходе из кабинета сталкиваюсь с мамой. Она охает от неожиданности:

— Куда ты так несешься?

— В туалет. Встретимся через десять минут в холле?

Мама кивает:

— Жду тебя там.

Я лечу в сторону туалета. И надеюсь лишь, что успею.

Глава 10

Постучав, толкаю дверь кабинета Дилайлы. До меня доносится аромат ее послеобеденного апельсинового чая. Горящая на столе лампа излучает теплый свет. Дилайла поворачивается ко мне на своем кресле на колесиках.

— Да? Лара! Какой приятный сюрприз! Я не знала, что ты здесь!

Улыбаюсь и вхожу в ее небольшой кабинет. На столе беспорядок, сама она выглядит очень занятой, так что мне нужно быть краткой.

— Я обедаю с мамой и решила зайти поздороваться. — Усаживаюсь перед столом напротив Дилайлы. — Она срочно понадобилась в лаборатории. Что-то суперважное.

Взгляд Дилайлы омрачается.

— Да. — Она разворачивается к компьютеру, ссутулившись, будто взвалила себе на плечи весь мир.

Качаю головой.

— Не могу в это поверить. Путешествия во времени без оборудования? Вне системы? Полагаю, это наделит сенатора Джеймс огромной властью, как считаешь?

Дилайла вскидывает голову. Она покрывается испариной, уголки губ дергаются.

— Она… она тебе рассказала?

Я киваю.

— Но я никому не проболтаюсь. — Поднимаю руку. — Честное скаутское!

Гнев вспыхивает на ее лице.

— Да с какой стати она вообще… Ты понимаешь, что это очень опасно? Мы можем оказаться за решеткой. Все мы. Даже сенатор. И заикаться об этом не смей! Обещай мне, Лара!

Снова киваю.

— Я никогда не осознавала, что вы так важны, что способны наделить людей такой мощью. Как вы это делаете?

— Ну правда, Лара… — Она бросает взгляд через плечо. — Мы изучаем волны электромагнитного излучения человеческого мозга. Можем определить, когда кто-то пробует взаимодействовать с прошлым, пусть даже случайно. Тогда я просто помечаю их карты.

— И заботишься о том, чтобы они продолжали приходить? — спрашиваю я.

Дилайла быстро кивает.

— Они оказываются у меня под колпаком. Я замечаю, когда

их мозг меняется. А потом слежу за тем, чтобы они снова и снова хотели изменять события.

Вскидываю бровь.

— И следишь, чтобы никто не догадывался об этих изменениях.

Дилайла посылает мне колючий взгляд.

— Но только никому об этом не рассказывай. Если в полиции или правительстве узнают, что мы работаем на сенатора, нам всем конец. То, что мы делаем, нарушает все принятые Конгрессом законы о путешествиях во времени.

Натянуто улыбаясь, встаю.

— Обещаю, — говорю я. В горле пересохло.

Вспоминаю все те разы, когда отправлялась в прошлое, чтобы разработать свой маршрут. И каждый раз Дилайла была моим ассистентом. Случайно ли, или существует вероятность того, что она следила за мной? Дилайла была маминой напарницей. Могла ли она продолжить исследования после ее смерти?

Но если Дилайла меня проверяла, если мониторила деятельность моего мозга, когда я меняла прошлое, значит, она заметила, что я сделала. И если она сохранила это в секрете, значит, меня пометили. А если так — вскоре я могу закончить, как мистер Дженкинс.

Глава 11

Во время ланча я пытаюсь наслаждаться общением с мамой, но мысли все время куда-то уплывают. «Перемотка» была основана как служба в сфере услуг вроде косметологического салона, где делают пилинг задницы или массаж. Считалось, что путешествия во времени — это развлечение. Но агентство — явно прикрытие для чего-то более серьезного и опасного. Мама, по которой я скучала всю жизнь, работает на какую-то контору, способную перекроить ход истории к лучшему или к худшему. Я-то знаю, как ужасно одна измененная мелочь испортила наши с папой жизни.

Насколько опасной станет возможность устранять воспоминания? Ведь они делают нас теми, кто мы есть, я это хорошо поняла. Что, если демократы убьют следующего республиканского президента еще до того, как он научится ходить?

Что, если в «Перемотке» научатся стирать память в массовом порядке и используют это для того, чтобы контролировать население?

Я думала, что маму ограбили и убили. Считала, что она была невиновна. Но теперь выясняется, что существовали определенные причины, по которым эти люди могли желать ее смерти и хотеть, чтобы ее исследования прекратились. Предполагалось, что мама будет особенной, ангелом во плоти, и я тоже должна была оказаться особенной. Когда я впервые обнаружила, что могу взаимодействовать с прошлым, я посчитала себя единственной в своем роде.

Я мысленно возвращаюсь в тот день, когда впервые отправилась в прошлое. Мне исполнилось шестнадцать, и я вернулась в свой первый день рождения.

***

Я сижу в углу семейного ресторана. На полу двухцветная плитка. Зал украшен розовыми воздушными шарами и серпантином. Очевидно, я попала в разгар вечеринки. Женщина с кучерявыми волосами держит на руках маленькую девочку с розовой повязкой на голове. Их окружают люди, которые улыбаются даже несмотря на то, что младенец все еще плачет из-за лопнувшего шарика.

Кто-то из гостей говорит:

— С годиком вас!

Я сбита с толку и раздосадована. Почему я здесь? Кто все эти люди? Меня что, пригласили на вечеринку? Если так, то почему я без подарка? Опустив взгляд, вижу в руках мятую брошюру. Разглаживаю листочки и понимаю, что они из «Перемотки».

«*Вы можете испытать временную краткосрочную потерю памяти. У вас есть пятнадцать минут в прошлом*».

В прошлом?

Путешествие во времени?

Поднимаю взгляд на сидящую передо мной женщину. Кудряшки, обрамляющие ее лицо, напоминают мои собственные. Девочка подпрыгивает на ее коленях, и до меня доходит, что это не новорожденный младенец, а ребенок чуть постарше. С сияющими, словно звезды, глазами женщина целует девочку в щечку.

— Лара, это просто шарик. Все хорошо.

Лара?

Рядом с женщиной сидит молодой мужчина. Видимо, это отец ребенка. Он держит куклу, заставляя ее танцевать перед пухлыми ручками дочки. На его лице широченная улыбка. Девочка хихикает и тянется к кукле.

— Ты всегда знаешь, что делать, — замечает женщина.

Он подмигивает ей.

— Поэтому ты и вышла за меня.

— Это одна из причин. — Они тянутся друг к другу, чтобы поцеловаться.

Пара просто излучает любовь. Любовь окружает их, словно яркий пузырь, и на короткое мгновение я оказываюсь внутри него, наблюдая, как они целуют ребенка в обе щечки, хором смеясь. Я забываю о том, что мне здесь не место, пока они разрезают торт, и девочка бьет по нему кулачками. Мне нравится, как ее папа обнимает свою жену за плечи.

Последний раз смотрю, как мама крепко обнимает дочку, а затем разворачиваюсь и врезаюсь в официантку с подносом, на котором полно напитков. Взвизгиваю от ужаса и опускаюсь на колени, чтобы ей помочь. Вода и газировка расплескались по всему полу, часть попала на мои кроссовки.

— Мне так жаль, — говорю я, помогая официантке собрать на поднос осколки.

— Все в порядке, — бормочет она, но я знаю, что это не так. У девушки алеют щеки, она явно злится.

У меня в голове всплывает воспоминание о визите в «Перемотку».

«*Вы будете словно голограмма, не способная ни коснуться чего-либо, ни взаимодействовать с кем-то в прошлом, хотя вас и*

будут видеть. После того как вы исчезнете, о вас совершенно забудут, будто вас там никогда и не было».

Но я столкнулась с официанткой. Собирала стекло.

— Я могу взаимодействовать с прошлым, — шепчу я, и у меня в голове начинают усиленно крутиться шестеренки.

Обдумывая намечающийся план, я бросаю короткий взгляд через плечо на родителей, в то время как мир вокруг меня погружается в темноту.

***

Прихожу в себя, воткнув вилку в салат «Кобб». Вздыхаю. Это одно из моих любимых блюд, но я не могу сосредоточиться на еде. Поднимаю взгляд от тарелки. Судя по всему, я по-прежнему на ланче с мамой.

Она перестает жевать и делает глоток чая со льдом.

— Для человека, который хотел позавтракать, ты не очень-то хорошо с этим завтраком расправляешься.

— Извини, — ежусь я и тоже отпиваю из своего стакана. — Мне очень стыдно за то, что я на тебя кричала.

Мама улыбается. Она не то чтобы довольна и счастлива, но уже и не злится.

— И ты меня извини. Мне не следовало давать тебе пощечину, и мне очень жаль. Очень-очень. — Она вытирает рот голубой салфеткой. — Я пообещала себе, что это никогда не повторится, и вот опять.

— Опять? — Ее слова настойчиво звучат у меня в ушах. Почему она ударила меня в предыдущий раз? Наши отношения настолько ужасны?

— На этот раз все будет по-другому. — Мама кивает и снова впивается зубами в сэндвич.

Я мысленно возвращаюсь к спору на кухне, который подслушала утром.

— Как дела с сенатором?

Мама становится серьезной.

— Мы давно не встречались. Мы, знаешь ли, не общаемся каждый день.

— О, — только и могу выдавить я.

— Да, когда-то мы были близки. — Кажется, мама может с легкостью плести паутину лжи, и я задумываюсь, о чем еще она может лгать. — Она дала мне работу, моя карьера пошла в гору. Я за многое ей благодарна.

— Она одна из основателей «Перемотки», — замечаю я, стараясь, чтобы это не прозвучало как вопрос, хотя это он и есть.

Мама кивает.

— Без нее мы с Джексом никогда бы не встретились, и я никогда не получила бы эту работу. Мы ей обязаны… многим. — В животе у меня все переворачивается. — А с чего такой внезапный интерес к маме Донована?

Пожимаю плечами.

— Да ни с чего. Просто решила спросить. — Делаю паузу, чтобы выпить воды. — А ты раньше видела татуировку золотого дракона?

Поперхнувшись, мама расплескивает чай со льдом по всей тарелке. С широко распахнутыми глазами она берет салфетку и прикрывает рот.

Думаю, это означает «да».

— Лара, где ты видела мужчину с татуировкой дракона?

— О, не знаю. Где-то. Кажется, в метро. — Пытаюсь держаться непринужденно, поигрывая с локоном волос, то накручивая его на палец, то отпуская.

— Ну… держись от него подальше. Эти парни не слишком дружелюбны.

— Так ты их знаешь?

Мама кивает.

— Только то, что читала в газетах. Они из мафии.

Теперь моя очередь удивляться.

— Из мафии?

Зачем мафии меня преследовать? Во что я вляпалась?

— Да, из мафии, так что держись от них подальше.

Я киваю.

— Обещаю.

— Хорошо. — Она замолкает, и напряжение между нами растет. — Так о чем вы с папой разговаривали?

— С папой? — переспрашиваю я с набитым ртом. Делаю паузу, чтобы прожевать и проглотить салат. — О, да знаешь, об оценках. О парне меня расспрашивал.

Мама самодовольно ухмыляется.

— Спорим, ему понравилось?

— Ну а о чем еще нам говорить? — Копаюсь в салате в поисках последнего сухарика. — Ты же познакомилась с папой в школе, да?

Мама вдруг смотрит на меня отсутствующим взглядом, которого я никогда раньше не видела.

— Он был футболистом. Не звездой, нет. Ну разве что для меня. Мы дружили. — Она пожимает плечами и начинает накручивать локон на палец. — Мы тогда гуляли в одной компании, а он предложил мне пойти с ним вдвоем в кино. Так

все и закрутилось.

Мама широко улыбается чему-то, что видит только одна она, и, клянусь, на ее щеках появляется румянец. Видимо, не все воспоминания о Джоне Крейне так уж плохи.

— Мы поженились совсем юными, и он поддерживал меня, пока я училась в колледже, даже когда его карьера пошла вниз. Никогда бы не подумала… что закончится все вот так, — надтреснутым голосом говорит она и снова обращает все свое внимание на сэндвич.

Я была так сосредоточена на собственных чувствах и на том, что случилось с папой, что даже не задумалась, как тяжело, должно быть, было маме осознавать, что папа хотел ее смерти. Но ведь в действительности это не так. Все было ложью. Вот только для мамы это не имело значения, потому что для нее все было реальным.

Неожиданно моя голова взрывается от боли. Я зажмуриваюсь и вижу перед глазами яркую вспышку. Товарняк с воспоминаниями вернулся, чтобы снова проехаться по моему мозгу. Пытаюсь избежать встречи с ним, концентрируясь на настоящем, но он мчится на всех парах. Надеюсь только, что в этот раз я не свалюсь на пол с кровотечением из носа.

***

Когда вспышка бледнеет, я снова маленькая девочка и лежу в гостевой спальне в доме у бабушки. Я укрыта одеялом в розовом пододеяльнике с кружевной отделкой — идеально для маленьких девочек, — и в комнате полным-полно моих вещей, но мне все равно страшно. Каждый вздох кажется мне очень громким, и я пытаюсь притвориться, что сплю.

Зарываюсь носом в подушку и крепко стискиваю единорога — единственную мягкую игрушку, без которой не могу жить. Я не одна, поэтому начинаю дышать медленнее и прикрываю глаза, оставив лишь тонкую щелочку, чтобы казалось, будто я сплю. Мама стоит у кровати на коленях, гладит меня по голове и напевает колыбельную. Кажется, это «Ярче, звездочка, сияй». Я не уверена, потому что голос у нее дрожит. Меня пугает, что мамочка настолько расстроена, что даже нашу песенку не может промурлыкать. До меня доносится ее сдавленный всхлип, и я делаю вид, будто заснула, чтобы она решила, что со мной все в порядке. Но мое сердце как-то странно болит.

Я скучаю по папочке. Мне хочется, чтоб он вернулся, и я не понимаю, почему дикторы в новостях и все взрослые считают, что он мог обидеть мамочку или меня. Он нас любит. Но я хочу,

чтобы мама знала, что я в порядке. Хочу, чтобы она знала, что я буду в порядке.

— Иди выпей чаю, Миранда.

Услышав бабушкин голос, я чуть не подскакиваю в кровати, но умудряюсь застыть и не двигаться, когда мама убирает руку с моей головы. Мамочка укутывает меня в одеяло, и мне уютно и тепло, я чувствую себя в безопасности. Она покрывает мой лоб легкими поцелуями, и я не могу сдержать улыбку. Только я думаю, что вот сейчас она уйдет, как мама заговаривает.

— Как же мне?.. — Она не выдерживает и всхлипывает, и я слышу приближающийся стук бабушкиных каблуков.

— Идем, — шепчет она. — Мы выпьем чаю, и ты возьмешь себя в руки.

— Джон…

— Сегодня ты поплачешь, — продолжает бабушка, — и я тоже поплачу, но завтра мы будем нужны Ларе. Она в нас нуждается. Тебе придется быть сильнее этого. Завтра.

***

Когда я снова открываю глаза, такое ощущение, что солнце светит еще ярче. Я тру лоб, и мама окидывает меня пристальным взглядом.

— Лара? Ты в порядке?

— Просто голова болит, — отвечаю я и поспешно отпиваю воды.

Она глубоко вздыхает и пытается не зацикливаться на этом.

— Я позвоню твоему врачу, когда вернусь в офис. Надеюсь, мы сможем попасть к нему на прием через пару дней.

— Ладно, — киваю я, чувствуя, как сжимается желудок.

Не знаю, решит ли доктор, что я здорова, но действительно не хочу к нему идти. Однако после вчерашнего кровотечения из носа я почти не сомневаюсь, что отвертеться не удастся.

— Ладно? Мне казалось, ты терпеть не можешь ходить по врачам.

Пожимаю плечами.

— Ты не могла бы подбросить меня домой? У меня домашняя работа и все такое. Ну, когда доешь.

— Конечно. — Мама смотрит на часы. — Думаю, пора возвращаться на работу, но я отлично провела время, Лара. Правда. Давай повторим, и как можно скорее, хорошо?

Она одаривает меня сияющей улыбкой, а затем поднимает руку, чтобы подозвать официанта.

Пытаюсь порадоваться, но не могу. Я тикающая бомба с

часовым механизмом.

***

Мама высаживает меня у двери и извиняется, что сегодня ей снова придется задержаться на работе допоздна, но обещает утром пойти со мной к врачу. Захожу в дом, взбегаю по лестнице и осматриваюсь. Только в одной комнате заперта дверь. Заглянув внутрь, среди прочей красивой обстановки вижу рабочий стол с компьютером.

Бинго!

Вхожу, закрываю за собой дверь и сажусь за стол. Поскольку я знаю папин день рождения, получить доступ к компьютеру проще простого. Маме на заметку: ей и правда надо разнообразить свои пароли.

Проверка ее почтового ящика дает те же результаты, что и на работе, и, запустив быстрый поиск, я нахожу мамины личные файлы: схемы устройства для хранения воспоминаний и рисунки, которых я даже понять не в состоянии. Они похожи на набор молекул и атомов, нарисованных в какой-то чертежной программе. Единственная пометка, которую я вижу, — это слово «Джон». Должно быть, какой-то код, но зачем же мама использовала папино имя, если думает, что он пытался ее убить? Возможно, она тосковала по утраченной жизни.

Я уже собираюсь уйти, когда поиск по слову «Патрисия» наконец возвращает имя папки, похороненной глубоко в системе. Мое внимание привлекает «Архив». Мама использовала очень длинные пути и имена папок, чтобы спрятать его от обычного поисковика. Зайдя в архивный файл, обнаруживаю несколько документов с различными датами. Ни одно из имен файлов мне ни о чем не говорит, так что приходится просматривать их все по порядку. Начать с самых старых кажется мне отличной идеей. Сортирую файлы по датам и удивляюсь, увидев, как далеко те простираются.

Десять лет.

Открываю то, что оказывается электронным письмом, и у меня перехватывает дыхание. Письмо написано ровно за две недели до попытки маминого убийства.

Или до ее реальной смерти.

«*Патрисия!*

Ты так долго была для меня дорогим другом. Мне очень больно писать тебе это письмо. Со всем уважением и с тяжелым сердцем я должна подать прошение об отставке.

Лара еще совсем маленькая. Мы с Джоном все чаще ссоримся. Я пообещала дать нашему браку еще один шанс. И чтобы сдержать слово, мне надо сделать в карьере шаг назад.

Надеюсь, ты доведешь до конца все то, что мы придумали во время «мозговых штурмов» поздними вечерами и ночами. Я же знаю, как важно для тебя и для мира положить конец насилию.

Я дождусь окончания текущего контракта, но после этого уйду. Спасибо за все, что ты сделала для меня за последние несколько лет.

Миранда Крейн»

Я сижу и пялюсь на экран, словно это заставит его ожить и объяснить мне, что все это значит. Мама решила уволиться из «Перемотки» за две недели до своей смерти. За две недели! Это не может быть совпадением. Что, если там не хотели ее отпускать? Что, если она знала то, чего не следовало, и единственным выходом для них оставалось убедиться, что она никогда ни о чем не проболтается, а когда попытка маминого убийства провалилась, они бросили отца в тюрьму?

Не слишком ли мои предположения притянуты за уши? Действительно ли сенатор, мама Донована, была способна на убийство?

Мне нужно разузнать об этой женщине побольше, но только тихо. Не хочу вспугнуть ее или Донована. Ни за что не позволю им понять, что я о чем-то догадываюсь. Бога ради, она же сенатор Соединенных Штатов! Если я ошибаюсь, мне конец.

Но если я права… Боже, если я права, мне понадобится кое-что посерьезнее парочки электронных писем, чтобы все доказать. Тем не менее, кроме них, у меня ничего нет, так что я продолжаю изучать файлы. Возможно, мама хранит этот архив на случай, если ей понадобится средство давления на Патрисию Джеймс? Сомневаюсь, что мама понимает, насколько опасна эта женщина.

«*Сенатор!*»

Очевидно, их отношения стали не такими дружескими, как раньше, но почему? Что между ними произошло? Что привело к такому охлаждению, и если ее отношения с сенатором действительно охладели, то почему мама по-прежнему тайно на нее работает?

«*Сенатор!*

Мой ассистент Дилайла продолжает использовать программу воспоминаний для поиска кандидатов на проект «Джон». Еще несколько месяцев — и мы сможем приступить к опытам на людях».

И следующее:

«*Миранда!*

Начинайте опыты на людях немедленно, или я найду того, кто это сделает».

Банк воспоминаний был ширмой для проекта «Джон». Теперь я подозреваю, что разблокирование способностей мозга к путешествиям во времени вне системы и подальше от полицейских наблюдателей — это и есть проект «Джон», а программа сохранения воспоминаний — не что иное как прикрытие для их исследований. Способ найти участников для опытов. Люди для них — всего лишь подопытные кролики. Мама явно расстроила сенатора, но вот чем? Она начала тормозить работу? Когда-то мама хотела уволиться. Возможно ли, что у нее вновь появилось такое желание?

Еще одно письмо, написанное всего пару недель назад. В теме одно слово: «Ты?» В приложении оказывается новостная статья из «Рейтерс».

«*НАЙДЕНО ТЕЛО ЖУРНАЛИСТКИ*

После того как Джойс Мейерс, репортер, которая занималась журналистскими расследованиями, начала задавать вопросы об этической стороне работы «Перемотки», она была обнаружена мертвой в собственной ванной вчера поздно вечером. Очевидно, мисс Мейерс совершила самоубийство. Тело было найдено полицейскими, беспокоившимися о безопасности женщины после поступивших ранее тем же днем звонков от ее соседей, которые услышали доносившиеся из квартиры крики.

Мисс Мейерс, которая запомнилась своими провокационными вопросами ведущему ученому «Перемотки» Миранде Монтгомери во время пресс-конференции, состоявшейся на прошлой неделе, оправдывалась наличием источника, имеющего доказательства того, что «Перемотка» проводит незаконные исследования. Репортер отказалась открыть свой источник, заявив, что тем самым подвергнет жизнь этого человека опасности.

На месте происшествия была найдена предсмертная записка. Полицейское расследование продолжается».

Кто же был ее источником? Мама?

Ясно же, что мама полагает сенатора Джеймс способной на убийство, фактически обвинив ее в преступлении в этом письме. Что бы там ни происходило, мне нужно побольше разузнать о

Джойс и сенаторе.

Голова раскалывается от боли, и руки автоматически тянутся к вискам. Охаю, чувствуя как ко мне на полной скорости несется очередное воспоминание. Оно врезается в меня, и я, широко распахнув глаза, впиваюсь пальцами в столешницу. Меня накрывает волной воспоминаний.

***

Я сижу за тем же столом, только в мини-платье и с выпрямленными волосами. Щелкая мышкой, копирую все личные файлы на флэшку — схемы устройств, теории, копии чертежей. Плюс научные основы того, что мама пытается делать с человеческим мозгом. Файлы копируются один за другим, а я все время оглядываюсь через плечо на дверь, посмотреть, никто ли не идет. Я на взводе, нервничаю.

Натыкаюсь в архивной папке на видео, которого не заметила раньше. Жму на «воспроизвести», и на экране появляется мамино лицо. Она явно взволнована и чего-то боится, а когда заговаривает, от ее слов у меня кровь стынет в жилах.

— Если со мной что-нибудь случится, если я погибну, пусть это видео послужит доказательством того, что в этом замешана сенатор Патрисия Джеймс, моя коллега и давняя подруга. — Мама отводит упавшую на лицо прядь волос, и я замечаю, как дрожат ее руки. — Я не отважусь даже признать, что понимаю, насколько опасной стала эта женщина, но собираюсь закончить текущий проект, а затем, боже помоги, взять мою семью и уехать из страны. Скрыться. Если все еще буду жива к тому времени. — Она смаргивает подступившие слезы. — Ни Джекс, ни Лара даже не представляют, в каком страхе я живу последние несколько месяцев, и мне придется продолжать в том же духе, иначе их жизни окажутся под угрозой. — Она глубоко вздыхает. — Мне не стоило слушать Патрисию. Никогда.

Мама продолжает говорить, выкладывая то, о чем я уже сама догадалась: программа сохранения воспоминаний всего лишь прикрытие. Сенатор убедила ее начать незаконные исследования по проекту, который держался в тайне от американского правительства. Патрисия Джеймс хотела эту технологию для себя, чтобы сделать страну лучше и оказаться у власти.

— Когда-то я преследовала те же цели. — Мама тяжело сглатывает. — Но мне хотелось помочь простым людям. Как моя Лара. Как я. Жертвам. А Патрисия жаждет личной выгоды, и это недопустимо. Поэтому, как только я завершу начатое, покину страну и окажусь в безопасности, я отправлю это видео и покончу

с ней раз и навсегда.

Тут ролик прерывается, и несколько мгновений я сижу, не способная поверить в то, что услышала. Расследуя историю с признанием папы виновным в попытке убийства, я раскопала факты, которых вовсе не ожидала обнаружить, и теперь оказалась замешана в чем-то опасном. Мне не справиться с этим одной. Но какие у меня есть варианты? Если я расскажу обо всем Доновану, то могу потерять его навсегда, а если отправлюсь в полицию, то маму, Джекса или папу могут убить. Выбора у меня нет.

Запускаю копирование видео на флэшку, и как только процесс завершается, извлекаю ее из компьютера. Вот и все. Время пришло.

Время передать доказательства.

***

Воспоминания блекнут, и я открываю глаза.

Неужели источником Джойс Мейерс была я? Неужели ее убили из-за меня?

И если да, то знала ли об этом Лара? И зачем она вообще полезла в мамин кабинет? У меня была причина. А у нее?

Мне надо это узнать.

Кто-то звонит в дверь, и мне приходится закруглиться. Убедившись, что все выглядит так же, как до моего прихода, выхожу из кабинета и спешу вниз. Гость держит палец на звонке, и тот звонит не прекращая, словно кто-то уснул на церковном органе. Увидев за дверью Рика, я приободряюсь.

— Рик, — удивленно говорю я.

Он слегка улыбается и заглядывает через мое плечо в холл.

— Ух ты, а ничего тут у вас, изысканно.

Я краснею и нервно смеюсь.

— Ну знаешь… кхм… Я не ожидала тебя здесь увидеть.

— Я тем более не ожидал, — признается Рик. — Когда ты не появилась в школе, я решил, что, может, что-то случилось. Или, ну знаешь, может, тебе понадобятся записи лекции мистера Джонсона. У меня история третьим уроком, а у тебя пятым, насколько мне известно.

Значит, он узнавал мое расписание.

— Спасибо. Это очень мило с твоей стороны. Конечно, я с удовольствием воспользуюсь твоими записями.

Отступаю и впускаю Рика в дом, старательно закрыв входную дверь, прежде чем провести его в гостиную. Присев на краешек дивана, он оглядывается по сторонам.

— Диван не кусается, — глупо усмехаюсь я.

— А? О! — Сдавленно фыркнув, Рик садится поглубже и откидывается на спинку. — Прости. У меня такое чувство, будто одним своим присутствием я оскверняю это место.

— Вовсе нет. — Я замолкаю и прикусываю щеку изнутри. — Хочешь выпить? В смысле, сок или минералку. Ой, да иди ты!

Рик секунду изумленно на меня пялится, а потом мы оба начинаем хохотать. Порывшись в рюкзаке, он вытаскивает несколько листков бумаги и протягивает мне.

— Ух ты! — У меня подскакивают вверх брови. — Надо же, записи действительно существуют. А я уж было решила, что это это просто предлог. Чтобы прийти сюда.

Рик ухмыляется.

— Ты меня поймала. Думаю, мне просто хотелось узнать, как обстоят дела с твоим отцом и всем остальным.

Пожав плечами, я качаю головой.

— Я с ним виделась, и эта встреча принесла больше вопросов, чем ответов. Он вел себя, словно… я была незнакомкой. — Кусаю губу. — Наверное, так оно и есть. *Здесь*. Черт, я даже сама для себя незнакомка.

— Мне жаль. Должно быть, это нелегко.

— Как наждачкой после душа вытираться. — Заправляю волосы за уши. — Я нашла ключ в заднем отделении кошелька, но понятия не имею, что он открывает.

— Можно взглянуть?

Достаю ключ из сумочки и отдаю Рику. Он вертит его в руках и, подняв повыше, пристально рассматривает.

— Похож на тот, что я обычно использую для шкафчика в «И». Хотя я и не понимаю, зачем бы тебе понадобилось туда идти.

Может, потому что я не хотела, чтобы кто-нибудь увидел, что я положу в шкафчик? Забираю ключ и, снова его изучив, замечаю выгравированное по центру головки число 63. Перед глазами на секунду всплывает белая пелена.

Я боязливо оглядываюсь через плечо, прежде чем засунуть синюю спортивную сумку внутрь, и закрываю дверцу. Торопливо, чуть ли не бегом ухожу, чтобы добраться до бассейна, прежде чем кто-то меня заметит.

Я вновь с Риком. Чего я так боялась? Имеет ли все это отношение к сенатору и смерти репортера Джойс Мейерс? Пора бы об этом узнать.

— Еще что-нибудь? — спрашивает Рик.

Пожимаю плечами.

— Возможно, у меня есть кое-какие ценные сведения.

— О? — Он выпрямляется.

Наклоняюсь к нему, собираясь рассказать о том, что

обнаружила, но тут хлопает входная дверь.

— Мы дома!

— Мои брат и сестра, — поясняю я и кричу: — Я тут!

Заметив Рика, ребята замирают на пороге. Майк недоверчиво смотрит на гостя, поджав губы. Молли застенчиво улыбается.

— Это Рик, мой давний друг.

— Мы по-прежнему собираемся в торговый центр? — интересуется Молли.

— О, извини. — Рик поднимается. — Я не знал, что у тебя есть планы.

— Да нет, все в порядке. Я рада, что ты зашел. — Я тоже встаю, смотрю сначала на детей, потом на Рика. — Почему бы тебе не отправиться с нами? Мы поедем на метро и пообедаем в центре. Может получиться весело. Правда же?

Поворачиваюсь к детям. Они выглядят неуверенными, но все же кивают. Я выжидательно смотрю на Рика и нервно дергаю пальцы.

— Ну давай же, обед за мой счет.

— Я поеду, но твоих денег не возьму. Не надо мне милостыни.

— Знаю, — огорченно отвечаю я. — Просто пыталась проявить любезность.

Рик приседает перед детишками и подмигивает им.

— Кто последний добежит до дороги, тот тухлое яйцо!

Он срывается на бег, и Майк с Молли устремляются вдогонку, но я на мгновение задерживаюсь. Не могу отделаться от ощущения, что Рик какой-то другой, что он не тот парень, которого я знала. Решив, что это все нервы, отмахиваюсь от неприятных мыслей и тоже выбегаю из дома.

— Ребята, подождите меня!

Глава 12

Всю дорогу до торгового центра Рик болтает с детьми, и я вижу, как те потихоньку ему открываются — Молли с ее широко распахнутыми глазками и Майк с его заумными анекдотами. Я никак не могу избавиться от ощущения, что в Рике что-то изменилось. Возможно, это пустяки, а я схожу с ума из-за быстро набирающих обороты чувств к Доновану. Может, я просто ищу причины, почему не могу быть с Риком.

Я покупаю ребятишкам два «Хэппи-Мил», которые они так хотели, и после того как все наедаются, мы направляемся к ювелирному магазину. Отпускаем детей слоняться чуть впереди, чтобы они смогли насладиться капелькой свободы. По пути я рассматриваю объявления о распродажах и подпрыгиваю от неожиданности, когда Рик внезапно сжимает мою руку в своей влажной ладони.

Закусив губу, он смотрит глазами побитого щенка.

— Ты против?

— Нет, я… — Я не знаю, что чувствую. — Это было неожиданно. Не нужно, чтобы дети видели. — Я отдергиваю руку, и на лице Рика безошибочно читается разочарование.

Он молчит. Мне хочется объясниться, но сначала я должна выбрать колье и заказать соответствующие знаку зодиака камни. Рассчитываюсь кредиткой и беру квитанцию, так что теперь мы сможем забрать покупку через неделю. Размышляя о том, что может случиться за это время, я заставляю себя улыбнуться и кладу квитанцию в кошелек.

По пути к выходу из торгового центра Молли болтает о платьях, а Майк — о спорте. Они замолкают, когда мы разрешаем им прокатиться на карусели. Ребятишки в восторге, на их лицах сияют такие широкие улыбки, что мне и самой неожиданно становится лучше.

— Посмотри на меня, Лара! — хихикает Молли, подняв руки над головой.

Достаю телефон и делаю фотографию, прежде чем повернуться к Рику.

— Извини за то, что случилось. Мне нравится держаться с тобой за руки. Просто все так запутано.

— Думаешь, я не знаю? Я годами тебя не вспоминал. — Слова жалят. — Ты была просто давней знакомой. А потом появилась на пороге моего дома, и в твоем взгляде были такие чувства, о которых я и не догадывался. — Он глубоко вздыхает. — И теперь я не могу перестать о тебе думать.

У меня отвисает челюсть, когда он убирает выбившуюся прядь волос с моего лица.

— Ты говоришь то, что мне хочется слышать. Но…

— Когда ты переехала, моя жизнь стала отстойной. — Рик открывает мне свое сердце, но я способна думать только о Доновaне.

Как Рик может говорить мне такое, когда я встречаюсь с другим? И почему я так переживаю по этому поводу? Я едва знаю Донована, но это не значит, что мне хочется причинить ему боль.

— Я без памяти был в тебя влюблен, и ты была моим лучшим другом, — продолжает Рик. — А потом… — Он пожимает плечами. — У меня никого не осталось. Но теперь ты вернулась, — говорит он, зарываясь руками в мои волосы. — Лара, которую я любил в детстве, вернулась ко мне, так как я могу оставаться в стороне? Как?

Засунув руку в карман, он вынимает квадратный полиэтиленовый пакетик и протягивает его мне. Вытряхиваю содержимое пакета и вижу фиолетовое кольцо с леденцом. Неужели Рик хранил его все эти годы?

Поднимаю на него взгляд.

— О Рик…

Он наклоняется ко мне и шепчет с едва сдерживаемой страстью:

— Почему бы нам не воспользоваться предоставленной возможностью? Мы решим проблему с твоим папой. Справимся. Вместе. — Он накрывает мои руки своими, и у меня больше нет сил бороться.

Я закрываю глаза, и он целует меня. Идеальный поцелуй. Он разбивает мне сердце, но я не могу избавиться от ощущения какой-то фальши, неправильности происходящего. В словах Рика было все, что я так хотела услышать, но что-то внутри меня ломается. Оторвавшись друг от друга, мы встречаемся глазами, но, вопреки моему заветному желанию, я не вижу того самого взгляда. Не вижу ничего знакомого.

— Ты уверен?..

— Так вот что ты подразумеваешь под «старым другом»?

Затаив дыхание, я оборачиваюсь. Передо мной, засунув руки в карманы, стоит Донован.

— Это не то, что ты подумал, Дон…

— Не то, что я подумал?

Разозлившись, он скрещивает руки на груди. Позади него я замечаю компанию парней, которые придерживаются одного и того же дресс-кода: дорогие джинсы и идеально отутюженные рубашки. Приятели Донована начинают нас окружать, и я

понимаю, что Рика нужно убрать подальше отсюда, пока Донован не превратился в «пещерного человека».

Очевидно, чувствуя опасность, Рик отступает назад, когда я кладу руку на грудь Донована.

— Все не так, как кажется. Мы старые друзья. Просто ситуация немного вышла из-под контроля. Дон, ты должен мне верить. — К глазам подступают слезы, и до меня вдруг доходит, что я ужасно нервничаю, хотя и не понимаю, почему.

— Старый друг, а? — ворчит Донован. — Видимо, очень старый, судя по дырявым джинсам и отвратительной рубашке уборщика. Опаздываешь на работу, Рик?

Фыркнув, Рик поднимает руки.

— Неважно, чувак. Думаешь, она твоя собственность? Это не так. Жаль ранить твое эго, но она в состоянии сама сделать выбор. Позвони мне, когда избавишься от этого парня, Лара.

Он разворачивается и уходит, но Донован нападает на него, нанеся кулаком удар в спину. Рик неуклюже валится вперед на грудь и скользит по полу. Донован набрасывается на него со сжатыми кулаками, и я, вскрикнув, хватаю Дона за руку в попытке остановить.

Позади меня перестает играть музыка. Близнецы сейчас слезут с карусели и заметят потасовку. Это может их напугать, и мама больше никогда не позволит мне с ними гулять. От ужаса у меня все плывет перед глазами. Под смех друзей Донована я упираюсь ногами в плитку. Кряхтя от усилий, изо всех сил тяну его за руку.

— Дон, пожалуйста. Здесь же дети.

От моих слов он застывает на месте, а его лицо каменеет. Рик встает и отряхивается. Пытаюсь взглядом попросить прощения, но его глаза пылают гневом. Я уже видела подобное раньше, и это не обещает ничего хорошего. Парни сверлят друг друга сердитыми взглядами.

— Думаю, — осторожно начинаю я, — сейчас нам следует разойтись.

Я обвиваю рукой мощный бицепс Донована, осознавая, как это неуместно, но его тело расслабляется. Дети вокруг нас, словно волны в океане, подпрыгивают и разбегаются. Я оборачиваюсь, выглядывая близнецов, и слышу вопль:

— Молли!

У меня внутри все переворачивается, когда я слышу крик Майка. Проталкиваюсь сквозь толпу, разыскивая брата. Позади Донован выкрикивает мое имя, но я продолжаю двигаться, пока не вылавливаю Майка. Он задыхается от плача, закрыв глаза руками.

Опускаюсь на колени и хватаю его за плечи.

— В чем дело? Что случилось?

Он заикается, не в состоянии толком что-либо объяснить, захлебываясь рыданиями. Донован присоединяется к нам и легонько пихает Майка в плечо.

— Мы не сможем помочь тебе, парень, пока ты нам все не расскажешь.

Майк делает вдох и берет себя в руки.

— Кто-то зашел на карусель, как только она остановилась… Он схватил Молли.

У меня замирает сердце, а из носа начинает течь кровь.

Глава 13

На то, чтобы перекрыть все выходы из торгового центра, требуется всего несколько минут, но уже слишком поздно. У похитителя Молли было достаточно времени, чтобы скрыться. Это моя вина. Если бы я не ввязалась в стычку между Донованом и Риком, то смогла бы все увидеть.

Мне следовало быть внимательнее.

Зажимая салфеткой нос, пристраиваюсь на краю карусели. Кровотечение замедляется. Вокруг нас разрастается шумная и разгневанная толпа людей, которые все сильнее бесятся из-за того, что их удерживает полиция. Дети плачут, но Молли среди них нет; она, должно быть, уже далеко. Не могу перестать думать, не я ли навлекла сегодняшнюю беду своими действиями в этом новом настоящем.

Донован сидит с Майком, который бьется в истерике, неожиданно разлученный с сестрой-близняшкой, да еще и при таких ужасных обстоятельствах. Я переживаю, что если мы ее не вернем, у него останется травма на всю жизнь. Бросаю взгляд на часы. Прошло только пятнадцать минут, а кажется, будто целая вечность. Задумываюсь, где сейчас мама, что я ей скажу и что она ответит. Мне не следовало выходить с детьми из дому без разрешения.

А теперь Молли пропала. Как будто мама недостаточно натерпелась. Убираю салфетку от носа и складываю ее.

Возле меня присаживается Рик.

— Ты в порядке?

Я молча киваю головой, боясь разрыдаться. Делаю глубокий вдох.

— Знаешь, она ведь совсем малышка. Ей еще и семи нет. Я должна была… лучше за ней присматривать.

Рик сглатывает, и я вижу, как напряжены мышцы его шеи.

— Мне не следовало приходить. — Он качает головой. — Я и подумать не мог, что наш поцелуй может привести к такому.

— Я тоже, — шепчу я, с трудом выдавливая из себя слова.

Заметив, что Майк идет ко мне, выпрямляю спину. Задерживаю дыхание, когда он сжимает меня в медвежьих объятьях и зарывается головой мне в живот. Я держу его как можно крепче, но мой взгляд фокусируется на приближающемся Доноване. Сомневаюсь, что когда-либо видела человека с более суровым выражением лица: уголки его губ опущены вниз, а в глазах пустота.

Он проводит рукой по волосам, будто намереваясь что-то

сказать, но звук шагов за его спиной отвлекает всех нас. Майк поднимает взгляд и несется прямиком к родителям с криком «Мамочка!»

Мама и Джекс наклоняются вниз, уловив потребность Майка их обнять, и у меня внутри все сжимается. Не хочу проходить через то, что надвигается. Я не готова видеть их переживания и выслушивать нотации. Молюсь, чтобы они заметили, как сильно это все меня убивает.

— Я не должен был… начинать разборки с Риком. Если бы я знал, что близнецы были там… — давится словами Донован, и дело не в слезах, а скорее в гордости.

Киваю.

— Но ты не знал. — Облизываю губы. Ощущаю привкус металла и чего-то похожего на рыбу. Это из-за нервов? Или что-то другое?

Донован и Рик обмениваются устрашающими взглядами. У них есть незаконченное дело, но его придется отложить.

Ко мне подходит мама, на ее щеках следы от слез, а голубые глаза горят, словно новогодняя елка.

— Что произошло? — спрашивает она.

Готовая ответить за свои поступки, несмотря на то, что от ужаса у меня сосет под ложечкой, открываю рот.

— Что, черт возьми, вы здесь делали? — набрасывается она на меня, прежде чем я успеваю произнести хоть слово. — Ты говорила, что будешь занята. Говорила, что тебе надо делать домашнее задание. Почему ты врала, Лара? Почему?!

— Мы просто…

— Она же ребенок! — Мама раскачивается из стороны в сторону, и из ее глаз снова начинают течь слезы. — А сейчас? Почему ты в кои-то веки не можешь сказать правду? Почему?! — У нее трясутся руки, словно она хочет сжать ими мою шею.

Я закипаю от ревности. Такое ощущение, будто она любит Молли больше меня, поэтому я достаю из кошелька квитанцию и, скомкав, кидаю в нее.

— Потому, что они хотели подарить тебе вот это! Предполагалось, что это будет сюрприз. Ясно?

Мама ловит и рассматривает клочок бумаги, но я улавливаю в ее глазах лишь легкий блеск. Мне казалось, это поможет разрядить обстановку, но надежда угасает, когда она бросает квитанцию на пол.

— Отлично. Поход по магазинам? Прекрасно. Так где ты была, когда ее похитили? Почему тебя не было здесь в тот момент — ту самую минуту, — когда карусель остановилась?

Вперед выступает Донован.

— Это была моя вина, Миранда. Мне жаль. Я увидел Лару с Риком. Я… отвлек ее. Мне действительно жаль, — произносит он, глядя на меня.

То, что Дон берет вину на себя, много для меня значит, учитывая, за каким занятием он меня застукал. В ожидании следующего маминого ядовитого выпада я закусываю губу. Не то чтобы в том была ее вина, но от этого мне не легче.

— Рик? — Судя по тону, она вспоминает это имя. — Я не знала, что ты до сих пор с ним общаешься.

— Мы недавно начали, — говорю я, сжимая пальцы.

Джекс встает позади мамы и массажирует ее плечи. Не могу понять, хочет он меня убить или нет.

— У полиции есть к Ларе несколько вопросов, если ты позволишь.

Мама без раздумий кивает.

— Все, что угодно. Все, что вернет нашу малышку домой.

Пара шагов — и рядом со мной возникает офицер полиции, и хотя у него дружелюбное лицо, у меня такое чувство, будто это начало конца.

***

Полицейские отводят меня в отдельную комнату в супермаркете и задают множество вопросов, ответов на которые у меня нет, но я повторно излагаю свою версию случившегося, позаботившись, чтобы мои показания не изменились. Я даже упоминаю о драке между Донованом и Риком, так как не сомневаюсь, что полицейским об этом уже сообщили. Когда они спрашивают, не заметила ли я чего-нибудь, я не выдерживаю и начинаю плакать, и полицейские дают мне салфетки и стакан воды. Чье-то упоминание о записях с камер наблюдений наталкивает меня на одну мысль.

— А вы можете вернуться в прошлое? Проследить, кто ее забрал?

Полицейские обмениваются взглядами.

— Хотели бы мы, но формальности…

— Мы бы никогда не смогли добраться до нее вовремя. Путешествия во времени предназначены для… серийных убийц, и даже тогда… — Полицейский качает головой, и становится очевидным, что ему бы хотелось, чтобы все было иначе.

Как и мне. Внезапно все, по поводу чего Конгресс собирается голосовать на следующей неделе, над чем так активно работала моя мама, перестает казаться таким уж злом.

Кажется, что это просто необходимо.

Раздается стук в дверь, и в комнату заглядывает Джекс.

— Мой сын очень устал. Вы уже закончили с Ларой?

Такое ощущение, словно по сердцу проходятся теркой. Полицейские меня отпускают, но говорят, что приедут утром, чтобы задать еще несколько вопросов. Понятия не имею, куда мы идем, но надеваю куртку, радуясь, что окажусь в каком-нибудь другом месте.

Лучше бы я никогда не покупала то дурацкое ожерелье. Более того, лучше бы я никогда не возвращалась в прошлое. Я скучаю по папе, своей комнате и псу — глупой дворняге, который забывает выйти из дома, прежде чем пописать. Я скучаю по Рику, которого знала, и по холодным мискам макарон с сыром. Боже, как же мне не хватает Рика.

Когда мы заходим в лифт, поднимаю взгляд на Джекса. Я подвела его, и отчаянно хочу заслужить его одобрение.

— Прости.

Закусываю губу и закрываю глаза руками, пряча слезы, но плечи содрогаются от горьких рыданий. Я не знаю, чего ожидать, но точно не теплых объятий. Кладу голову ему на грудь и расслабляюсь. Джексу бы следовало орать на меня, но он лишь поглаживает меня по спине и опускает подбородок мне на макушку.

— Ты тоже моя дочь, и знаешь это. И я знаю — какие бы ужасные вещи не происходили. Знаю, как сильно ты любишь Молли. Я *знаю*.

Стучу зубами, стараясь взять себя в руки. Лифт открывается, нас встречает офицер полиции и выводит из торгового центра через черный ход, где нас ждут машины, чтобы отвезти домой. Джекс открывает дверь и ждет, пока я усядусь рядом с мамой. Пытаюсь не смотреть на нее, а она пытается не смотреть на меня. Не знаю, насколько все плохо, но не хочу об этом говорить.

Родители беседуют о полиции, и через некоторое время Джекс переключает свое внимание на меня, так как мама, судя по всему, объявляет мне бойкот.

— Полиция будет мониторить телефонные линии у нас дома. Они считают, что в ближайшие дни мы получим звонок с требованием выкупа, а потом сможем забрать Молли.

В голубых глазах Майка, сидящего рядом с Джексом, читается глубокое отчаяние, и я подмигиваю брату, пытаясь подбодрить. Он дарит мне грустную улыбку, и я понимаю, что Майк на меня не злится — слава Господу за малые милости его.

Остаток пути все молчат. Темнеет, но когда машина подруливает к дому, я замечаю вспышки камер журналистов, которые разбили лагерь на нашей лужайке. Когда открывается

дверь, и они одновременно начинают выкрикивать миллион вопросов, я зажмуриваюсь от ужаса.

Полицейский берет меня за руку и помогает проталкиваться сквозь толпу. В бушующем море вопросов слышится плач Майка.

— Лара, уже не впервые в вашей семье происходит трагедия. Как вы считаете, почему?

— Лара, когда вы обнаружили, что ваша сестра пропала, что вы почувствовали?

Лара. Лара. Лара.

Агент ФБР распахивает перед нами дверь дома, и я быстро прошмыгиваю внутрь. Мама с суровым лицом переносит Майка через порог. Когда Джекс захлопывает дверь, я подпрыгиваю, и, чувствуя, как начинает болеть голова, тру виски.

Не сейчас. В данный момент я не хочу никаких новых воспоминаний. Тех, что уже есть, достаточно, чтобы меня прикончить.

За стеклами по-прежнему то там, то сям вспыхивают огни, я отворачиваюсь от них и наблюдаю, как мама уносит Майка вверх по лестнице. Это ночь будет для него очень долгой. Для всех нас.

Джекс кладет руку мне на плечо и прижимает к себе, пока выслушивает федеральных агентов. Виски ломит от боли, и я пропускаю мимо ушей все, что они говорят. Такое ощущение, будто я в подводном туннеле и все вокруг ненастоящее.

Это похоже на плохой сон, и я отчаянно хочу проснуться. В голове будто что-то вспыхивает.

***

Вижу прямо перед собой маленьких близняшек. Они сидят в ходунках: один — в голубых, вторая — в розовых, но оба малыша еще недостаточно большие, чтобы передвигаться — спасибо высокому мягкому ковру.

Присаживаюсь на пол рядом с ними, скрестив ноги. Прикрываю глаза руками, шевелю пальцами и ору: «Бу-у!»

Они хихикают от восторга, и я целую их пухлые ручки.

Позади меня раздается смех. На диване сидит Джекс, разложив перед собой документы. Радостно запрыгиваю на диван и обнимаю его. Он изо всех сил прижимает меня к себе и покрывает мой лоб поцелуями.

— Любишь близнецов?

— Они самые лучшие. — Улыбаюсь отчиму. Он целует меня в нос. — А когда мама вернется?

— Скоро, — кивает Джекс. — Последние несколько недель у нее выдались непростыми, но мама скоро придет. Она безумно

скучает по вам, ребята, когда приходится задерживаться допоздна на работе, ты же знаешь?

— Ага, — отвечаю я, но живущая в сердце тьма начинает пожирать меня изнутри. Джекс всегда так говорит, но когда мама дома, все, что ее заботит — близнецы.

— Может, мы с мамой могли бы как-нибудь сходить в кино? — спрашиваю я с надеждой. От напряжения у меня даже коленки трясутся. — Только мы вдвоем?

— Хорошая идея! Готов поспорить, ей понравится. — Джекс подмигивает, и мы, устроившись поудобнее, смотрим телевизор.

Когда хлопает входная дверь, я возбужденно вскакиваю, чтобы поздороваться с мамой. Она врывается в комнату с широкой улыбкой на лице.

— Привет, дорогая, — говорит она мне, но быстро переводит взгляд на близнецов. Взвизгнув, мама по очереди подхватывает их на руки.

У меня обрывается сердце, и я, ощущая себя невидимкой, снова сажусь и откидываюсь на диванные подушки, мечтая, чтобы они поглотили меня заживо. Возможно, тогда мама обратит на меня внимание.

***

Как только воспоминание блекнет, мучительная головная боль прекращается, но теперь я вынуждена жить с правдой о том, что уже давным-давно чувствую себя лишней в семье. По сути, я — «пятое колесо» в доме Монтгомери и болезненное напоминание о Джоне Крейне.

Лара была права. Лара, которой я стала.

А я ошибалась.

— Как вы думаете, когда поступит звонок? — спрашивает Джекс, и я прислушиваюсь к разговору.

— Скоро. Не позднее завтрашнего вечера.

Отчим проводит рукой по волосам.

— Завтрашнего *вечера*? Она ведь просто маленькая девочка.

Джекс закусывает губу, а я сожалею, что еще несколько дней назад ненавидела его. Я вижу страх в его глазах и знаю, как сильно он любит Молли.

Пытаюсь отойти, но отчим крепко обнимает за плечи. Похоже, он не собирается дать мне сбежать, и я остаюсь на месте, уставившись в пол.

На лестнице слышны шаги, кто-то спускается вниз.

— Отправляйся к себе в комнату, — приказывает мне мама.

Она останавливается у барной стойки и наливает себе

выпить. Не глядя на меня, опрокидывает в себя рюмку и командует:

— Иди.

Джекс сощурившись смотрит на нее.

— Миранда, она имеет полное право быть…

— Не спорь со мной. Не сегодня. — Мама стискивает челюсти, отказываясь смотреть в нашу сторону.

Джекс обнимает меня, и я зарываюсь лицом ему в шею.

— Завтра станет легче, — шепчет он мне на ухо. — Я люблю тебя, малышка.

Меня переполняет чувство любви к нему наряду с сожалением. Хочу обнять маму, сказать ей, как мне жаль, но она не желает ничего слышать.

С опущенной головой поспешно прохожу мимо нее и поднимаюсь наверх, шагая через две ступеньки. Оказавшись наконец в своей комнате, хлопаю дверью, падаю на кровать и рыдаю в подушку до тех пор, пока у меня больше не остается слез.

***

Уже восемь утра, но я не помню, как заснула и как пролетела ночь. Резко открываю глаза, грудь неожиданно стискивает от тревоги, и воспоминания об исчезновении Молли в торговом центре врезаются в меня, словно огромный грузовик.

Меня никто не разбудил, и снизу не доносится ни звука. Полагаю, школа на сегодня отменяется, но я не хочу спускаться вниз и торчать весь день рядом с мамой. Мне надо кое-что выяснить. Я все еще нуждаюсь в ответах, но не смогу их получить, если буду околачиваться дома.

Поднимаюсь с постели, натягиваю джинсы и самую мрачную толстовку, которую могу найти — темно-синего цвета. Все лучше, чем ничего. Расчесываюсь и собираю волосы в хвост. Смотрю в зеркало. Лицо выглядит изможденным, а в глазах застыла обеспокоенность.

Раздается стук в дверь. Задерживаю дыхание и закрываю глаза, ожидая, пока пришедший, кем бы он ни был, не уберется прочь. И когда решаю, что за дверью уже никого, стук раздается снова.

— Лара, ты проснулась? — Голос Джекса полон грусти и тревоги, и у меня не остается выбора. Подхожу и открываю дверь.

Джекс, одетый в футболку и джинсы, которых я прежде на нем не видела, стоит с маленьким подносом, полным всяких вкусняшек на завтрак. Судя по его изнуренному лицу,

сомневаюсь, что он спал прошлой ночью.

— Я подумал, может, ты проголодалась.

— Спасибо. — Я прилагаю все усилия, чтобы улыбаться, пока забираю у Джекса поднос и ставлю его на стол. Желудок урчит, когда я вижу кексы и слойки. Не помешала бы еще чашечка кофе, но и так сойдет.

— Что-нибудь слышно? — спрашиваю я, не в состоянии на него посмотреть.

— Пока нет, но в ФБР считают, что звонок поступит сегодня вечером. Нам нужно оставаться здесь и… ждать.

Стараясь опять не расплакаться, говорю:

— Рада слышать.

— Можешь спуститься вниз. Майку нужно отвлечься. И мама… немного успокоилась. Она бы хотела с тобой поговорить.

— Именно поэтому ты принес мне завтрак, да? — горько спрашиваю я.

Джекс кладет руку мне на плечо.

— Спускайся, когда сможешь.

Сажусь и кусаю кекс. Довольно вкусно, но наслаждаться едой у меня не получается. Совсем. Если я никогда больше не увижу Молли, не уверена, что вообще когда-нибудь смогу хоть от чего-то получать удовольствие.

После завтрака я готова идти вниз, но тяну время. Я как-то не тороплюсь спускаться и вступать в неизбежную конфронтацию. Раздается телефонный звонок, и я, подпрыгнув от неожиданности, перерываю всю сумку в поисках трубки.

— Алло? — отвечаю я, хотя номер мне не знаком.

— У тебя есть два дня.

Речь оцифрована, и я не могу сказать, мужчина это или женщина.

— Два дня для чего? — спрашиваю я, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Два дня, чтобы вернуть то, что принадлежит мне, мисс Монтгомери, или ты больше никогда не увидишь свою сестру.

Бросаю взгляд через плечо на дверь, а голос не умолкает:

— Не ходи к родителям или в полицию. Если сделаешь это, я прослежу, чтобы Молли умерла, и смерть ее будет нелегкой. Поняла?

Он наблюдает за мной? Подхожу к окну и поднимаю жалюзи.

— Как мне вернуть это вам?

— Завтра утром мы снова с тобой свяжемся. Позаботься о том, чтобы не пропустить звонок.

Линия обрывается.

Каждый нерв в моем теле покалывает, будто я горю. Не имею

ни малейшего понятия, что имеет в виду голос и где я могу прятать «это», но мне надо все выяснить.

И быстро.

От этого зависит жизнь Молли.

Глава 14

Откусываю еще кусочек кекса и отпиваю немного молока, прежде чем собрать вещи. Торопливо спускаюсь по лестнице и у двери гостиной надеваю сумку на плечо. Несколько федеральных агентов сидят на диване; кофейный столик превратился в рабочую точку с компьютерами, мониторами и каким-то неизвестным оборудованием.

Как только я вхожу в комнату, Майк врезается в меня всем телом, атакуя крепкими объятиями и заставляя опуститься на колени.

— Прости, Лара. Мне очень жаль.

Глаза брата блестят.

Откидываю его волосы назад. Из-за того, что Майк считает, будто должен извиниться, мне так плохо, словно по мне каток проехался.

— Это я должна просить у тебя прощения. Здесь нет твоей вины. Только моя. Целиком и полностью.

— Ты просила меня присматривать за ней, но я этого не сделал. Мне было очень весело, и я забыл. — Майк опускает голову и закусывает губу.

Огорчение, написанное на его мордашке, обжигает мне сердце.

— Я говорила что-нибудь еще? Когда просила тебя позаботиться о Молли, что еще я сказала?

Майк пожимает плечами, а на его лице появляется отсутствующее выражение.

— Не знаю. Только… быть рядом с ней. И остерегаться…

— Остерегаться? — настойчиво подстегиваю я его. — Остерегаться кого?

— Женщины с фиолетовыми волосами.

В моей голове вдруг всплывает картина. Что-то холодное, похожее на металл, прижимается к моей шее, и по телу проходит электрический ток. Меня забрасывают в грузовик, и мир перед глазами меркнет.

Когда зрение возвращается, затененное лицо с неясными очертаниями, обрамленное фиолетовыми волосами, наклоняется ко мне и шепчет:

— Ты должна охранять видео любой ценой. Если кто-нибудь узнает, что оно у тебя, тебе конец.

Возвращаюсь в настоящее, не имея ни малейшего представления о том, когда или где это произошло. Это случилось со мной? Или с другой Ларой, до того как я изменила

прошлое?

Оставляю Майка и иду в ванную. Включаю свет, внимательно рассматриваю шею в том месте, где ощутила удар электричества, и, само собой, вижу две фиолетовые отметины. Будто меня атаковал вампир.

Или электрошокер.

Распускаю хвост и распределяю волосы по плечам, чтобы больше никто не смог заметить эти следы. Когда я выхожу, Майка нет, зато перед дверью меня ждет мама. У нее покрасневшие глаза. Если ад существует, она, по-видимому, уже там.

— Привет, — натянуто говорю я тихим голосом. Не знаю, что еще сказать.

Мама хмурится и подходит ко мне. Положив руки мне на плечи, целует в лоб и притягивает в крепкие теплые объятия. Я закрываю глаза и облегченно вздыхаю. Прислоняюсь к ней, мечтая, чтобы она держала меня так вечно.

— Мне не следовало… вчера вечером… Я прошу прощения, Лара. Ты страдаешь. Я страдаю. Я не должна была.

Я не могу говорить и просто киваю.

— Ты тоже мой ребенок. Ты ведь знаешь? Но Молли всего лишь маленькая девочка. Мне… так страшно. Я не хочу потерять ни одного из своих детей, никогда.

— Мы многое пережили за последнее время.

Она убирает волосы с моего лица и целует меня в лоб, ее подбородок дрожит.

— Это точно.

— Думаю, нам следует отправиться в отпуск сразу же, как только Молли вернется.

— Угу, как только она вернется, — шепчет мама. — Мы отлично проведем время. Ей нравится, когда ты спускаешься с ней с водных горок.

— Мне тоже. Не могу дождаться следующего раза. Я пообещала ей… — Я запинаюсь, когда на меня накатывает воспоминание.

Я сижу на кровати Молли. У нее на шее медальон, в который я вставила крошечную карту памяти. Сестра улыбается мне.

— Сбереги его для меня, Молли.

Она весело и беззаботно кивает. Думает, что это игра.

Но это не так.

Что, если человек в телефоне хотел именно ту карту памяти? Что, если она у Молли? Могла ли я оказаться настолько глупой, чтобы украсть что-то у опасных людей и спрятать это на моей маленькой сестренке?

Уверена, что ответ очевиден — да. Думаю, справедливости

ради стоит отметить, что принятие правильных решений не входит в число моих выдающихся талантов.

— Кхм… Мам, ты не против, если я выйду? Мне нужно провести кое-какие исследования для доклада, над которым я сейчас работаю. А доклад к тому же коллективный. Мне необходима помощь Донована.

Мама категорично качает головой.

— Абсолютно исключено.

— Мам…

— Я сказала — нет, Лара. В школе поймут. Я больше никогда не выпущу еще одну мою девочку из виду.

Я сдаюсь и начинаю разрабатывать новый план.

— Ладно, тогда я буду наверху в своей комнате. Нужно кое-чем заняться.

В холле врезаюсь в Джекса.

— Ну что, с мамой все наладилось?

— Ага. Все стало почти так же хорошо, как до…

Я запинаюсь и опускаю взгляд на ковер.

Джекс вздыхает:

— Постарайся, пожалуйста, больше не расстраивать маму. Она достаточно натерпелась.

— Не буду. Обещаю. — Я обнимаю отчима, и он стискивает меня в крепких объятиях, пока я не начинаю задыхаться. — Мы скоро увидим Молли, я знаю.

Его душат слезы, но он изо всех сил старается держать себя в руках.

Целую его в щеку.

— Я люблю тебя, папа.

Слова срываются с губ, прежде чем я осознаю, что говорю. Чувствую, как изумленно распахиваются мои глаза, а брови помимо воли ползут вверх. Как я могу считать Джекса отцом? Мой папа в тюрьме. В этом есть хоть какой-то смысл? На ум приходит единственное объяснение: я теряю Лару, которой была, и превращаюсь в совершенно новую.

Джекс ласково похлопывает меня по щеке.

— Я так давно не слышал этих слов. Я очень рад, Лара. Действительно рад.

— Я тоже, — с трудом выдавливаю я, прежде чем скрыться в своей спальне.

Хватаю рюкзак и, набив всем, что, по идее, может мне пригодиться, выбрасываю его из окна. Включаю музыку, чтобы все решили, будто я села за уроки или еще чем-то занята. Надеюсь, пройдет не меньше часа, пока кто-то поймет, что я улизнула из дома. Убедившись, что путь свободен, вылезаю из окна и

отправляюсь в долгое путешествие к дому Донована, старательно избегая главных дорог, где меня может обнаружить полиция.

Дверь открывает дворецкий, который проводит меня в величественный холл с мраморными полами и дюжиной изящных окон, обрамленных вычурными занавесками.

— Я дам знать Доновану, что вы здесь, мисс. — Поклонившись, он уходит.

Заглядываю в семейную гостиную. Она столь же изумительна и элегантна. Фамильные портреты таращатся на меня со стены над кирпичным камином. Захожу внутрь и провожу рукой по кожаному дивану — мягкому, как попка младенца. На стеклянной крышке столика за диваном стоят лампа и памятная наградная табличка. «*Самый ценный специалист «Перемотки» два года подряд*».

Вот почему я здесь. Мне нужны ответы, которые есть только у сенатора Патрисии Джеймс, но если Донован заботится о родителях так же, как я — о своих, мне нужно быть предельно осторожной.

Обдумываю план наступления, а где-то на грани сознания кружится неудержимое воспоминание.

***

Я еще малышка, мне не больше пяти. Сижу в квартире, где мы жили с родителями, до того как умерла мама. Наш дом большой, в нем много подъездов. Он не то чтобы отличный, но лучше того, где я росла после ее смерти. Я играю с кубиками, когда мое внимание привлекает спор на кухне.

— Это всего лишь ужин, Джон. Деловой ужин. Ты знаешь, как важны мои исследования…

— Еще один? Каждую неделю ты находишь новое оправдание для задержек допоздна, Миранда. Я не могу и дальше продолжать уходить с работы раньше, чтобы забирать Лару с детского сада. Меня уволят.

Разговор на минуту прерывается, и я подкрадываюсь к кухне поближе. Слышу, как мама что-то бормочет, но не могу разобрать слов.

— Ох, не начинай! — злится папа, раздраженно взмахнув руками.

— Моя работа очень важна. Я на пороге кое-чего крупного, Джон, крупного. Если мне все удастся, я получу повышение, возможно, однажды даже возглавлю целый департамент. Ты понимаешь, что это значит для тебя? Для Лары?

Мама высыпает из кастрюли в дуршлаг макароны для пасты с

сыром мне на ужин.

— Не притворяйся, что все это ради нас. *К нам* это уже довольно давно не имеет никакого отношения. Ты становишься чересчур амбициозной. А как же наши мысли о втором ребенке?

— Я хочу этого. Конечно, хочу. Я люблю тебя, Джон. Больше всего на свете. Пожалуйста, не раздувай из мухи слона. Один ужин на этой неделе. Один. Это все, о чем я прошу. Пожалуйста.

В конце концов, папа согласно кивает. Они долго и тепло обнимаются, заставляя меня улыбнуться.

— И этот мистер Монтгомери не такой уж и красавчик, правда? — шутит папа.

Мама смеется.

— Не такой красивый, как ты. Никто не может вынудить меня захотеть тебя бросить, неужели ты не знаешь?

— Когда ты вот так смотришь на меня, знаю.

***

Мама ходила на ужин с Джексом.

Эта новость обрушивается на меня, как тонна кирпичей. Возможно, они были всего лишь коллегами, которые сблизились во время судебного разбирательства. А может, я просто не хочу смотреть правде в лицо. Мама завела интрижку, и папа что-то подозревал, но она была готова покончить со всем, судя по ее заявлению об увольнении. Она любила папу и не хотела его бросать. Очевидно, она изменила свое мнение, когда кто-то попытался ее убить, по крайней мере, когда папа стал главным подозреваемым.

— Привет.

Голос Донована вырывает меня из задумчивости, и я подскакиваю на месте.

— Привет. Мы можем поговорить?

Он кивает и ведет меня вверх по лестнице. Его большая комната оформлена в простой коричнево-бежевой гамме. Я сажусь на краешек гигантской кровати, и Донован присаживается рядом, но несколько секунд мне кажется, будто нас разделяет океан, пока его рука медленно не придвигается к моей. Когда его пальцы сжимают мои, я отвечаю тем же. Смотрю в его глаза и вижу в них печаль и раскаяние. То же, что чувствую я.

— Я не должна была целоваться с Риком, — говорю я, и от правды, заключающейся в этих словах, у меня словно камень ложится на сердце. — Прости.

— Почему ты это сделала? — Его слова эхом отражаются от стен, будто мы в огромном зале.

— Это была мечта, детская мечта девочки, которая переехала, когда ей было восемь. — Я прикусываю губу. — А потом та мечта оказалась передо мной, и это просто случилось.

Донован смотрит на меня, не моргая.

— Просто случилось. — Его голос лишен каких-либо эмоций.

— Знаю, от этого не легче.

— Только хуже. — Его слова причиняют мне боль.

— С нами ведь все будет в порядке? — спрашиваю я.

— Я не знаю, — отвечает он.

Молчу, жалея, что нельзя все исправить. Если бы только Донован не видел того поцелуя.

— Ничего пока не слышно? — интересуется он.

Качаю головой, благодарная за смену темы.

— Пока нет. Они полагают, что звонок поступит до конца сегодняшнего дня.

Глаза Донована расширяются.

— Черт. Она же такая… маленькая.

— Ты помнишь, как твоя мама работала в «Перемотке»?

Он подозрительно на меня смотрит.

— Странный вопрос.

— Ну а все-таки?

Брови Дона удивленно приподнимаются.

— Ну, не очень. Я был совсем маленький. Помню, что видел там тебя.

Он толкает мое колено своим.

Я нервно смеюсь. От соприкосновения наших тел меня бросает в дрожь. Сердце колотится, хотя я этого не хочу. Не знаю, что происходит, но я начинаю чувствовать себя уютнее рядом с Донованом, чем с Риком. Улыбаюсь и потихоньку скольжу пальцами выше по его руке. Он крепко обхватывает мою ладонь второй рукой. Я помню, как любила Рика, как целовала его, но не могу вспомнить, что при этом ощущала.

Донован наклоняется, чтобы поцеловать меня, но я колеблюсь. Думаю о Рике, о нашем с ним общем прошлом, которого уже нет, потому что я променяла его на этот безумный мир. Могу ли я все вернуть? Мои чувства к Донована усилились. Могу ли я рискнуть тем, что чувствую к Донована, всем, что мы с ним построили, ради надежды на то, что однажды Рик действительно сможет меня полюбить?

Прикусываю губу, и Донован гладит мою щеку тыльной стороной ладони.

— Чего ты так боишься?

Его глаза искренни и полны тепла.

— Того, что люблю тебя. Того, что могу потерять и тебя тоже.

Того, что я неудачница, по уши увязшая в одном серьезном деле, о котором мне даже говорить нельзя.

— Мы вместе с этим разберемся, — шепчет Дон.

Когда он снова придвигается, чтобы поцеловать, у меня пропадает всякое желание сопротивляться. Закрываю глаза и наклоняюсь вперед навстречу его губам. Охотно принимаю его настойчивые поцелуи. Просто чувствовать, что кто-то хочет меня, любит и ценит — так здорово. Рик никогда не будет любить меня так, как прежде, я вижу это в его глазах. А когда я с Донованом, меня наполняют любовь и тепло. Боюсь думать о том, что это значит.

Поцелуи Донована становятся более напористыми, страстными. Он крепче стискивает меня в объятиях, и я мечтаю, чтобы весь остальной мир исчез. Хочу забыть о том, что надо спасать папу, Молли — да кого угодно, — и остаться здесь.

— Спасибо, — шепчу я по миллиону причин, и на лице Донована появляется потрясенная улыбка. — Спасибо, что не бросил меня.

— Я даже представить не могу, как тяжело тебе пришлось прошлой ночью.

Я вижу в его глазах заботу и страх.

Киваю.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать, но ты не должен никому об этом говорить.

Дождавшись его обещания, я продолжаю:

— Мне звонили похитители. Они хотят получить какую-то вещь, которая раньше принадлежала им, но сейчас находится у меня.

Он оторопело таращится на меня широко распахнутыми глазами.

— Ты должна сообщить об этом полиции.

— Не могу, — настаиваю я. — Они навредят Молли.

Донован делает глубокий вдох и отсутствующим взглядом смотрит куда-то вдаль, явно пытаясь что-то придумать.

— Тогда нам нужно сходить и забрать документы.

У меня екает сердце.

— Ты знаешь, что они имеют в виду?

Дон дарит мне скептический взгляд.

— Разве сейчас время для шуток? Конечно я знаю, где они. Ты спрятала их в отделении «ИМКА».

Внезапно все становится ясным как божий день. Ключ в моем кошельке — от шкафчика. Я потрясенно открываю рот. Пытаюсь это скрыть, но безуспешно.

— Ты действительно не помнила?

— У меня выдалась тяжелая неделя, понятно? — отмахиваюсь я, обороняясь.

— Ладно, ладно, — поднимает Донован руки, сдаваясь.

Пытаюсь скрыть ухмылку.

— Прости. Так это все, что мне нужно? Всего лишь ключ. Ну, выглядит слишком просто…

Донован качает головой. Берет меня за руку и ведет из своей комнаты в кабинет. Там Дон залезает под стол, и я слышу, как он вытаскивает что-то из-под крышки. Выбравшись оттуда, он быстро сует в мою ладонь флэшку.

Флэшку.

— Вот оно, — шепчу я самой себе, но Донован решает, что я обращаюсь к нему.

— Только часть. Тебе надо забрать бумажные документы. Тогда у тебя будет все.

Он гладит меня по голове и целует в губы.

— Будь осторожна.

Киваю, цепляясь за него.

— Это не прощание.

— Я надеюсь, — сверкнув глазами, отвечает Дон.

Он провожает меня ко входной двери, и я задерживаюсь на крыльце.

— Ты тоже будь осторожен, Донован.

Он кивает.

Обогнув какие-то кусты, я наконец оказываюсь на улице, где вижу, как двое полицейских выходят из патрульной машины. Чуть не врезавшись прямо в них, вполголоса чертыхаюсь.

— Мисс Монтгомери, вас разыскивают родители.

Если бы можно было делать карьеру в искусстве попадания в неприятности, я бы выбилась на самую верхушку карьерной лестницы.

Глава 15

Прятаться в своей комнате, вероятно, плохая идея, но именно этим я и занимаюсь. Мама заходит и садится на кровать, но долго не говорит ни слова, заставляя меня нервничать.

— Лара, ты хоть знаешь, как сильно мы волновались? — горько говорит она.

— Ты не собираешься на меня орать? — спрашиваю я. — Я бы на себя наорала.

— Тогда зачем так поступать? Зачем сбегать из дома и идти к Доновану?

Прокатила бы куча ответов, но я решаю быть откровенной.

— Мне надоело быть одинокой и напуганной. А он… всегда заставляет меня чувствовать себя лучше.

Мама выдыхает.

— Это я. Я подтолкнула тебя к нему своим поведением вчера вечером. Боже, Лара, прости меня. — Она нежно убирает волосы с моего лица. — Мне действительно жаль. Я не хотела, чтобы ты так себя чувствовала.

— Нет, хотела, — шепчу я.

На мамином лице проступает ошеломление, но она кивает, а в ее глазах блестят слезы.

— Да, ты права, и тем сильнее это меня расстраивает, и тем больше я сама на себя злюсь.

Мы беремся за руки.

— Я рада, что ты не сердишься.

У нее вырывается короткий нервный смешок.

— Ну как я могу? Мою дочь похитили. Я счастлива, что с тобой все в порядке.

— Можно кое-что спросить?

Мама кивает.

— Конечно.

— Когда ты влюбилась в Джекса?

От изумления у мамы приоткрывается рот.

— Лара, с чего вдруг такие вопросы?

— Пожалуйста, ответь. Честно. Пожалуйста.

Она вытирает руки о брюки и ерзает на месте.

— Я ощутила мгновенное притяжение при первой же встрече и сделала все возможное, чтобы избегать его, держать на расстоянии, но мы проводили вместе массу времени. А твой отец… Я тоже любила его, но на нас многое свалилось. Мы сбились с пути.

— А когда узнал папа?

Она пожимает плечами и заправляет волосы за уши.

— Не думаю, что он знал. После того дня в переулке я поклялась, что никогда больше не увижусь с Джексом. Если бы понадобилось, я бы вывезла нас в простую хижину в горах.

Мама горько смеется.

— Так ты хотела остаться?

— Конечно, хотела! Но после того как полиция начала допрашивать твоего папу, он стал другим, нервным. А потом… наша жизнь изменилась навсегда. — Наблюдаю, как она крутит обручальное кольцо на пальце. — Мы подождали окончания судебного разбирательства, прежде чем снова начали встречаться, и поженились год спустя. Мы были счастливы… и я даже не ожидала, что смогу снова забеременеть. — Мама делает глубокий вдох. — Но это была хорошая жизнь. По большей части, мы были счастливы.

— Прости, я такая паршивая дочь, — говорю я, заламывая руки.

— От тебя никто и не ждет другого поведения. Это мне нужно постараться.

Она целует меня в обе щеки.

— То, над чем ты работаешь в «Перемотке», противозаконно?

Мамины глаза омрачаются.

— С чего ты это взяла?

— Видела… в газете. Вопросы кое-каких журналистов.

— Хранилище памяти не противозаконно! — восклицает она, поднимаясь с кровати. — Это хорошая компания, не из тех, что ввязываются в нелегальные дела. Не верь этим липовым статьям: их пишут для того, чтобы журналы продавались. Не переживай, Лара. Моя работа абсолютно безопасна. И когда мы вернем Молли, все снова придет в норму.

По ее тону становится понятно, что разговор окончен. Даже зная, что она лжет, часть меня верит ей. Она такая же хорошая лгунья, как и я.

Как только мама уходит, я составляю план побега. Мне нужно отправиться в «ИМКА» и найти те документы, но, выглянув из окна, я замечаю двух полицейских, охраняющих двор. Я ни за что не смогу выбраться отсюда, пока на улице светло. Надеюсь, получится ускользнуть попозже, когда стемнеет и все уснут.

Таков мой план.

У меня осталось всего тридцать часов.

***

Я пакую на ночь спортивную сумку. Когда укладываю

фонарик, слышу, как снизу кричат, что ужин будет рано. Все на взводе, так что я тихонько выхожу в коридор, но у лестницы сталкиваюсь с Джексом. В его глазах мелькает удивление, но через секунду я вижу, как его лицо перекашивается от печали и гнева.

— Папа, прости, что я улизнула из дома утром после нашего разговора, — тихо говорю я и тянусь к его руке.

Он кивает, и на короткий момент я чувствую облегчение.

— Ты всегда даешь обещания, но они ничего не значат, Лара. Вот в чем вся проблема. Ты… слишком склонна к спонтанным поступкам. Тебе иногда нужно задумываться о том, как твои действия влияют на других людей.

Он разворачивается и исчезает на лестнице, оставляя меня с чувством вины.

Но я же могу ее вернуть. Мне всего лишь нужно самую малость времени подальше от ФБР.

Спускаюсь вниз поесть пиццы со всей семьей. Этот молчаливый странный ужин проходит в гостиной. Под стеночкой сидят и жуют агенты. Все это смахивает на похороны или бдения над гробом, когда никто не хочет говорить, но в комнате витает дымка дурных предчувствий. Мне в голову не приходит ни одной подходящей темы для разговора, как, очевидно, и всем остальным. Даже Майк трижды сворачивает пиццу, прежде чем остается удовлетворен результатом, и откусывает кусочек.

Чувствую потребность не откладывая выпить таблетку, чтобы остановить надвигающуюся головную боль, прежде чем меня накроет по полной. Встаю, упомянув, что собираюсь попить на кухне, когда с верхнего этажа доносится грохот.

Все вскакивают на ноги, и Джекс прижимает Майка к груди в стремлении защитить. Два агента мчатся наверх, а еще двое остаются с нами. Все думают, что в доме кто-то есть, но я в безопасности и абсолютно спокойна, словно все будет в порядке.

— Лара, — с болью в голосе выдавливает мама.

Бросаю взгляд на журналиста, вещающего с экрана телевизора. Хватаю пульт и увеличиваю громкость.

— Судя по всему, Джек, охранникам удалось вновь взять контроль в тюрьме в свои руки вскоре после того, как вспыхнул бунт. Пострадало несколько человек, но лишь один заключенный был серьезно ранен, и его увезли на вертолете в Центральную больницу штата Массачусетс. Больница его имя пока не разглашает, но ближайших родственников оповестят.

Это тюрьма, в которой находится мой отец. Когда позади мамы звонит телефон, я знаю, каких новостей следует ожидать.

Но Джек, ведущий из студии, еще не закончил разговор. Он

продолжает:

— А что насчет просочившейся информации о том, будто бы в стенах тюрьмы была замечена женщина с… фиолетовыми волосами?

Во мне все замирает, и я поворачиваюсь к маме, застывшей с телефонной трубкой в руке. На ее лице появляется то, чего я еще не видела.

Страх.

— Ты ее знаешь? — требую я ответа, подходя к ней. — Ты знаешь женщину с фиолетовыми волосами?

Она качает головой.

— Нет, я… я не знаю, кто это…

— Лгунья, — рычу я. — У тебя же на лице все написано. Кто она?

Мама вешает трубку.

— Я не знаю! Ну, я ее видела. Мельком. Как привидение. Н-но-но я понятия не имею, кто она такая.

Закрыв лицо руками, она начинает плакать.

— Вы вместе работаете? На сенатора?

— Что тебе известно о моей работе с сенатором? — У нее гневно раздуваются ноздри.

Агенты ФБР возвращаются обратно. Очевидно, им не удалось никого обнаружить в доме. Мне бы следовало испытывать облегчение, но не получается. Джекс и Майк все еще здесь, но я забыла о них, буравя взглядом маму.

— Достаточно, — выпаливаю я. — Достаточно, чтобы быть в курсе твоих незаконных исследований. То хранилище памяти всего лишь прикрытие.

Мама ахает.

— Ты рылась в моих бумагах? У меня в кабинете? Проклятие, Лара! Ты хоть понимаешь, что натворила?

— Что ж, извини, если мне нужна была информация, — выпячиваю я грудь. — Я нуждалась в ответах, а ты никогда мне ничего не рассказывала. Все, что я получала — объятия да поцелуи, и, о, мы скоро поедем в отпуск, но знаешь что? Отпуск все никак не начнется. Ты твердишь об этом годами. Годами! Что может быть настолько важным, что ты не можешь со мной поговорить? Провести с нами время? Предполагалось, что мы должны быть семьей.

Мама плачет в сжатый кулак, но мне все равно.

— Чем работа на сенатора так важна, что ты наплевала на нас?

Джекс тянет меня за плечи.

— Хватит, Лара! Твоя мама и так через многое прошла. Иди к

себе в комнату.

Разворачиваюсь на каблуках, испытывая желание ткнуть пальцем ему в лицо. Он понятия не имеет, что я сделала, чем пожертвовала.

— Сейчас же, юная леди, — повышает голос Джекс, хмуря брови и уставившись на меня надменным взглядом. Он в жизни так на меня не смотрел. Ни разу.

Приходится подчиниться, и я еще никогда не чувствовала себя такой одинокой.

Поднявшись в свою комнату, глотаю болеутоляющее, отпиваю несколько глотков воды и завожу будильник. Я так зла, что могу думать только о своем плане по спасению Молли.

Просыпаюсь в темноте с раскалывающейся головой, и по телу волнами разливается боль. Ничего не вижу, кроме мерцающих красных цифр на часах, которые показывают восемь вечера. Стук сердца отдается в голове громче, чем обычно.

Со стоном падаю на колени возле кровати и сжимаю переносицу. Это оно. В чем бы ни заключалась болезнь путешественников во времени, она меня убьет. Чувствую себя так, словно кто-то проводит овощечисткой вверх-вниз по моим косточкам, обнажая мышцы, а затем посыпает солью открытые раны.

Я умудряюсь подползти к столу и после нескольких попыток щелкнуть по стоящей на нем лампе. Мои конечности не хотят слушаться команд, которые я им посылаю. Дотягиваюсь до пузырька с ибупрофеном и долго вожусь с крышкой.

Таблетки рассыпаются во все стороны, и давление в голове нарастает. Сгребаю несколько штук и глотаю их, не запивая. Я даже не уверена, сколько, но я в отчаянии и могу сойти с ума, если эта пытка не прекратится. Кладу голову на стол, по щекам текут слезы. Слышу, как кто-то барабанит в дверь, и понимаю, что кричала.

— Лара? — Джекс снова стучит.

— Папочка?

На короткий миг зрение мне изменяет. Оно то возвращается, то ускользает вновь, как заезженная пластинка на проигрывателе диджея. Впиваюсь пальцами в ковер. Пульсирование в голове усиливается, и у меня вырывается громкий крик. Я съеживаюсь, разрываясь на части. Никогда не думала, что боль может быть такой пронзительной. Мое тело ведет борьбу за зрение, часть меня отчаянно сдерживает приближающееся воспоминание. Дверь распахивается, и от треска, с которым дерево сталкивается со стеной, мой мозг начинает пылать.

— О боже, Лара! — Джекс хватает меня за плечи и

притягивает к груди.

Мое тело сводит судорогой, одного его прикосновения достаточно, чтобы заставить меня завопить.

— Миранда! — кричит он, даже не подозревая о том, какую сильную боль мне причиняет.

Поднимаю на него взгляд и бормочу:

— Прости меня.

Наверняка это мои последние слова. Лицо Джекса вращается, и когда мир начинает меркнуть, в моем мозгу что-то щелкает, словно складывается пазл.

Мама вскрикивает и сжимает мои ноги.

— Детка? Лара, сколько таблеток ты приняла?

Сознание начинает ускользать, но я все никак не могу отвести взгляд от лица Джекса. Оно старше, чем я помню. Раньше его волосы были черными, а глаза — карими, а не голубыми.

И тем не менее я уверена, на все сто процентов уверена.

Он — стрелок из переулка.

Глава 16

Мама и Джекс остаются со мной до приезда скорой. И хотя я сознаю, что они дотрагиваются до меня, умоляют держаться, мой разум находится не здесь.

Он где-то далеко.

В прошлом.

***

Я быстро и решительно иду по проходу между двумя рядами кабинок в административном здании, словно мне здесь самое место и я точно знаю, куда направляюсь. На мне синие туфли на каблуках, зауженные джинсы и темная спортивная куртка. На лацкане болтается гостевой пропуск, на плечо накинут рюкзак. Вокруг трезвонят телефоны, а люди в гарнитурах, откинувшись на спинки стульев, отвечают на звонки. Видимо, я в секторе продаж.

Подхожу к двери кабинета с медной табличкой «Джекс Монтгомери». Оглядываюсь и, закусив губу, делаю вид, что стучусь, а потом проскальзываю внутрь. Из окон открывается великолепная панорама Бостона. Быстро задергиваю шторы и, сняв рюкзак, спешу к столу Джекса, заставленному моими и семейными фотографиями. При виде снимков меня охватывает дикий гнев, но я подавляю его и обшариваю ящики.

Я не нахожу того, что ищу, однако мне удается войти в компьютер с паролем Джекса, и там я натыкаюсь на один из нужных мне документов. Пока он распечатывается, бегу к картотечному шкафу и обыскиваю каждый ящик. Не добившись успеха, перехожу к стоящему у стены шкафу побольше, где под стопкой бумаг нахожу бумажную папку.

Приседаю на корточки и, удерживая ее на коленях, бегло просматриваю записи: имена, даты — все, что мне нужно. Также нахожу черно-белые фотографии папы — моего настоящего папы, Джона Крейна, — сделанные длиннофокусным объективом. И снимки со слежки, на которых мама идет на работу в тот день, когда какая-то незнакомка спасла ее, и моя жизнь навсегда переменилась. В тот день, когда я лишилась отца.

Я пойду на все, чтобы его вернуть.

На все.

Я должна попытаться.

Бегу обратно к компьютеру и вставляю флэшку. «Перемотку» нужно остановить. Копирую все файлы, содержащие данные о технологии стирания памяти, которые удается отыскать. Она

совсем новая, однако со временем ее усовершенствуют и применят на людях.

Этого нельзя допустить. Джекс, мама, сенатор — я остановлю их всех. То, что начиналось, как поиск информации об отце, теперь превратилось в крестовый поход. И дело не во мне и не в папе. Речь идет о миллионах жизней и о том, что ожидает людей, если сенатор останется у власти.

Однако я связала все события воедино. Сенатор приказала убить мою маму, потому что та хотела уйти из «Перемотки». Когда же попытка провалилась, она подставила моего отца. После этого мама передумала уходить из агентства и глубже погрузилась в исследования, стремясь заглушить боль, причиненную Джоном Крейном. И при всем при этом один из виновников охмурил ее, женился на ней и стал моим отчимом.

Да они все заслуживают того, чтобы сгореть в аду.

Поворачивается дверная ручка, и я вынимаю флэшку. Пока не передам данные Джойс Мейерс, которая сможет их опубликовать, мне будет грозить опасность. Подбежав к принтеру, запихиваю бумаги в рюкзак. Только успеваю застегнуть его и закинуть на плечо, как в кабинет входит Джекс. Выровняв дыхание, откидываю с лица идеально выпрямленные волосы.

— Привет, папочка, — ухмыляясь во весь рот, здороваюсь я.

Джекс улыбается, скрывая удивление, подходит и целует меня в щеку. Изо всех сил стараюсь не поддаться желанию стиснуть зубы или сжать челюсти. Он всегда замечает подобные вещи.

— А я и не знал, что ты сегодня придешь. Мы что, договорились вместе пообедать?

Качаю головой.

— Ничего такого. Я пришла, чтобы подать заявление о прохождении практики в следующем году. — Показываю бэйдж на шее.

Лицо Джекса светится от гордости. Он садится на край стола.

— Почтем за счастье видеть тебя здесь. Ты вся в мать.

Улыбаюсь и киваю. За последние дни я в этом поднаторела.

— А не пообедать ли нам вместе? Теперь нам так редко это удается.

Он сжимает мое плечо. Вспоминаю, что когда-то мне нравились подобные жесты. Вспоминаю, что когда-то любила его, но сейчас я чувствую только, что меня предали. Я попыталась поговорить с мамой, однако она разозлилась на меня, будто я какая-то лгунья и чудачка. А ведь все, чего я хочу — это узнать правду. Мой отец — человек, о котором у меня остались лишь отрывочные воспоминания, — тоже заслуживает ее знать.

— С удовольствием, — отвечаю я, и мы, держась за руки, выходим из кабинета. Краем глаза наблюдаю за Джексом, однако все мои помыслы направлены на достижение цели.

Еще немного — и я приведу мой план в действие.

***

Сознание резко возвращается в мое тело. Лежа с закрытыми глазами, различаю тихое гудение аппаратов, ощущаю присутствие рядом людей. Пытаюсь переварить то, что произошло, что мне известно.

Другая Лара по кусочкам восстановила подробности попытки убийства мамы и обнаружила, что след ведет к отчиму. Все воспоминания о том, как Джекс любил меня, укрывал одеялом, словно ножом полосуют по сердцу.

Но к чему это все?

Зачем он так с нами поступил? Почему женился на женщине, которой желал смерти, а потом столько лет сохранял ей жизнь? Зачем завел с ней детей? Почему был так добр ко мне? Неужели он тоже работал на сенатора Патрисию Джеймс и следил, чтобы мама не своевольничала?

Он вообще когда-нибудь меня любил?

Хотя какая теперь разница. Мой настоящий отец провел последние десять лет в тюрьме, и я должна его оттуда вытащить. Должна закончить то, что начала Лара, даже если это означает разозлить маму, которая, будем откровенны, и без того на меня сердита.

Первым делом необходимо как-то удрать из больницы и добраться до тайника Лары, чтобы воссоздать ее план и выяснить, посвятила ли она кого-нибудь в свою тайну. Донован не раз упоминал о *плане*, однако я думала, что он имел в виду выпускной бал. Что, если я ошибалась? Что, если я все неправильно поняла?

Пытаюсь разлепить тяжелые, будто придавленные камнями, веки. Поначалу все вокруг выглядит размытым, словно я смотрю сквозь толщу воды. Родители разговаривают между собой у изножья кровати. За окном позади них виднеется, судя по всему, рассветное небо, по которому плывут заревые облака.

Как долго я провалялась без сознания, и насколько моя госпитализация обеспокоила похитителей Молли? Если ее вообще похитили. При сложившихся обстоятельствах у меня нет иного выбора, кроме как заподозрить, что к ее исчезновению причастен Джекс.

Медленно подношу руку к кислородным трубкам в ноздрях.

Насколько же мне стало хуже? Как пить дать, я изрядно напугала маму. Надеюсь только, что времени еще достаточно.

— Мама? — в конце концов хриплю я старческим голосом.

Она резко поворачивает голову, стремительно приближается ко мне и садится рядом. В одной руке мама крепко стискивает носовой платок, а другой гладит мои волосы.

— Лара, детка? — Ее трясет от эмоций, поэтому вряд ли она способна еще хоть что-то произнести. Когда она наклоняется, чтобы меня обнять, я ее не отталкиваю.

— Я позову врача, — говорит Джекс и выходит в коридор.

Мама сжимает меня в объятиях, зарывшись лицом в мои волосы, и я цепляюсь за ее плечи. Мы впервые так близки с тех пор, как я изменила прошлое. Одна часть меня радуется, а другая хочет отстраниться, потому что я не знаю, как долго это продлится.

— Я сожалею, — нехотя выдавливаю я. — О Молли. О…

Зажмурившись, мама качает головой.

— Ты не знала. Это не твоя вина. Мне не следовало… Мне не следовало внушать тебе чувство вины. — Ее голос так дрожит от сдерживаемых рыданий, что я едва разбираю слова. — Это меня никогда не бывает рядом. Это я виновата. Я.

— Нет, мама… — Я мотаю головой, желая рассеять все ее заблуждения — рассказать, почему Джекс на ней женился.

— Подумать только, ты приняла все эти таблетки из-за меня, из-за того, как я с тобой обращалась. — Она моргает и горько смеется, давая выход переполняющим ее чувствам. — Ты говорила, что чувствуешь из-за меня, но я никогда не понимала… насколько это серьезно.

— Мама! — Собравшись с силами, произношу я, когда она глубоко вдыхает. — Я не пыталась покончить с собой. Я лишь хотела избавиться от боли. Моя голова…

Мама быстро кивает, словно знает, что я сейчас скажу, однако, судя по морщинам, прорезавшим ее лицо, она мне не верит. Мама правда считает, что я собиралась наложить на себя руки. Прожив со мной столько лет, она совершенно не знает Лару Монтгомери. А вот мой отец, Джон Крейн, знал бы, что я никогда не сдаюсь. Независимо от обстоятельств.

Открывается дверь, и в палату входят врач и Джекс. Мама встает и пожимает доктору руку. В другой руке врач держит рентгеновский снимок. Он улыбается мне. Это одна из тех улыбок, которые надеешься никогда не увидеть. Натянутая, обязательная. Так улыбаются тем, кто болен, а не тем, кто идет на поправку. Но по крайней мере голова больше не раскалывается, а значит, есть надежда, что все это может закончиться. Что в

общем-то хорошо, учитывая, что мне надо спасти сестренку, вызволить отца и доказать, что отчим убил мою маму в альтернативной реальности.

Я не прислушиваюсь к разговору. Врач закрепляет мой снимок МРТ на экране с подсветкой, и я наблюдаю, как освещается изображение моего мозга. В палате повисает тишина. И хотя я не представляю, на что такое смотрю, сердце подпрыгивает, мешая сглотнуть. Я едва могу дышать.

У мамы конвульсивно дергаются глаза, рука взлетает ко рту.

— Не может быть, — бормочет она себе под нос.

— Действительно не может. Хотел бы я, чтобы новости были более обнадеживающими. Мне жаль, мисс Монтгомери. — Врач смотрит на меня. Судя по его печальному взгляду, диагноз неутешительный, и мне недолго осталось. Но я ему не верю. Не могу. — У вас сильное кровоизлияние в мозг, и я не уверен, что смогу его остановить. Нейрохирург уже в пути. Он осмотрит вас сразу, как приедет.

Я цепенею. Даже пальцы меня не слушаются. Кивнув, смотрю на убитую горем маму, потом перевожу взгляд на Джекса. Вид у него удрученный, а в глазах стоят слезы. Невольно задумываюсь, почему его так волнует, выживу я или умру. Я ему не родная, к тому же это он всему виной, тогда зачем же так переживать?

— Капельница поможет вам продержаться до приезда специалиста. — Врач замолкает, но никто ничего не говорит. Неужели он ждет благодарности?

Повреждение мозга не должно бы меня удивлять. Я подписалась на него в тот момент, когда скакнула в прошлое. Мне некого винить, кроме самой себя, но все же я злюсь, что не получила сказку, о которой мечтала.

Тишину нарушает стук закрывшейся за врачом двери. Никто не двигается с места и не произносит ни слова. Джекс сжимает мою ногу. Его подбородок дрожит, он напряженно смотрит мне в глаза, стараясь взять себя в руки.

— Я хотела бы побыть с Ларой наедине, — тихо, будто стоя над могилой, говорит мама. Ее лицо превратилось в ледяную маску, на нем почти невозможно что-либо прочитать. — Поезжай домой на случай, если позвонит похититель.

Джекс моргает, изумление озаряет его лицо.

— Я не могу уйти.

Мама теребит уголок моего одеяла. Она слишком низко склонила голову, поэтому я не могу разглядеть выражение ее лица.

— Подумай о Молли. Мы не можем ее бросить. Пожалуйста, Джекс.

Молчание увеличивает пропасть между нами, пока у меня не появляется ощущение, будто я посреди пустыни. Ко мне подходит Джекс. Изо всех сил стараюсь не смотреть на него, но в конце концов поворачиваю голову и позволяю ему сжать мою руку. Меня озадачивает его забота. Джекс отворачивается и, не проронив ни слова, уходит. Так лучше, убеждаю я себя, однако боль не отпускает.

Мама встает, подходит к стене и рассматривает снимок моего мозга. Я затаиваю дыхание, когда она проводит пальцами по бороздкам между моими полушариями, обозначающим небольшие скопления крови.

— Я видела подобное раньше, — едва сдерживая эмоции, замечает она неестественно высоким голосом. — Я видела подобное миллионы раз, поэтому, может, расскажешь, что ты натворила?

Облизывая губы, раздумываю, как себя вести.

— Не понимаю, о чем ты. — Отрицание по-прежнему видится наилучшим вариантом.

Мама поворачивается ко мне. Она выглядит изможденной, словно всю ночь мерила шагами коридор. Вероятно, так и было. В мгновение ока оказавшись у изголовья кровати, мама сжимает простыню, в которую я укутана.

— Путешествия во времени — моя работа, Лара. Я видела данные обследований тех, кто пытался изменить свое прошлое. — Она указывает рукой на стену. — Вот такие. Я наблюдала, как те люди мучились, а затем умирали. Так, может, скажешь… — Ее глаза гневно сверкают, голос скрипит. — Стоило ли это того?

Когда мама садится рядом и хватает меня за плечи, я, опустив взгляд, качаю головой.

— Я не…

— Тебе так ненавистна наша жизнь с Джексом, что ты выдумала эту историю. Считаешь своего отца невинным младенцем. Вот только стоило ли ради этого жертвовать жизнью?

Я храню молчание, и мама встряхивает меня.

— Лара Монтгомери! Отвечай же!

Поднимаю глаза, и в груди так быстро разгорается гнев, что я еле сдерживаюсь, чтобы не поперхнуться. Стиснув зубы, я шепчу:

— Меня зовут Лара Крейн, и я не та, за кого ты меня принимаешь.

Глава 17

С ее лица сбегает краска. Мама опускается на стул рядом с кроватью. Она логично предположила, что я — ее Лара, которая стремится доказать всем и вся невиновность Джона Крейна. Теперь мне известно кое-что очень важное: Лара поделилась с мамой своими подозрениями о том, что Джекс подставил Джона Крейна.

Но рассказала ли мама Джексу, или это осталось между нами?

Если бы Джекс узнал, что я его раскусила, я могла бы умереть даже безо всякого кровоизлияния в мозг. Лучше не рисковать. Молли пропала, а я не хочу подвергать их с мамой лишней опасности. Даже простое признание того, что я из альтернативного прошлого или настоящего, поставит маму под удар, но тут уж ничего не поделаешь. А часть меня, значительная часть, желает причинить ей боль.

Все чего я хотела — это узнать ее поближе, но чем больше времени мы проводим вместе, тем сильнее я жалею, что мы встретились. В моих воспоминаниях она была лучше. А теперь я осталась наедине с болью, и даже папы нет рядом.

Мама облизывает губы, собираясь что-то сказать. Морально готовлюсь к тому, что услышу, и пытаюсь придумать ответ. Я не представляю, что делать. Не представляю, как оградить нас от ужасной правды, что последние десять лет мы жили с человеком, разрушившим нашу семью. Придется импровизировать.

— Джекс удочерил тебя. — Мамин голос дрожит. — Ты…

— Я имела в виду другое, и, по-моему, ты это понимаешь. Думаю, ты уже давно догадалась, разве нет?

Она прикасается к упавшим на мое лицо кудрям, сжимает губы, чтобы унять дрожь, но не произносит ни слова, вынуждая меня продолжить.

— Ты умерла, — шепчу я, опасаясь говорить громче. — Меня вырастил овдовевший отец. Он был для меня всем, однако ничего я так не хотела, как познакомиться с тобой, поэтому и воспользовалась шансом — исключительным шансом — спасти тебя.

Мама закрывает глаза, по ее щекам текут слезы.

— Ты была той девушкой в переулке, которая получила пулю и исчезла.

Я киваю. Может, нам все-таки удастся по-настоящему откровенно поговорить.

— Я еще несколько лет назад заметила, что ты на нее

похожа. — Она глубоко вдыхает, ее грудь вздымается и опадает в такт очистительному дыханию. — Но за последние дни сходство усилилось. Твои кудри… — говорит она, перебирая пальцами мои локоны.

— Она расхотела на тебя походить.

— Нет! — надтреснутым голосом восклицает мама, и я вижу, как боль и обида вытравливаются на ее лице. — Ты винила во всем меня, но мне тоже было больно. Джон пытался меня убить. Мы остались без средств к существованию. Не я выбрала для нас эту жизнь, и мне она ненавистна не меньше, чем тебе…

Я раздуваю ноздри.

— Он невиновен. Я видела, как он страдал, потеряв тебя. Он многим пожертвовал, чтобы нас не разлучили. Трудился на трех работах, жил в убогой квартирке, чтобы мы могли свести концы с концами.

— Тогда зачем изменять прошлое? К чему рисковать своей жизнью?

— Потому что я хотела спасти тебя для нас. Хотела познакомиться с моей мамой. Хотела, чтобы мы все были вместе. И уж точно я спасла тебя не ради твоей работы и не для того, чтобы ты снова вышла замуж.

Она устало склоняет голову. Я закрываю глаза, чувствуя, что в голове разыгрывается буря — предвестница очередного приступа мигрени. Однако боль пока терпимая.

— И как, по-твоему, я должна распорядиться этой информацией? — шепчет мама. — Поблагодарить тебя? Помчаться к твоему отцу? Забыть Молли?

— Не знаю. Для начала можешь прекратить смотреть на меня так, словно ты меня ненавидишь.

Она выпячивает нижнюю губу.

— Ради бога, Лара, я не испытываю к тебе ненависти.

Она встает и отходит к стене. Прислонившись к ней, мама вся скрючивается, словно ей на плечи навалилась гора.

— Значит, я умерла?

— Тебя застрелили в переулке, — киваю я.

— И ты подставилась под пулю? — Мама оборачивается и смотрит на меня. — Я должна была умереть. Ну и что мне теперь делать, черт побери? — Она прикрывает рот дрожащей ладонью, но ей не удается заглушить стон.

Опустив взгляд на руки, я все жду и жду, когда сумею сказать маме, как сильно ее люблю, но, похоже, этому никогда не бывать.

— То, что твоему отцу не предъявили обвинение, не значит, что он невиновен. А то, что он обожал тебя, не означает, что он любил и меня.

— Я видела, что любил. Он сохранил твои фотографии. И просматривал их, когда думал, что меня нет поблизости. — Я дергаю пальцы. — И… он отправил меня в прошлое, в мой день рождения — мой первый день рождения — в том итальянском ресторанчике на Четвертой улице. Я видела, как счастливы вы были.

На ее губах расцветает удивленная улыбка. Улыбка, которую я увидела самой первой в своей жизни.

— Я и забыла об этом месте. Нам там нравилось. А ты… была такой счастливой малышкой.

— Я столкнулась с официанткой. Она уронила посуду, и тогда я поняла, что могу взаимодействовать с прошлым иначе, чем говорили техники.

Мама резко втягивает воздух. Я практически вижу, как крутятся в ее голове колесики. Вероятно, она думает о своем исследовании. Размышляет, не была ли я одной из ее испытуемых.

— Значит, ты вернулась… спасти меня. Думала, ты проснешься, и мы все будем жить долго и счастливо, так, что ли?

Я пожимаю плечами.

— А почему нет? Откуда мне было знать, что кто-то подставит отца?

Прижав руку к груди, мама делает вдох, и воздух между нами буквально вибрирует.

— Хочешь доказать его невиновность, так? — Она быстро моргает. — Этот рентгеновский снимок доказывает, что ты умираешь, Лара. Умираешь.

— Именно поэтому мне надо действовать быстро.

Мама качает головой.

— Я работала кое над чем, что может тебе помочь. Это рискованно, однако я не вижу других вариантов.

— Я знаю, над чем ты работала, и знаю, что ты хочешь уйти. Так что можешь уже прекратить притворяться.

У мамы широко распахиваются глаза и начинают дрожать руки.

— Лара, то, что тебе известно…

— Опасно. Я знаю.

— Может тебя убить! — Она вновь глубоко вздыхает и закрывает глаза. — Кому ты рассказала?

— Никому.

— Слава богу. Нам недолго осталось терпеть. Я все подготовила, но пока что… Джекса в это посвящать нельзя. Сначала надо вернуть Молли.

А мама в курсе, что это Джекс пытался ее убить?

— Молли у сенатора?

Мама с трудом сглатывает.

— Я не знаю. Если бы знала…

— Но подозреваешь. Ты должна сообщить полиции.

— Сенатор убьет Молли, — шепчет мама. — Я не могу.

В кои-то веки я с ней согласна.

— Нельзя предпринимать против нее никаких шагов, пока Молли в руках ее подручных. Надо подождать и узнать, что ей нужно. А в первую очередь необходимо тебя подлатать.

Она обнимает меня, и мой гнев тает. Я помню, что говорила, однако теперь это не кажется таким уж важным. Ее крепкие объятия успокаивают. Она хочет обо всем позаботиться. И я тоже этого хочу, но не могу ей этого позволить.

Мама улыбается, и я замечаю радость в ее глазах.

— У меня такое чувство, будто я вижу тебя впервые. В каком-то смысле, пожалуй, так оно и есть.

Она встает, одергивает штаны и прикладывает ладонь к моему лбу. Папа не раз делал то же самое, когда я сидела дома на больничном, однако, в отличие от мамы, его лицо никогда не прорезали такие глубокие тревожные складки. Ее взгляд задумчив, и я представляю, какие мысли, должно быть, вертятся в ее голове. Молли вообще не должна была родиться. Она не должна была сойтись с Джексом. Неужели Джон Крейн действительно невиновен?

Мама наклоняется и целует меня, перебирая пальцами мои волосы. Я закрываю глаза и, к своему удивлению, чувствую лишь любовь. В этот момент все, что я сделала, уже не кажется напрасным. Даже если мои чувства неприемлемы, я не могу от них отмахнуться. Ведь все, чего я хотела — это иметь маму.

— Я все подготовлю. А ты отдыхай. Я вернусь. — Она направляется к двери.

— Мама? Я люблю тебя, — сжимая простыни в руках, говорю я.

Она кивает, и я замечаю, что у нее на глаза вновь наворачиваются слезы.

— Ты и не представляешь.

После ее ухода я закрываю глаза и несколько раз глубоко вдыхаю, а потом отбрасываю простыни и вырываю кислородные трубки из носа. Мамины планы прекрасны, однако я не могу лежать и бездействовать, когда мой отец сидит в тюрьме, а Молли пропала. Ее похитили по моей вине, и на случай, если я не выживу, надо действовать быстро.

Несколько минут уходит на то, чтобы приспособиться к ходьбе. Пошатываясь, подхожу к гардеробу, на дне которого

нахожу свою сложенную одежду. Быстро одевшись, хватаю с верхней полки спортивную сумку с вышитой надписью «Клиническая больница штата Массачусетс», перекидываю ее через плечо и выглядываю в коридор.

Вижу лишь нескольких медсестер, которые, отвернувшись от меня, занимаются своими делами. Выскользнув из палаты, спешу к лестнице с указателем «Выход». Взявшись за ручку двери, ведущей на лестничную клетку, замечаю возле кафетерия знакомое лицо.

На лице Джекса отражается крайнее изумление, и он едва не роняет чашку кофе.

Закусив губу, отворачиваюсь, толчком распахиваю дверь и устремляюсь к ступенькам.

— Лара! — кричит Джекс мне вдогонку. Он оказывается на лестничной клетке, прежде чем защелкивается дверь. — Не надо, Лара!

Но я уже преодолела полпролета. Я бегу со всех ног вниз по лестнице, не смея остановиться и перевести дух, пока, сильно запыхавшись, не достигаю нижнего этажа. Сверху доносятся тяжелые шаги, отдающиеся металлическим гулом. Нельзя, чтобы меня поймали. Нельзя. Шмыгнув в больничный вестибюль, мчусь к стеклянным дверям. Люди замирают на месте и глазеют на меня.

— Остановите ее! — выкрикивает бегущий позади Джекс.

Приближаюсь к двум охранникам, блокирующим выход. Один из них пытается меня схватить, но я проскакиваю мимо и, упав на пол, проскальзываю вперед головой через открытую дверь.

Свежий утренний воздух наполняет легкие, пока я тяжело бегу по освещенному уличными фонарями тротуару вверх по склону к ожидающему такси. Распахнув пассажирскую дверь заднего сидения, бросаюсь на подушки. Убедившись, что ноги в машине, захлопываю дверь.

— Поехали!

Водитель, надо отдать ему должное, подчиняется. Он бросает на меня взгляд в зеркало заднего вида. Я замечаю усталые голубые глаза и щетину на подбородке, свидетельствующую о том, что таксист не брился по меньшей мере несколько дней.

— Не скажете, куда мы едем?

— В «ИМКА» на Броад-стрит.

Он вскидывает брови.

— А у вас достаточно денег? Путь-то неблизкий.

Вместо ответа показываю кредитку. Да, мне это по карману.

Глава 18

Под успокаивающие и расслабляющие звуки симфонического оркестра, заполняющие маленький салон такси, я наблюдаю, как мимо проносятся уличные фонари. Я налажала по-королевски, и предельно очевидным это стало вчера в торговом центре. Я умею признавать ошибки. Мне следовало послушать Рика и никогда не менять прошлое, но теперь мама жива, и у меня есть брат и сестра. Сестра, которой угрожает опасность. Однако, возможно, если я смогу доказать, кто ее выкрал, у нас получится вернуть ее целой и невредимой.

Возможно.

Все зависит от того, действительно ли в похищении Молли или его организации участвовал Джекс. Я молюсь, чтобы оказалось, что ее забрал именно он, поскольку в этом случае она, может быть, сейчас в безопасности. Если же это был незнакомец, я остаюсь ни с чем, и у меня совсем нет времени.

Кроме того, нельзя забывать и о моем отце, хотя мысли о нем разбивают мне сердце. Он бы потребовал, чтобы я отправилась за девочкой. Папа всегда ставил интересы других людей на первое место. Всегда.

Если я добуду доказательства того, кто стоит за попыткой маминого убийства, похищением Молли и всем остальным, то смогу очистить папино имя, спасти сестру и, может быть, успею пройти курс лечения. В последнем я глубоко сомневаюсь, но мне все равно очень нужно на это надеяться.

Время приближается к полуночи. Такси сворачивает к бордюру у отделения «ИМКА». Движение на одной из центральных улиц обычно оживленное, но поскольку на дворе поздний вечер — ну или раннее утро, это как посмотреть, — таксист подруливает прямо к центральному входу.

Я плачу за поездку, и водитель дружелюбно мне улыбается, но я, не обратив на это никакого внимания, выбираюсь из машины. По радио транслируют социальную рекламу: «Проголосуйте за вопрос номер два, если хотите, чтобы полиция поймала грабителя, вырвавшего у вас сумочку, прежде чем он ее вообще украдет. Остановите преступление, до того как оно случится».

Подхожу к двери в «ИМКА» и сильно дергаю.

Она даже не сдвигается с места.

Черт побери. Толкаю от себя, а потом снова пытаюсь потянуть, но дверь крепко заперта и отказывается меня впускать. Приставив ладони по бокам головы вокруг глаз, заглядываю

сквозь стекло, но различаю лишь свет нескольких включенных ламп. Администратора за стойкой не разглядеть. По правде говоря, не видно вообще ни единой живой души. Тут мне в глаза бросается наклейка на стекле.

«*Круглосуточный доступ*».

Роюсь в сумочке. Помада, зеркальце, мобильный телефон, но никакой карточки-ключа. В кошельке обнаруживаю фотографии и больше пластика, чем в ряду с куклами Барби в игрушечном магазине, а под ученическим билетом оказывается пластиковый ключ. Навороченный пропуск с полным доступом. Видимо, я чувствовала необходимость спрятать даже его. От этой мысли у меня по спине бегут мурашки.

Провожу картой, электронный замок издает писк, и на его панели загорается зеленый огонек. Распахиваю двери и забегаю в пустую приемную. Издалека доносится звяканье тренажеров, которое сопровождается ворчанием сражающихся с тяжестями мужчин.

Мчусь по коридору в женскую раздевалку. Горящие внутри лампы почти ослепляют, но я не останавливаюсь, оглядываясь в поисках шкафчиков. Судя по витающим в воздухе запахам хлорки и дезинфицирующего раствора, от которых у меня начинает жечь в носу, я совсем недалеко от бассейна.

Шкафчик под номером шестьдесят три.

Пробегаю глазами один проход за другим, пока не нахожу то, что мне нужно. Шкафчик непритязательного синего цвета, но он может открыть все секреты. Облизав губы, вставляю ключ и, закрыв глаза и помолившись, поворачиваю его в замке.

Щелк.

Дверца открывается, и внутри я вижу не только документы. Там еще розовая толстовка с капюшоном, спортивная сумка и свежая смена одежды.

К чему же я готовилась? Что делала? Открываю лежащий сверху большой бумажный конверт и просматриваю документы: множество отчетов, снимки со слежки, вырезки из старых газет. У меня нет времени вчитываться в каждую бумажку, так что запихиваю все обратно, кладу конверт в свою сумку и накидываю кое-что из найденной одежды.

Мой новый наряд состоит из облегающей футболки, розовой толстовки и удобных голубых джинсов. Странный выбор для стильной и утонченной Лары, но она готовилась к чему-то важному. Очень важному.

Вытаскиваю из шкафчика припрятанную на дне спортивную сумку, удивляясь ее тяжести. Расстегиваю молнию и внутри обнаруживаю деньги. Много денег. Провожу рукой по аккуратно

сложенным стопочками пачкам. Здесь, должно быть, тысячи долларов.

Сердце учащенно бьется, пока я пытаюсь понять, откуда эти деньги, и что я собиралась с ними делать. Если и был когда-нибудь подходящий момент для воспоминания, то это он. Мое внимание привлекает блестящий синий мобильный телефон на дне сумки. Вытаскиваю его и вижу прикрепленную к трубке записку. Написанную моим почерком.

«*Спрячься в душе. Быстро*».

С круглыми глазами и колотящимся сердцем, я захлопываю шкафчик, хватаю все вещи и бегу дальше по коридору. Сворачиваю к душевым и ныряю в кабинку. За мной, покачиваясь, закрывается виниловая шторка. Останавливаю ее дрожащими пальцами и тут слышу тяжелые шаги, раздающиеся из раздевалки.

Дверцы шкафчиков хлопают одна за другой, а шаги все приближаются. Не знаю, почему я боюсь, но мне страшно. Это может быть вымотавшаяся после тренировки посетительница со слишком громко включенным айподом или уборщица, пришедшая собрать полотенца, но я уверена, что это ни та, ни другая. Кто бы там ни был, я уверена, что он пришел сюда за мной.

Мое тихое дыхание с шумом отдается в звенящих ушах. Слух кажется обостренным, и я представляю, как резиновые подошвы ступают на мокрый кафель у входа в душевую комнату. Замираю с широко распахнутыми глазами и открытым ртом, когда вижу за занавеской, как к кабинке все ближе подкрадывается темная тень.

— Она побывала здесь! И все забрала! — доносится до меня чей-то низкий сердитый голос.

Что-то приземляется на пол с мокрым шлепком.

Мой больничный наряд!

Я оставила его возле скамейки. Мне хочется выругать себя за очередной глупый поступок, но когда тень начинает удаляться, я осознаю, что эта кучка одежды, возможно, спасла мне жизнь.

Только после того, как двери в раздевалку с грохотом захлопываются, мои плечи расслабляются, но я по-прежнему не чувствую себя в безопасности настолько, чтобы выйти из кабинки. Мысленно возвращаюсь к записке. Она спасла мне жизнь, но как я догадалась ее написать? Откуда я знала, что за мной придут эти люди?

Я задаю себе этот вопрос миллион раз миллионами разных способов, но каждый раз в голову приходит один и тот же ответ.

Я написала ее в будущем.

И доставила в прошлое.

Глава 19

Внезапно мне становится немного лучше. Теперь я знаю, что в будущем я жива и достаточно здорова для того, чтобы написать записку и найти способ путешествовать во времени. Видимо, я не стану безмозглым овощем. Где-то там я все еще барахтаюсь, во всяком случае, до того момента, когда написала эту записку.

Но зачем? Если я все еще жива, если те парни меня не прикончили, то к чему так рисковать и подставляться? Может, Молли убили? Может, Джексу все сошло с рук? Может, меня похитили, и все покатилось в тартарары? Что бы ни случилось, мне нужно смириться с тем, что я вряд ли когда-нибудь об этом узнаю, а обдумывание всевозможных «что если» — напрасная трата времени.

Мне надо выбраться отсюда и найти местечко, чтобы залечь на дно. Там я смогу прошерстить документы, прежде чем позвонят похитители. В голову приходит единственное место, где никто никогда и не подумал бы искать эту Лару. Это не дом ее парня и не дом лучшей подруги, а квартира старого приятеля. Я не была у Рика много лет.

Достаю новый мобильный, опасаясь, что старый могут отследить.

Рик поднимает трубку через несколько звонков. Слава богу, он не проигнорировал незнакомый номер.

— Рик…

— Лара? Ты в порядке? Ты во всех новостях.

Журналисты. Камеры. Я совсем о них забыла. Хорошо, что мне не надо ничего забирать из дома. Черт, я бы тогда оказалась в глубокой заднице.

— Со мной все хорошо. — Решаю пока что солгать. Не то чтобы у меня было время все объяснять. — Помнишь, ты говорил, что если мне понадобится помощь с делом моего папы, ты окажешься тут как тут? Ну, ты мне нужен, Рик. — У меня ломается голос и начинает дрожать подбородок.

После короткой паузы, которая для меня кажется часом, он отзывается:

— Приезжай ко мне. Это меньшее, что я могу сделать. Просто подожди тихонько на лестнице.

Киваю и отключаюсь. Надеюсь, я знаю, что делаю. Прижав телефон к груди, произношу молитву.

Сажусь на автобус, поскольку не хочу, чтобы кто-нибудь проследил за мной до дома Рика. Когда открывается дверь, мне бросается в глаза, насколько уставшим он выглядит. В его взгляде

нет привычного блеска. Рик молча впускает меня в квартиру, и мы на цыпочках пробираемся мимо спальни его родителей.

Его комната почти такая же, какой я ее помню. Кровать, комод — все кажется знакомым. Мое внимание приковывает маленький телевизор, балансирующий на комоде. Звук убран до минимума, но на экране показывают больницу с полчищем репортеров на заднем плане. Опускаю глаза на бегущую новостную строку.

«Похищена местная девочка. Ее сестра сбежала из-под охраны из больницы и разыскивается полицией для допроса».

Сердце на секунду замирает, и, повернувшись, я вижу вздернутые брови Рика.

— Ты снова хочешь поиграть со мной в эти игры про то, что «с тобой все хорошо»?

— Но так и есть… пока что. Мне надо кое-что сделать. Я его нашла, видишь? — Швыряю обе спортивные сумки на его кровать.

Мельком взглянув на сумки, Рик снова переводит взгляд на меня.

— Что там?

— Святой Грааль моей жизни. Доказательство того, кто убил — пытался убить — мою маму. Не хочешь попробовать угадать, кто это? — Скрыть звучащий в голосе гнев не удается.

— Ну, я-то знаю, что это был не я, так кто же тогда?

— Джекс.

Я с трудом держу себя в руках. Мои веки подрагивают, и это все, что я могу себе позволить, чтобы не рассыпаться на части.

Кажется, будто Рик одновременно удивленно распахивает глаза и сощуривается.

— Твой отчим?

— Единственный и неповторимый. — Облизываю уголки губ. — Единственный и неповторимый, — снова шепчу я, чувствуя, как цепенеет тело.

Рик подводит меня к кровати и помогает усесться.

— Так что мы будем делать? Какой у тебя план?

— Прочитать все бумаги и узнать, что там есть. Они помогут освободить отца. Я знаю! Но скоро позвонят похитители. Они хотят заполучить все это обратно.

Рик вздыхает.

— Джекс похитил Молли? В этом нет никакого смысла.

Он прав. Никакого. Прикусываю губу, чувствуя усиливающуюся головную боль, но пока что она достаточно слаба, чтобы я могла не обращать на нее внимание.

— Можешь дать мне что-нибудь обезболивающее? Тайленол?

Кивнув, Рик подходит к комоду и копается в верхнем ящике.

Он бросает мне пузырек с таблетками, и я проглатываю их, не запивая. Рик снова присаживается рядом и откидывает волосы с моего плеча. Когда его пальцы задевают мою шею, я вздрагиваю и чувствую, как по телу ползут мурашки.

Пристально вглядываюсь в его лицо, мечтая закрыть глаза и наклониться, чтобы получить приветственный поцелуй. Рик не отводит своих серьезных проницательных глаз.

Чувствую, что он тоже хочет меня поцеловать, но вместо этого Рик произносит:

— Может, начнем?

Мне внезапно начинает казаться, что в комнате тесно и жарко, так что я снимаю толстовку и сползаю на пол. Мы начинаем просматривать фото со слежки.

На них мама в нашей квартире, папа держит меня за руку по дороге в школу, мама завтракает с кем-то в кафе на открытом воздухе…

Хм-м-м. Его лица не видно из-за дерева в кадке, но они с мамой держатся за руки, и мама улыбается. Перед ними два чая со льдом. Я щурюсь и подношу фотографию поближе к глазам. У мамы на пальце нет обручального кольца. Это не имеет никакого смысла.

Сердце пускается вскачь, и я разворачиваю пачку черно-белых фотографий веером. Выискиваю тот самый идеальный снимок с дымящимся пистолетом, который доказывает, что именно Джекс хотел убить мою маму. Но вместо этого обнаруживаю прямо противоположное. Они были влюблены.

Светловолосый Джекс держит маму в объятиях под навесом. Они глубоко, страстно целуются, и мама цепляется за Джекса так крепко, словно от этого зависит ее жизнь. Это доказывает то, что они говорили мне правду, но также подтверждает и то, что об их отношениях знал кто-то еще, и что этот кто-то следил за ними.

Если у мамы с Джексом был роман, зачем ему было желать ее смерти? И зачем подставлять папу? Возможно ли, что я помнила все неправильно? Может, Джекс все же не пытался убить маму. Может, я пытаюсь подогнать события под собственные желания, под простую шаблонную картинку. Я больше не понимаю, где реальность, а где плод моего воображения.

— Это всплывало на суде? — спрашиваю я.

Рик кивает.

— Ты не помнишь?

Сердито зыркаю на него.

— Оказалось, что у твоей мамы был роман. Сказали, что твой папа нанял частного детектива, чтобы следить за ней и сделать снимки, которые послужат доказательством измены.

Это не может быть правдой. Папа бы такого не сделал. Желудок камнем ухает вниз.

Рик садится за стол и включает компьютер. Неужели не мог найти лучшего времени, чтобы проверить почту?

— Что ты делаешь? — интересуюсь я, не сумев скрыть резкость в голосе.

— Ищу расшифровки стенограмм суда.

— Ты можешь их найти?

— Они выкладывались в открытый доступ.

«О!» — думаю я, но вслух ничего настолько глупого, само собой, не произношу. Слушаю, как Рик барабанит по клавишам, и закрываю глаза, позволяя своим мыслям плыть по течению. Он нарушает тишину, восторженно затараторив:

— Нашел! Я же помнил, что родители о чем-то таком разговаривали. Твой папа утверждал, что никогда не платил частному детективу, но денежный след убедил всех, что он перевел тому деньги за услуги. Твой папа взорвался и заявил, что его подставили, что «Перемотка» и Джекс хотели убрать его с дороги. Но он не предоставил ни одного факта в доказательство своих слов. Через пятнадцать минут его оштрафовали за неуважение к суду.

— Все подумали, что он лжет, — бесстрастно произношу я, скрестив руки на груди.

— Ага. — Рик оборачивается и ловит мой взгляд. — Ты уверена, что он невиновен? Действительно уверена? Потому что все выглядит так, будто…

— Я знаю, как это выглядит, — хрипло отзываюсь я и делаю глубокий вдох, чувствуя, как дрожит грудь.

Задумываюсь об увиденных фотографиях, а потом вспоминаю человека, который так беззаветно меня любил, что надрывался на трех работах, никогда не брал отпуск и ни разу не пожаловался, не считая сетований на то, что ему хотелось бы проводить со мной больше времени.

Недолго думая, я спустила в трубу все, что имела. Мне не остается ничего другого, кроме как сказать:

— Я уверена на все сто. И ни ты, ни какой-то тупой документ из интернета не изменят моего мнения.

— Ладно, ладно, — сдувается он. — Я понял, Лара. Честно. Просто… хотел убедиться.

— А ты можешь разузнать побольше о тех финансовых документах, о которых шла речь?

Внезапно еще один кусочек мозаики в моей голове встает на место.

Мысленно возвращаюсь к последнему воспоминанию, в

котором я рыскала по кабинету Джекса и обнаружила нужные файлы. Помню, я в первую очередь нашла и распечатала какие-то финансовые документы.

Смахнув остальные бумаги на пол, выкладываю их по листику и по очереди просматриваю. Наконец выискиваю и хватаю компьютерные распечатки. Кажется, я нашла ключевой элемент головоломки.

Десятилетней давности.

Здесь указано, что деньги были переведены со счета «Перемотки» в частный банк. Согласно моим заметкам на полях, номер счета принадлежит оффшорной компании. Буквы в моих записях лихорадочно скачут, и я понимаю, что эта информация привела меня в восторг, но как же я связала этот номер счета с папой?

Возможно, мне и не нужно знать ответ. Возможно, полиция сделает все за меня. Пора упаковать документы и отвезти их в участок. Но как же быть с Молли?

Если у меня получится сделать копию, то, наверное, я смогу сделать и то, и другое: отдать копию похитителю, а оригиналы — полиции? Мне надо быстренько найти ксерокс. Плюс все еще существует небольшая проблемка с флэшкой у меня в кармане.

Черт! Мне нужно забрать Молли и ее медальон, но как не дать похитителям добраться до флэшки? Как?

Разумеется, что бы я ни придумала и ни сделала, меня разоблачат, но, по крайней мере, папа сможет подать апелляцию. Будем надеяться, Молли освободят, а парни, которые идут по моему следу и хотят моей смерти, если повезет, исчезнут, как только я окажусь под охраной полиции. И неважно, что со мной случится, — по крайней мере, все узнают правду и все встанет на свои места. Ну, во всяком случае, настолько, насколько у меня получится все исправить.

Складываю все бумаги обратно в сумку и закидываю ее на плечо.

— Рик…

Он поднимает руки вверх.

— Ничего не говори. Давай доставим тебя туда, куда надо.

Только мы выходим в коридор, как звенит дверной звонок, а следом раздается стук в дверь. В спальне родителей Рика зажигается свет. Он запихивает меня в бельевой шкаф и забирается следом, прикрывая за собой дверь. В тесном пространстве шкафа я упираюсь спиной в полку, с которой доносятся ароматы ванили и лаванды, и оказываюсь в опасной близости от Рика. Запах его лосьона после бритья заставляет меня еще сильнее мечтать о том, чтобы его коснуться. Мы стоим

так близко, что я буквально чувствую его сердцебиение, и мне отлично видно, как у него на шее пульсирует вена.

В коридоре звучат торопливые шаги, спеша к нетерпеливому визитеру, тарабанящему в дверь.

— Вы хоть представляете, который, черт вас дери, час? — раздается сердитый заспанный голос отца Рика. Как наяву вижу крепкого мужчину со скрещенными на груди руками.

— Мы ищем Лару Крейн Монтгомери. Она здесь?

Узнаю голос из «ИМКА». Как они меня выследили? Сердце, подпрыгнув к горлу, бешено скачет, и я не могу сглотнуть. В ушах все нарастает звон. Мотаю головой, умоляя Рика стоять тихо.

— Лару? Лара давным-давно отсюда переехала. Рик уже много лет с ней не дружит.

— У нас есть основания полагать, что она с ним контактировала. Если бы мы могли осмотреться…

— Вы не сделаете ни черта подобного. Не вижу ни значков, ни ордера на обыск, и если только вы не из полиции, у вас нет никакого права входить в дом или искать эту девушку.

— Нам нужно вернуть ее в больницу. Она больна.

Я прищуриваюсь. Часть меня все еще не может с этим согласиться, не может поверить в это. У меня начинают дрожать руки, но Рик подавляет дрожь, крепко стиснув мои ладони в своих. В его глазах видны сочувствие и страх. Никто из нас не уверен в том, что будет дальше.

— Я видел в новостях, что ее сестра в ужасной беде. Однако это не меняет того факта, что мы не видели ее много лет, и вы не войдете в мой дом. А теперь, прежде чем я вызову полицию…

— Мы уходим.

Мужчина раздраженно сопит, и дверь тут же захлопывается. Грохот дверного молотка отдается во всей квартире эхом, которое постепенно затихает. Однако дрожь внутри меня никак не унять. По мне волнами прокатывается облегчение, и я делаю глубокий успокаивающий вдох.

Рик тоже расслабляет плечи, но его ладони все еще сжимают мои. Мы ждем, прислушиваясь, пока его отец укладывается спать, а потом выскальзываем из шкафа и, как мыши, возвращаемся в спальню.

Пока Рик тихонько закрывает дверь и включает свет, я выглядываю в окно и вижу несколько человек, шатающихся возле фургона. У одного из них в руке вспыхивает тлеющий кончик сигареты. В старый бинокль у меня получается разглядеть, что все парни одеты в черное, на руке у каждого татуировки и дорогие часы, а у одного татушка еще и сзади на шее. Он высок, лыс и поразительно похож на мистера Пропера.

Эти парни выглядят как настоящие бандиты. По-моему, я никогда еще так не боялась. Не представляю, как отсюда выбраться, чтобы они меня не заметили.

Татуировки парней кажутся знакомыми. Пытаюсь припомнить, где я могла их видеть, но чем глубже задумываюсь, тем сильнее болит голова. Я осознаю, что у меня этих воспоминаний нет, а вот Лара — старая Лара, в которую я потихоньку превращаюсь, — все помнит.

Сползаю по стеночке на пол у окна, пытаясь расслабиться, чтобы картинка пришла сама, но Рик падает передо мной на колени.

— Лар? Ты в порядке? — Он ласково отводит назад мои волосы. Неужели он наконец-то собирается меня поцеловать? Может, он понимает, что мы созданы друг для друга. — У тебя глаза кровью налились. Лара? Ты меня слышишь?

Я крепко стискиваю челюсти, и, в то время как Рик обхватывает мое лицо своими сильными теплыми ладонями, перед глазами у меня со щелчком возникает и все растет и приближается очередная картинка.

***

Я стою перед входной дверью своего дома, в одной руке держу большую поварешку, а другой опираюсь о притолоку. Маленький передник прикрывает мои грудь и бедра. На крыльце стоят четверо мужчин, все в черных костюмах, у каждого одна и та же татуировка. Они пугают меня, но я храбрюсь и притворяюсь, что это не так.

— Чем могу вам помочь? — интересуюсь я, пытаясь говорить спокойно.

Вперед выступает один из парней с бритой головой и в солнцезащитных очках. Он сцепляет перед собой руки в замок, сверкнув золотым кольцом с бриллиантом, но парень не похож на тех, кто женится.

— Твои родители дома?

— Еще нет, — холодно отвечаю я. — Но я пригласила друзей, так что мне надо идти.

— Что, нет времени поиграть в двадцать вопросов? — ухмыляется визитер. Вероятно, он понимает, что заставляет меня нервничать.

— Совершенно верно. Я готовлю ужин для детей, так что, если не возражаете…

Он перехватывает дверь своей широкой ладонью.

— Скажи Джексу, что мы проезжали мимо, лады?

Перед тем как захлопнуть и закрыть дверь на замок, я вижу его улыбку, которая обнажает золотую коронку.

У меня трясутся руки и ноги, и я прислоняюсь к двери лбом, чувствуя, как сзади кто-то приближается. Донован кладет руку мне на плечо. Оборачиваюсь и встречаю его озабоченный взгляд.

— Это был он, — мрачно говорю я, и Донован с готовностью прижимает меня к себе.

Я несколько месяцев не чувствовала себя в такой безопасности, как сейчас, обхватив его руками и плача на его плече. Донован гладит меня по волосам и целует в щеку.

— Лучше бы выпускному поторопиться, — заявляет он. — Ты уверена, что хочешь именно этого?

Я киваю. В жизни не была ни в чем так уверена. Сначала я получу доказательства, а потом вернусь обратно в тот день, когда папу ложно обвинили.

И всех их разоблачу.

Глава 20

Бал!

Какая же я дура.

Донован и Лара собирались под прикрытием бала пробраться в агентство при помощи удостоверения кого-то из родителей, чтобы воспользоваться тамошним оборудованием и отправиться в прошлое. Завладев необходимой информацией, Лара спасла бы отца от тюрьмы и изобличила будущего сенатора, Джекса и «Перемотку». Она планировала вывести их всех на чистую воду с помощью их же технологии. Эта девушка — гений.

Но знал ли о ее планах Донован? Вряд ли, слишком уж равнодушно он ко всему отнесся. Пусть и дальше остается в неведении. Он согласился мне помочь, а значит, никак не мог знать о махинациях своей матери.

Любовь, которую я чувствовала в объятиях Донована, никуда не исчезает, когда я вижу Рика. При виде его лица, такого любимого, я испытываю смешанные чувства из-за Донована. Видение было коротким, но мощным, и теперь я понимаю, почему мое поведение привело Донована в ярость — мы же планировали такое грандиозное мероприятие у всех за спиной. Одним своим эгоистическим поступком я практически разрушила парню жизнь. До исчезновения Молли я не сильно пеклась о других. Выкрала маму у времени, и теперь оно жаждет возмездия, а первая жертва — мой мозг.

Рик нетерпеливо облизывает губы.

— Что ты видела?

— Донована. Он… знает этих людей. Думаю, он может мне помочь.

Достаю из сумки телефон. В быстром наборе сохранен лишь номер Донована. Должно быть, он сам мне его и вручил, чтобы мы могли спокойно общаться, не опасаясь прослушки.

Не успевает прозвучать первый гудок, как Донован поднимает трубку.

— Ну слава богу. Я все ждал, когда ты позвонишь. А уж когда по новостям передали…

— Я у Рика. Документы со мной. — Не свожу с того взгляда, наблюдая за реакцией.

— У Рика? — Нечего и говорить, Дон в ярости.

— Не хотела, чтобы меня обнаружили. Ничего не было.

— Господи, Лара…

— Знаю. — Выглядываю из окна — фургон стоит на прежнем месте. Плохие новости. — За мной хвост. Нужно как-то

выбираться.

Из трубки доносится тяжелый вздох.

— Так, ладно. Дай-ка подумать… Если в доме есть черный ход, выходи минут через двадцать. Мне еще надо до тебя добраться. «Данкин Донатс» далеко?

— Да на каждом углу. На Линкольн-стрит есть один.

— Отлично, там и жди. В это время ночи там, где есть пончики, найдутся и копы. Это так, для подстраховки.

— И что? Думаешь, бандиты попытаются меня схватить?

— Уж если они устроили за тобой слежку, именно так они и поступят. Уходи без Рика. Не хватало нам еще лишний груз за собой тащить.

Нельзя не признать, что он прав, и я согласно киваю, прежде чем повесить трубку. Пока Рик зашторивает окна, я уже на ногах и готова прощаться. Может статься, я прощаюсь навсегда, но произносить это вслух совсем не хочется.

— До встречи. — Чуть улыбнувшись, протягиваю ладонь.

Оскорбленно взглянув на нее, он заключает меня в объятия.

— Будь осторожна.

Его голос звучит как-то удрученно. Кажется, он подозревает, насколько опасна эта затея, и даже не напрашивается пойти со мной. Это так странно, ведь мой Рик ради меня горы бы свернул, но не его копия — нынешний Рик меня не любит. Может, он и чувствует между нами некоторое притяжение, однако оно не настоящее. От этой мысли горько, как от крепкого кофе.

Он сильнее прижимает меня к себе. Устроив голову на крепком плече, мысленно прощаюсь с Риком навсегда, но, открыв глаза, натыкаюсь взглядом на кое-что у него под кроватью.

На раскрытую сумку, доверху набитую деньгами.

Вырываюсь из его объятий. Все инстинкты во мне вдруг начинают вопить, что нужно убираться из этого места подальше. Здесь небезопасно.

— Выход я найду сама.

Он стискивает мое плечо.

— Ерунда. Я прослежу, чтобы горизонт был чист.

Одного взгляда на его лицо хватает, чтобы понять — все пути к отступлению отрезаны. Рик злится и ни за что не отпустит меня без боя. Мы бесшумно выбираемся из квартиры, и он мягко притворяет входную дверь. Разинув глаза, наблюдаю, как он выхватывает из моих рук сумку, и следую за ним по тесному коридору.

— Да я и сама могу понести, — возражаю я и тянусь к сумке.

Мы проходим через холл, где из старого приемника грохочет музыка и тусуются подростки, так что мне приходится натянуть

на голову капюшон.

— Рик, что ты делаешь?

— Обеспечиваю тебе безопасный выход. — Он чересчур сильно сжимает мою руку.

— Ай, больно!

Стиснув зубы, пытаюсь вырваться, но он не отпускает. Его лицо каменеет и превращается в маску — ничего не могу на нем прочесть.

Неужели тогда, у меня дома, и в торговом центре, он лишь притворялся?

Рик тащит меня вниз по лестнице прямо в руки к типам из фургона, вышедшим нам навстречу. Бросаю взгляд назад — подростки, которых мы видели в холле, идут за нами. У одного в руках лом, у другого — пистолет. Во мне поднимается страх, который вытесняет все остальные чувства.

— Ты меня подставил! И из-за чего? Из-за каких-то денег?!

Когда дверь черного хода с грохотом распахивается, Рик хватает меня поперек туловища, крепко стискивая и поднимая в воздух. Задыхаясь, начинаю брыкаться ногами.

— Что для тебя деньги? У тебя они были с самого детства. Но для меня и моей семьи деньги могут изменить все. Все!

Он хоть поверил моим рассказам о путешествии во времени? Не уверена, но ясно одно — он не тот Рик, которого я знала. Рик, которого я любила, никогда в жизни не поступил бы со мной подобным образом. Никогда!

Пытаюсь упереться ногами в дверной проем, но похитители хватают их. А стоит повернуть голову, чтобы крикнуть о помощи, как рот накрывает тряпка. Делаю вдох — и легкие обжигает резкий химический запах. Пока меня заталкивают в фургон, я задыхаюсь от кашля. Дверь с шумом захлопывается, прежде чем я успеваю хотя бы встать на колени. Кто-то стучит по крыше, и фургон ракетой срывается с места, опрокидывая меня на пол.

Тело трясет от вибрации. Все вокруг начинает двоиться. Вместо одного одеяла вижу два. Вместо одного мешка с рисом — два. И рук у меня уже четыре.

Меня одурманили не только эти сволочи — им помог Рик.

Глава 21

Я пропала, затерялась в воспоминании, ярком, как сон. Я дома, в гостиной, сижу на диване с Донованом. На мне изысканное и вместе с тем простое платье, Дон обнимает меня за плечи. По всей комнате развешан розовый серпантин, а над камином висит парочка улетевших воздушных шаров. По бокам от нас сидят родители Донована, Джозеф и Патрисия Джеймс, а левее от меня — Джекс.

Наклонившись, отчим подхватывает с журнального столика парочку крекеров. Когда наши взгляды пересекаются, я с трудом выдавливаю из себя улыбку. В его глазах застыл вопрос, который он не осмеливается озвучить при боссе.

— Принести вам еще по одной, Джо? Сенатор? — вежливо интересуется Джекс.

Патрисия с улыбкой вскидывает руку.

— Прошу, когда я не в Вашингтоне, зовите меня Пат. И нет, мне уже хватит. Достаточно и того, что я вновь приглашена в ваш прелестный дом.

— Ну что, за именинницу? — объявляет Джозеф, поднимая полупустой бокал.

Киваю в знак благодарности и принимаю фруктовый пунш от мамы, которая тут же спешит обратно на кухню. Судя по запаху, мой любимый ростбиф уже на подходе.

— Рад, что у нас получилось прийти, — продолжает Джозеф. — Дон только о ваших отношениях и говорит, Лара.

— Что тут скажешь? Весь в тебя, пап.

Не могу удержаться от смеха. Донован разрядит любую обстановку. Обожаю эти его ямочки на щеках. Жаль, что мы сейчас не одни. Отведя взгляд от лица Дона, встречаю улыбки на лицах его родителей.

Только вот во взгляде Патрисии мне на миг чудится совсем не радостное выражение. Вымученно улыбнувшись, делаю вид, будто ничего не заметила.

— Ну ты только взгляни на этих двоих, Джо, — умиляется она, похлопав мужа по колену. — Идеальная пара. Жаль, что мы раньше не собирались вот так, все вместе. Вы ведь понимаете, Вашингтон тот еще узурпатор.

— Не сомневаюсь, — киваю я, пригубив пунш.

Засмеявшись, Джекс указывает в сторону Джозефа.

— Как и он. Уж сколько лет я тружусь под его началом, а не перестаю удивляться, как много приходится работать.

Скрестив руки на груди, начальник отчима фыркает от смеха.

— Ты постоянно уходишь с работы пораньше, чтобы побыть с семьей. Нечего жаловаться. Вот твоей жене, с другой стороны…

По дому разносится трель дверного звонка, и Джекс с извинениями встает, чтобы посмотреть, кто пришел. Интересно, мы ведь больше никого не приглашали. Выхожу за отчимом в коридор, где обнаруживаю маму — она вытирает руки о фартук.

— Кто там, Джекс? — интересуется она.

Слегка приоткрыв дверь и загородив образовавшуюся щель, тот с кем-то шепчется.

— Пап, кто пришел? — уже громче спрашиваю я.

Отчим оборачивается, потирая уголок рта. На щеках его проступила легкая краска, на лбу — испарина. На моей памяти Джекс еще никогда так не нервничал.

— Мой брат Рекс приехал, по-видимому, прямиком из Лондона и решил заглянуть в гости.

— Брат? — Никогда прежде не слышала от отчима ни о каком брате.

Расплывшись в улыбке, мама протягивает руку вошедшему гостю. Он высок и строен и как две капли воды похож на Джекса, разве что волосы черные, а глаза карие. Ни один мускул не вздрагивает на моем лице при его появлении, а вот у будущей меня все иначе.

Это не Джекса я видела тогда, в переулке. Не Джекс убил мою маму.

Это был Рекс.

И вот он вернулся. Он что, решил довершить начатое? Или надвигается нечто похуже?

— Приятно познакомиться. — Мама целует Рекса в щеку.

Он так и лучится улыбкой, и есть во всем его облике — улыбке, акценте, даже костюме — что-то приторное. Как медовое масло, только слишком сильно взбитое и тошнотворно сладкое.

— Как приятно наконец увидеть вас вживую. Фотографии не передают всей вашей красоты. — Голос низкий, с британским акцентом.

Рекс целует мамину руку. И когда кажется, что она почти попала под его чары, он вдруг замирает, заметив меня.

Рекс протягивает руку для приветствия, и я нервно отступаю на шаг.

— А эта очаровательная девушка, наверное, Лара? Как же ты выросла.

Пожимаю его холодную и влажную на ощупь ладонь.

— Папа никогда не… — Замолкаю, встретившись взглядом с Джексом. В его глазах застыли тревога и страх. Не знаю, почему он вдруг так испугался, но что-то мне не верится в дружелюбие

Рекса. Дядя он мне или нет — не важно, я не хочу находиться с ним в одном доме.

— Да, долгие годы мы с Джексом были немного не в ладах, но мы пытаемся наладить отношения, правда, братик? — Рекс похлопывает отчима по плечу, только тому, похоже, хочется сбежать отсюда куда подальше.

Интересно, почему? Пока я ломаю над этим голову, подает голос мама:

— Лара, помоги накрыть на стол. Рекс, вы же останетесь на ужин?

Ухмылка расползается по его лицу.

— О, я бы ни за что не отказался. А где же Майк и Молли? Радостно знать, что близнецы у нас семейное.

Новость о том, что у нас есть дядя из Англии, приводит близняшек в бешеный восторг. Почти весь ужин они только и делают, что заваливают его вопросами — то произнеси такое-то слово или фразу, то скажи какое-нибудь британское сленговое словечко. Маму такой восторг забавляет, а вот Джекс целый ужин не может выдавить даже крохотную улыбочку. Он и к тарелке почти не притрагивается.

— Сенатор, расскажите, над чем вы работаете? Правда ли, что вы стремитесь добиться послабления законов о путешествиях во времени? — интересуется Рекс.

Джозеф фыркает от смеха.

— Да уже много лет!

Тщательно прожевав и сглотнув, Патрисия берет в руки бокал вина.

— Как мне кажется, мы впустую расходуем ценные ресурсы. Никак не удается выбраться на отдых? Позаимствуйте воспоминания у тех, кто там побывал, и вы проснетесь свежим и отдохнувшим, потратив при этом лишь доли секунд.

— Ага, и кучу денег, — добавляет Донован.

Все, кроме Рекса, заливаются смехом. Тот наставляет палец на Дона.

— Деньги правят миром, верно? Иначе и быть не может. А какого мнения правительство о спасении мира с помощью путешествий во времени?

Улыбнувшись, Патрисия горделиво расправляет плечи.

— Если мне удастся осуществить задуманное, то в скором времени именно так все и будет. Я надеюсь набрать достаточное количество голосов для принятия закона, который развяжет руки полиции.

Мама с Патрисией чокаются бокалами. Обычно мама терпеть не может подобные рассуждения, но ведь они с сенатором в

хороших отношениях. Благодаря их дружбе мы и познакомились с Донованом.

Взгляд Джекса блуждает где-то далеко. Вряд ли он вообще улавливает суть происходящего.

— Что же получается, благодаря вам наш мир станет безопаснее? — интересуется Рекс, поигрывая ножом для масла. — Убийцы будут уничтожены, прежде чем совершат преступление; насильники, похитители — все они будут стерты с лица земли?

— Ни в коем случае. Во-первых, при любой попытке изменить будущее ваш мозг превратится в кашу. Мы же хотим их остановить, вернуть к нормальной жизни, но никак не уничтожить, — отвечает ему мама. — Во-вторых, то, что вы предлагаете — это убийство.

— Для друзей одно маленькое нечаянное убийство — сущий пустяк, — замечает Рекс, бросив на меня многозначительный взгляд.

Нервно поерзав на стуле, выпрямляю спину и делаю вид, будто не обращаю на него никакого внимания.

— Для чего же еще нам дана память? — восклицает Патрисия. — Если взять серийного убийцу и изъять все его воспоминания, к примеру, об ужасном детстве, а затем на их место поместить счастливые — можно будет подавлять инстинкты, менять людские судьбы. Именно над этим Миранда сейчас и работает.

Внимание присутствующих обращается к маме, которая сидит, крепко стиснув зубы.

— В самом деле? Я и не подозревал, что ваше исследование настолько прогрессивно, — изумляется Рекс.

Мама залпом осушает бокал.

— Не стоит обсуждать такие серьезные темы при детях. Лара, будь умницей, прибери со стола.

Большинство людей, конечно, обиделись бы на просьбу прибрать со стола в свой же день рождения, но мне она только в радость. Уношу пару тарелок на кухню и начинаю счищать остатки еды в мусорное ведро.

За спиной вдруг раздается какое-то шарканье и, обернувшись, я обнаруживаю Рекса. Он стоит, засунув руки в карманы.

— Вы что-то хотели?

Он подходит вплотную, так, что мне приходится отступить назад к кухонной стойке, и впивается в меня изучающим взглядом. Его глубокий, пронизывающий взор ни на секунду не отрывается от моего лица. Пытаюсь не моргать, хотя это совсем непросто.

— Ты не знаешь, кто я такой, правда? — шепчет он,

пропуская между пальцами прядь моих волос.

Качаю головой.

— А должна?

— Все еще впереди. Кудри тебе больше идут, — зло бросает он.

Только после его ухода мне удается перевести дыхание.

Глава 22

Рекс — тот самый киллер.

Он работает вместе с сенатором, и пусть они делают вид, что не знакомы — это притворство нетрудно заметить, когда знаешь, куда смотреть. Рекс попытался убить мою маму, а когда его затея не увенчалась успехом, мама осталась работать в «Перемотке» и вышла замуж за Джекса.

Знал ли об этом Джекс? Неужели он ни в чем не виновен?

Мне не хочется причинять ему боль, но одно я знаю точно: их всех нужно вывести на чистую воду.

***

Резко распахнув глаза, судорожно втягиваю воздух ртом. Я в небольшой комнате, окруженной бетонными стенами, с единственным окном почти у потолка, из которого проникает маленький лучик света. В комнате пусто, если не считать матраца подо мной.

Я приподнимаюсь на локтях, и на меня тут же волнами накатывает тошнота. С болезненным стоном начинаю шарить по карманам в поисках телефона. Его нет. Стоит мне встать, ноги подкашиваются, и я припадаю к стене. Опираясь о нее руками, добираюсь до двери, но на ней ни ручки, ни окошка. Совершенно ровная поверхность.

Я в ловушке.

Сердце в груди колотится от страха. Выхода нет.

Снаружи раздаются шаги. Кто-то идет. Оглядываюсь в поисках оружия, чего угодно, но комната пуста. Так что я сжимаюсь в углу и жду, когда откроют дверь.

На пороге появляются мои похитители, которые волокут Джекса. Тот, что с татуировкой дракона, швыряет отчима на пол.

— Расскажи ей все, что нужно. Времени в обрез.

Джекс сгибается пополам, и я бросаюсь к нему. Лицо отчима сплошь в синяках, бровь рассечена. От одного его вида мое сердце сжимается от мучительной боли. Я крепко обнимаю отчима за плечи, обессилено прижавшись головой к его груди. Дверь с щелчком закрывается.

Мы одни.

Джекс взъерошивает волосы у меня на макушке.

— Это я во всем виноват, Лара. Прости меня. Мне казалось, что я держу все под контролем. Но когда Молли…

Лицо Джекса искажается от боли, однако он не дает воли слезам. Он остается сильным.

И только это помогает мне не расклеиться.

— Ты ведь меня не тронешь?

— Ни за что! Никогда! Боже, неужели ты думаешь… Ну конечно, с чего бы тебе думать по-другому? — Он вздыхает. — Я ужасно напортачил, Лара. Ужасно.

Я прикусываю губу и понимаю, что могу ему доверять. Джекс трет глаза, и на его лице явственно проступает отчаяние. Он словно проживает кошмар наяву. Несмотря на терзающий меня страх, я задаю вопрос, который никак не могу не задать.

— Ты знал, что Рекс собирается убить маму? Ты ему помог?

Он отрицательно качает головой, когда я помогаю ему присесть.

— Все было совсем не так.

— Так расскажи, — прямо говорю я. — Я заслуживаю правды.

— Сначала мы задерживались допоздна на работе, вместе ужинали… танцевали. Я влюбился в твою маму, но она…

— Была замужем, знаю. А что дальше?

Он откидывает голову назад и устремляет взгляд на окошко света.

— Ты скучала по ней. Джон тоже. Миранда собиралась уволиться, проводить больше времени с тобой, но Патрисия Джеймс… была против. Твоя мама слишком много знала о незаконных исследованиях, о деньгах, которые Патрисия нелегально вкладывала в компанию, когда та только-только набирала обороты.

— Те люди, что нас схватили, с татуировками, получается…

— Мафия. Они инвестировали в исследования твоей матери и держали Патрисию на коротком поводке. Даже сейчас, если правда раскроется… она их должница. Когда-то мы были друзьями, но не теперь. Ей нельзя доверять.

— Значит, она наняла твоего брата, чтобы разобраться с мамой?

Джекс сидит, понурив плечи, его сковывает отчаяние.

— До того как Рекс в нее стрелял, я об этом не знал. Поверь мне, прошу. Может быть, когда-то мы и были братьями, но наши пути давно разошлись. В раннем возрасте он вступил в мафию. Сначала был простым костоломом, но с тех пор… скажем так, много чему научился.

Я правда ему верю. Вижу, как страдания искажают его лицо, когда он говорит о брате.

— Но ты прикрыл его преступление. Подставил моего отца.

— У меня не было выбора. Мафия… они бы снова напали. Они бы убили твою маму, тебя, меня — всех. Но он мне все-таки брат. И мы заключили сделку. Что он больше не вернется. Что оставит нас в покое… если я поручусь, что Миранда не уволится

и продолжит исследования. Если она будет молчать. — Он глубоко вздыхает. — А потом мы поженились. Я не подозревал, что…

— Зайдешь так далеко. — Я прикусываю губу. — У вас родились близняшки.

Джекс кивает.

— Что же изменилось? Почему Рекс вернулся?

— Из-за сенатора. Из-за твоей матери. Отношения между ними… накалились. Твоя мама собиралась уйти с работы и разоблачить все их махинации. Я сам-то об этом узнал только после похищения Молли, после того как ты пропала. Но потом твоя мама рассказала мне об угрозах сенатора и о том, что случилось с репортером. Та каким-то образом вышла на информатора и…

— Этот информатор — я.

Он глядит на меня во все глаза.

— Что? Как?

— Я выкрала у «Перемотки», а точнее у мамы, закрытую информацию и передала ее той журналистке. Убив ее, они все забрали. Я все это сняла. Если сумею выбраться, то покончу с ними.

Джекс закрывает глаза и делает глубокий вдох.

— А Молли? Они похитили ее, чтобы…

— Шантажировать меня. Хотят вернуть все материалы. Похоже, это сработало. — Перевожу дыхание, чтобы успокоить нервы. — Мы все умрем, да?

— Нет! — Он почти убедил меня. — Нет.

— Джекс…

— Послушай, прости меня за все, что я сделал, но я старался как лучше.

— Что ты…

— Думаешь, я не понимаю, к чему ты ведешь? — Чуть прищурившись, Джекс гладит меня по щеке. — С каждым годом моя любовь к вам с мамой растет и крепнет. С каждым годом я все чаще замечаю, как нелегко тебе приходится. С каждым годом я все больше себя виню.

— С каждым годом, — шепчу я, и воспоминания переносят меня в день рождения отца.

Я счищала остатки торта в мусорное ведро, где валялся нераспечатанный конверт. На нем красовалась золотая буква «М», то есть Монтгомери. Отец так его и не открыл, потому что знал, кто был отправителем — любовник моей мамы. Что он нам слал? Открытку? Деньги? Ведь его брат был повинен в смерти мамы, и все сошло ему с рук.

— Ты в порядке? — беспокоится Джекс.

— Да… Столько всего в голове не укладывается.

— Ты сможешь простить меня за все, что я натворил?

Сглатываю ком в горле.

Отчим безмолвно ждет.

— Это будет очень нелегко. — Он совсем падает духом. — Но ты вырастил меня. Как бы мне хотелось, чтобы ты поступил по-другому.

Его нижняя губа мелко подрагивает.

— И мне. Лара, делай все, что они скажут, тогда нас, может, и выпустят. И каждый получит второй шанс.

В этом я сомневаюсь, однако всей душой надеюсь.

Дверь в комнату распахивается, и входит Рекс. С последней нашей встречи его внешность претерпела некоторые изменения. Половину лица негодяя пересекает свежий на вид шрам.

Злобно фыркаю.

— Кто это тебя так разукрасил?

— Ты.

— Думаю, такое я бы не забыла, — нахмурившись, отзываюсь я, пусть даже есть вероятность, что память мне изменяет.

Рекс наклоняется с недоброй улыбкой, от которой у меня мороз по коже.

— Скоро вспомнишь. Это лишний раз подтверждает, что наши планы увенчались успехом. Именно тебя все эти годы искала Миранда. Какая ирония.

Никак не пойму, о чем это он. О маминой работе, что ли?

— Прости, дорогуша. Нет времени объяснять. Тебя ждет процедурная.

— Рекс! — Джекс таращится на брата с широко распахнутыми глазами. — Ты ведь говорил, что отпустишь ее, как только получишь то, что вам принадлежит.

— Планы поменялись. — Рекс дает знак своим головорезам; те хватают меня за руки, силой заставляя встать.

— Отпусти ее! — выкрикивает отчим.

Всю дорогу я сопротивляюсь и пинаюсь ногами.

— Пустите! — Я пытаюсь высвободить руки, бешено верчу головой. Делаю все, что в моих силах.

Несмотря на протесты, меня волокут по длинному коридору к стерильной комнате. В центре стоит высокое кожаное кресло, немного смахивающее на стоматологическое, но с отверстием в подголовнике. Меня швыряют на кресло и силой удерживают на месте, пристегивая к нему наручниками.

Я кричу, брыкаюсь и даже умудряюсь укусить одного за ухо.

— А-а-ай! — Он резко бьет меня в челюсть.

— Хватит!

Головорезы вытягиваются по струнке, и мне удается перевести дыхание. Это Патрисия Джеймс в своем синем дорогом костюме. Ее безукоризненная прическа уложена волосок к волоску. Прямо-таки идеальный образ сильного и энергичного политика из Вашингтона.

Она изучает меня. Никогда прежде не встречала такой явной бесцеремонности — с другой стороны, мне и похищенной быть не доводилось.

— Неужели ты забыла, что Молли у нас?

С трудом сглатываю. Отчасти так и есть.

— Что вам нужно? — стиснув зубы, цежу я.

— Орудие. Путешественник во времени. Человек, который добудет для меня все, что угодно, чтобы изменить эту жалкую страну к лучшему. И судя по больничным снимкам… — От ее ухмылки у меня по телу бегут мурашки. — Это ты.

Глубоко вздыхаю. Внутри меня всю трясет.

— Ты все равно можешь умереть, но только так ты сумеешь спасти Молли, Джекса и свою маму. Это понятно? — Она скрещивает на груди руки, точно учитель, который ждет, когда я сдам домашнее задание.

Под ее пронизывающим взглядом я киваю, но в голове скрипят шестеренки. Я должна найти другой выход.

— Вот и хорошо. Мы можем стать друзьями, если сделаешь, что я скажу.

— Тоже мне, друзья, — презрительно ухмыляюсь я.

— Пф-ф!

Вдруг от открывшегося взору зрелища у меня стынет кровь. Бандиты втаскивают в комнату маму и швыряют ее на пол. Один из отморозков хватает ее за шею, удерживая на месте.

— Я не стану этого делать с дочерью! Ни за что! — вопит она.

Устало прикрываю веки и откидываюсь назад. Я через столькое прошла, чтобы спасти маму, и вот, несмотря на все мои усилия, она снова в опасности. Возможно, такова судьба. Возможно, мне это неподвластно. Возможно, мне ее не спасти. Но я не верю в это, ни на секунду не верю. Маму *можно* спасти. И всех нас тоже. Мне бы только понять, как.

Надо вернуться к первоначальному плану и отправиться в тот момент, когда все началось. Если я застану Рекса на месте преступления и сдам его полиции, это будущее не случится.

Это мой единственный шанс.

— Ты видела результаты сканирования, — говорит Патрисия. — Только так ты, вероятно, ее спасешь. У тебя нет иного выбора. Или мне привести сюда Молли?

— Нет! — вскрикивает мама. — Не впутывай ее во все это. — Она поднимается на ноги и кладет ладонь мне на плечо. — Мне так жаль. Прости меня, Лара.

С трудом сглатываю ком в горле.

— Другого выхода нет. Давай.

Мамины глаза застилает пелена. Я ее очередной подопытный. Они хотят открыть в ком-то способность путешествовать во времени, и я самый подходящий кандидат. Вот только Патрисия даже не осознает, что я ее злейший враг, и если мой план сработает — я ее уничтожу.

— Будет больно, — предостерегает мама.

Открываю глаза и стараюсь не смотреть, как она наполняет шприц. Когда в основание моего черепа входит игла, закусываю губу.

Стоит маме вынуть шприц, как я начинаю хватать ртом воздух, мертвой хваткой вцепившись в подлокотники.

— Мам? — дрожащими губами шепчу я.

В руках у нее металлическая трубка, которую она заводит сквозь дыру в подголовнике. С моего места мало что разглядишь, и сердце в груди начинает бешено колотиться.

— Я люблю тебя, детка, — шепчет мама и целует меня в щеку. — Если все получится, ты должна спасти Молли. Ты должна найти выход.

Едва заметно киваю, чтобы сенатор ничего не заметила.

Трубка касается кожи — и в следующее мгновение по моему телу пробегает волна обжигающего жара и холода. Глаза застилает белая пелена, которая вдруг расцвечивается всеми цветами радуги.

Адская боль!

Выгибаюсь дугой, откидываю голову и кричу.

После пыток, которые, кажется, длятся целую жизнь, в голове возникает картинка — дверь в подъезд жилого дома. Мой палец завис над кнопкой домофона с номером 302с.

На табличке рядом значится «Джойс Мейерс».

Глава 23

Дверь в квартиру 302с открывает молоденькая светловолосая девушка с простой прической и ошеломляющими глазами. Вот она какая, Джойс Мейерс. Нервно шагаю внутрь и протягиваю ей сумку с деньгами.

Та изучает содержимое.

— Это все?

Скрестив руки на груди, начинаю расхаживать по комнате. Самым важным было добраться сюда, но меня пробирает озноб.

— Да. Как думаешь, хватит?

— Чтобы освободить твоего отца? Не знаю. А вот чтобы навести справки о «Перемотке» и сенаторе — определенно. Я все проверю и свяжусь с тобой при первой же возможности.

Она кладет руку мне на плечо, и я благодарно улыбаюсь. Едва мы доходим до входной двери, как раздается дверной звонок.

— Ждешь гостей? — интересуюсь я.

Она бросается к двери и глядит в глазок.

— Прячься, живо!

Хватаю сумку и срываюсь с места. Опрометью влетаю в бельевой шкаф, с трудом восстанавливая сбившееся дыхание.

До меня доносятся голоса, один я уже где-то слышала. Достаю из кармана телефон и включаю видеозапись. В щели между перекладинами двери мне видно Джойс. Открыв рот и широко распахнув глаза, она вскидывает руки вверх в попытке защититься. Бандит с татуированной шеей закрывает ей рот тряпкой. Джойс пытается вырваться, но вскоре обмякает в его руках.

Зажимаю рот ладонью, чтобы не закричать. Мужчина опускает Джойс на пол, и в поле моего зрения появляется новое лицо. Патрисия Джеймс.

— В этот раз обставь все как самоубийство.

В этот раз.

Выключаю телефон, убираю его обратно в карман и, опустившись на колени, чтобы меня не заметили, зажмуриваюсь. Если я попадусь, мне не жить. Но это видео поможет мне разделаться с сенатором раз и навсегда.

— Ищите улики. И найдите мне ее информатора.

Остается только надеяться, что меня не найдут. Пожалуйста, не заглядывайте в шкаф!

Первым делом они отправляются на обыск спальни, и я, пользуясь подвернувшейся возможностью, украдкой выглядываю

и озираюсь по сторонам. Горизонт чист. Осторожно закидываю сумку на плечо и на трясущихся ногах припускаю к двери, которая находится всего в какой-то паре шагов от меня. Путь через весь коридор кажется нескончаемым.

Далеко за спиной слышу голос:

— Схватите девчонку, кем бы она ни была.

Испуганно взвизгнув, жму на все кнопки лифта подряд, а потом бросаюсь к лестнице.

Надеюсь, они меня не разглядели.

Очень надеюсь.

***

Открываю глаза. Не представляю, сколько я провалялась в отключке. Тело горит огнем. Руки и ноги трясутся от полного истощения. Со стоном переворачиваюсь на кровати. Меня уложили на больничную койку, но на этом сходство с больницей заканчивается. В комнате, не считая меня и кровати, совсем пусто. Пытаюсь подняться, но перед глазами все плывет, как в калейдоскопе. Прикрываю глаза ладонями и слышу, как отворяется дверь.

— Оклемалась? — Это сенатор. Она швыряет к моим ногам сумку. — Счета, денежные потоки, схемы исследований — все здесь, не хватает лишь одного.

Затрепетав ресницами, открываю глаза и смотрю вниз. Это моя сумка, в которой хранились все доказательства. Не осмеливаюсь поднять взгляд, прекрасно зная, что за этим последует.

— Где видео? — В ее голосе прорезаются нотки гнева.

— В сумке.

— Да я не про запись разговора с этой треклятой репортершей.

— А, вы о том видео, где заснято, как вы ее убиваете? — Открыв глаза, усмехаюсь. — Упс!

Она хватает меня за руку и оскаливается.

— Где оно?! Я тут с вами со всеми не в игры играю.

— Правда? А вы думаете, я надеюсь выбраться? Или что выберется моя мама? Вы нас ни за что не отпустите. Я довольно фильмов повидала, чтобы знать, что мы для вас слишком серьезная угроза. Нас всех просто подставят или уберут, так что не вижу причин вам помогать.

Опускаю голову на кровать и прикрываю глаза, чтобы успокоить бурю в животе.

— Если меня не отпустят, и я не позвоню вашему сыну, он

обнародует это видео через СМИ, — лгу я в надежде выиграть какое-то время.

— Ты рассказала моему сыну? — Ее голос опускается до шепота. — Он бы тебе не поверил.

— Думаете? А вы у него спросите.

Патрисия выходит за дверь.

Надеюсь, с Донованом все будет в порядке. Уверена, он сложит два и два и поймет, что замышляет его мать, однако рассчитывать на это я не могу. Не знаю как, но нужно выбраться из этой комнаты и найти Молли. Если я добуду карту памяти и обнародую ее содержимое, сенатора посадят за решетку. Только так можно спасти меня и мою семью.

***

— Не могу.

У меня вырывается стон, спина выгибается от боли. К моим вискам прикреплены электроды, а тело крепко пристегнуто ремнями к креслу. Лампы над головой становятся ярче. Их свет больно бьет по мозгам, но я не могу даже голову отвернуть.

— Еще раз, — скрипит зубами сенатор.

За пультом управления сидит Рекс. Он увеличивает мощность, и боль в голове усиливается.

Перед глазами встает коридор, который ведет к моей тюремной камере, но я сопротивляюсь, чтобы не отправиться в прошлое. Стоит мне показать им, на что я способна, и все — пиши пропало. Сенатор никогда не оставит меня в покое. Уж она-то постарается, чтобы я никогда не смогла вернуться в прошлое и исправить свои ошибки.

Напряжение столь высоко, что я опять не могу сдержать стон. Зубы выбивают дробь, а в уголке губ собирается слюна. Часть меня уже вырвалась из тела, но усилием воли я обуздываю себя. Крепко стискиваю подлокотники — просто так я не сдамся. Это как игра в гляделки, но чем дольше я держусь, тем больнее становится, тем сильнее телу хочется моргнуть.

— Хватит! — вскрикивает мама, пытаясь пробиться сквозь толпу отморозков из мафии, которые следят за каждым нашим шагом. — Ей же больно! У нее не получается.

— Лучше надейся на обратное.

— А не получится — так мне поручено подчистить все хвосты, — сообщает парень с татуировкой золотого дракона, — И ты, и твоя семейка — опасные свидетели.

Не вижу маму, но в ее голосе слышится страх.

— Позвольте вколоть ей какое-нибудь обезболивающее. Она

не может собраться с мыслями. Как можно хоть на чем-то сосредоточиться при такой боли?! Умоляю, дайте мне всего лишь пару минут.

— У тебя пять минут, — объявляет сенатор. — После этого должны появиться результаты, Миранда.

Пару мгновений спустя дверь с щелчком закрывается, оставляя нас одних. Мама нажимает на какие-то кнопки, и сдерживающие меня путы ослабевают. Напряжение в голове резко исчезает, словно лопнувший шарик. Мама делает мне укол, и я тут же, открыв рот, начинаю глотать воздух.

— Мам? — из последних сил шепчу я.

— О милая! — Она гладит меня по голове. — Надо придумать, как дать им то, чего они хотят.

Я качаю головой.

— Тем самым мы подпишем тебе смертный приговор, и они уже никогда от меня не отстанут. Я должна все исправить. И исправить прямо сейчас, мам.

— Но как? — хмурится она.

— Отправиться в прошлое, — с усталой улыбкой отвечаю я.

На ее лице читается растерянность.

— Но это же невозможно. У тебя несколько часов ничего не получалось.

— Я просто не старалась, а наоборот сдерживалась.

Мама сжимает мою ладонь.

— Ты можешь… можешь умереть.

— А могу и выжить. Если ничего не исправить, мне все равно конец.

Она смахивает слезинки со щек.

— Ты сильнее меня, Лара. Не представляю, как ты все это время держалась, но я тебя люблю. Прошу тебя, будь осторожней.

К этому-то я все время и стремилась.

— Куда отправишься?

— Даже не знаю.

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Пришло время повторить попытку. Боль возвращается с удвоенной силой. От каждого взмаха ресниц в глазах режет, как наждачкой. Во рту сухо, словно в пустыне. Если бы Рик меня не поймал. Если бы я нашла другой выход.

Комната начинает вращаться перед глазами. И стены, и пол — все вертится по кругу. Все, кроме меня. Я лежу на месте.

— Что за?..

Сердце бешено колотится в груди, и я хватаюсь за подлокотники кровати — комната вдруг исчезает. В кромешной тьме я плыву в пустоте, пока ноги не касаются земли. Воздух

наполняет легкие, и все вокруг становится на место, кирпичик за кирпичиком, будто я внутри модели «Лего». Появляется дверь, а затем и свет. Я вновь в коридоре, около квартиры Рика, стою рядом с собой.

Однако другая я застыла, как манекен, и, похоже, меня не видит.

Каким-то образом я вернулась назад. Мамин эксперимент сработал. Сенатор оказалась права — я действительно та, кого она искала. Головная боль уходит, как только рядом появляется Рик, но и он замер на месте, словно каменный. Мгновение вглядываюсь в его застывшее лицо.

— Прости, — шепчу я и выдергиваю свою сумку из его руки.

Когда до нас начинается доноситься рев музыки, лицо Рика оживает. Не дожидаясь, пока пройдет первое потрясение, бросаюсь к двери. В лицо ударяет холодный воздух. Я несусь во весь опор, руки усиленно работают взад-вперед. Эта гонка ценою в мою жизнь.

Рик бежит следом.

— Стой!

Мчусь мимо фургона, пытаясь прорваться к обочине. Прикрыв глаза, слышу за спиной какое-то движение, а затем выстрел. Пригибаюсь пониже и бросаюсь под прикрытие фонарного столба и старого газетного автомата. Поднимаю глаза на светящийся знак «Данкин Донатс», окутанный плотным, словно во сне, туманом. Под градом пуль он разлетается на осколки.

Прикрываю голову и тут слышу визг тормозов. Заградив меня от пуль, у обочины останавливается спортивная тачка Донована. Ныряю на пассажирское сиденье, пригибаю голову и кричу:

— Гони!

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Донован мчится туда, откуда только что приехал. Не сводя глаз с дороги, он находит и стискивает мою руку.

— Ты в порядке?

Киваю, прижимая сумку к груди.

— Не останавливайся.

— И куда ехать? — Он бросает на меня быстрый взгляд.

— В полицейский участок. Если я не вернусь, отнесешь им все эти документы.

— Не вернешься? Откуда? — Его голос полон тревоги.

— Из прошлого.

— Лара, ты говоришь какую-то бессмыслицу.

— Знаю, прости. — Закусываю губу. — На объяснения нет времени. Я должна все исправить, чтобы спасти отца от тюрьмы, а Молли — от похищения, и сделать это можно одним-

единственным способом. Я должна вернуться к самому началу.

Донован заезжает под старый заброшенный мост, вырубает двигатель и поворачивается ко мне. Он пристально всматривается в мое лицо, и я отвечаю тем же, ведь при следующей встрече, боюсь, от его любви ничего не останется.

— Как мы это сделаем? Нам надо проникнуть в «Перемотку»?

Качаю головой и нежно касаюсь его щеки.

— Уже не надо.

На лице Дона явственно проступает непонимание.

— С тобой не соскучишься, ты в курсе?

Со смехом наклоняюсь к нему. Издали доносятся вой сирен и торопливые шаги.

— Помни обо мне, когда меня не станет.

— Не говори так. Я никогда тебя не забуду, Лара.

В миг, когда наши губы встречаются, происходит волшебство. Меня с головы до пят, будто теплое одеяло, окутывают его любовь, понимание и сострадание. Мой разум раскрывается, и ко мне мгновенно возвращаются все воспоминания.

Все до единого.

Глава 24

У меня есть только пятнадцать минут.

Именно так я сотворила тот невообразимый хаос, в который теперь превратилась моя жизнь, но я могу все исправить.

Я должна.

Перехожу через дорогу и вижу переулок. Наблюдаю, как я, получив пулю, валюсь на землю.

Мама вскрикивает и падает на колени.

— О боже, — шепчет она и оглядывается через плечо. — Помогите! Кто-нибудь, помогите нам!

— С вами все будет хорошо, — обещает она, беспомощно глядя, как я лежу и предположительно умираю, хотя на самом деле просто постепенно перемещаюсь во времени. — Все будет хорошо.

Я припоминаю свои ощущения, но не могу отвлекаться, поскольку толпа все увеличивается. Перестаю обращать внимание на крики и вопросы людей и фокусируюсь на Рексе. Он убегает к мусорным бакам и стоящему в конце переулка забору из проволочной сетки. Срываюсь на бег, проталкиваясь сквозь толпу и распихивая попадающихся на пути зевак. Перепрыгиваю через распростертое тело.

— Эй! — кричит мама, но, кажется, не замечает, насколько я похожа на девушку, над которой она склонилась.

Хорошо.

Не сбавляя хода, перепрыгиваю мусорные баки и перемахиваю через забор.

Приземляюсь на корточки и вижу Рекса во всем черном, удаляющегося по улице. Он развил неплохую скорость, но ему от меня не скрыться. Делаю глубокий вдох и снова устремляюсь вперед. Старательно работаю руками и втягиваю воздух в горящие легкие. Так быстро я никогда не бегала.

Не свожу взгляда с Рекса. Когда он сворачивает за угол и направляется к торговому центру, принимаюсь молиться, чтобы я не потеряла его в толпе. Ускоряюсь и, повернув вслед за ним, чуть не падаю, запутавшись в собственных ногах. Рекс окружен людьми. Он замедлил бег и пытается отдышаться, но все равно опережает меня и уже почти добрался до парковки, где его, вероятно, ждет автомобиль, готовый умчать его подальше.

Я начинаю активнее проталкиваться сквозь толпу. Рекс всего в полуметре от меня, но тоже движется вперед, а я уже выдыхаюсь.

— Рекс! — из последних сил кричу я.

На секунду замерев, он оборачивается и видит меня. На его лице вспыхивает замешательство, и до меня доходит, что этот Рекс меня еще не знает.

— Я же тебя застрелил?

— А вот и нет.

Стиснув зубы, подлетаю к нему и, размахнувшись, засвечиваю кулаком в лицо и направляю мощный пинок под дых. Рекс как подкошенный падает на тротуар. Лежа на животе, он силится подняться, но я бью его коленом по почкам, отчего он снова валится на землю. Оседлав Рекса, сижу на нем, стараясь давить всем весом, чтобы он не сбежал, а тем временем люди вокруг начинают обращать на нас внимание.

— Что здесь происходит? — спрашивает кто-то.

Поднимаю голову, утирая слезы.

— Он пытался убить леди… там, у башни Рекордз. Кто-нибудь, вызовите полицию. Оружие все еще при нем.

Слегка хлопаю коленом по карману брюк Рекса и чувствую очертания пистолета. Он не избавился от оружия. У него не было времени, чтобы подставить папу. Рекс сделал бы это, будь у него подобная возможность, и лишь поэтому он все еще не прыгнул обратно во времени.

И именно это спасет меня и станет его концом.

Люди вокруг нас звонят в службу спасения. Возле меня с ужасом на лице присаживается на корточки мужчина.

— Милая, тебе не следовало за ним гнаться. Что, если бы он причинил тебе вред?

Я самодовольно ухмыляюсь.

— Он вряд ли, но он работает на Патрисию Джеймс. Вот она опасна.

Мой собеседник хмурится.

— Генеральный директор «Перемотки»?

Пока мы ждем полицию, народ следит, чтобы Рекс никуда не делся. Полицейские приезжают, снимают со всех свидетельские показания и арестовывают негодяя. Оказывается, я не единственная видела его. Одна старушка сообщила о мужчине с похожим описанием, который убегал по переулку. Теперь у полиции есть основания ей верить.

Благодаря мне. Благодаря моему дару.

Но если я хочу спасти семью, мне нужно от него избавиться. Я больше не могу путешествовать во времени.

Когда появляются репортеры с камерами, я исчезаю. Иду в супермаркет и нахожу пустой ряд. Глажу пушистые полотенца и улыбаюсь камере наблюдения надо мной. Думаю о маленьких Майке и Молли, о папе, маме… и Джексе. Не знаю, что готовит

будущее всем нам, но я готова его встретить.

Готова оставить это прошлое позади.

Глава 25

Тук-тук-тук.

Открываю глаза и понимаю, что лежу на кровати. Комнаты, где я росла в доме Джекса, больше нет. Вокруг кирпичные стены, и кровать не такая широкая, как была в той спальне.

Я снова в Чарльстауне.

Но это комната побольше, чем та, в которой я спала, когда мы жили вдвоем с папой. Стук повторяется, и дверь приоткрывается. Я приподнимаюсь на локтях. В комнату заглядывает папа.

— Он скоро приедет. Как насчет того, чтобы вылезти из постели?

— Папочка!

У меня перехватывает горло. Соскакиваю с кровати и бросаюсь к нему на шею. Глубоко вдыхаю мускусный запах папиного лосьона после бритья. Его руки сжимают меня в крепких объятиях — именно таких, как я помню. Кажется, будто с нашего последнего объятия прошли годы. И мне так жаль, что я хотела променять все это. Безумно жаль. Мне хочется рассказать ему обо всем, но я не произношу ни слова.

Ни слова.

— Ну надо же, обычно, когда я бужу тебя по утрам, меня ожидает гораздо менее теплый прием. Как правило, ты бурчишь и рычишь.

— Я не рычу, — усмехаюсь я. — Это Искра рычит. — Делаю вид, будто закатываю глаза, но, кажется, выгляжу не очень убедительно.

Папа смотрит на меня так, словно у меня выросла вторая голова.

— Ну ладно, одевайся. Как раз успеем позавтракать, прежде чем за тобой заедут.

Как только он уходит, я развиваю бурную деятельность. Прихожу в восторг, увидев, что мой шкаф больше не напоминает гардероб куклы Барби. Все стразики исчезли, хотя несколько блесток все же осталось. Ходить в обычных джинсах и майках с блестками гораздо удобнее, чем в джинсах в обтяжку и туфлях на платформе.

Это я сумею.

Оставляю волосы свободно виться. Подбираю валяющуюся в углу сумку и просматриваю ее содержимое. Мой телефон опять черного цвета, а в кошельке я нахожу ученический билет.

Лара Крейн.

Зажмурившись, произношу благодарственную молитву. Спешу на кухню, чтобы позавтракать с папой. Мы лишь вдвоем, и я наслаждаюсь его горелыми тостами, яичницей и соком. Мой любимец сидит под столом у меня в ногах, и я скармливаю ему кусочки бекона. Он счастлив, как и я. Почесывая голову Искры, улыбаюсь папе. Из соседней комнаты доносится скрип, и папа встает из-за стола.

— О, она наконец-то встала.

Когда он возвращается в кухню, я оборачиваюсь и вижу маму во фланелевой пижаме. Она потирает свой живот. Он огромный. Мама беременна. Я таращусь на нее во все глаза.

— Мамочка, — шепчу я и бросаюсь к ней.

Она крепко обнимает меня.

— Доброе утро, принцесса. А мы наконец-то придумали, как ее назвать. Нас озарило ночью.

— Молли? — скептически предполагаю я.

У мамы на губах расцветает ангельская улыбка.

— Молли. — Она целует меня в лоб, и я кладу руку на ее живот, в котором толкается моя маленькая сестричка. — Посиди со мной, пока я буду завтракать, ладно?

Мама опускается на стул и кладет руки на живот.

— Куда ты сегодня собираешься?

— В школу, — отвечаю я, надеясь, что это правильный ответ.

Папа возвращается с тарелкой, наполненной яичницей и тостами для мамы.

— Спасибо, — широко улыбается она и ласково проводит ладонью по его щеке. — Ты слишком хорош для меня, Джон.

Папа целует ее так, словно любит больше жизни.

— Кто бы мог подумать, что мы в таком возрасте будем готовы снова стать родителями!

Мама сияет.

— Всегда хотела быть мамочкой-домохозяйкой для Лары, но у меня не было возможности. А теперь есть.

— Ты не работаешь?

Мама выглядит задетой.

— Я работаю… здесь. Нелегко, знаешь ли, растить в себе новое человеческое существо и поспевать за тобой и всеми твоими занятиями. — Она кусает тост.

— Прости, я не имела в виду ничего такого.

Она улыбается.

— Ступай умойся перед школой. Твой друг скоро будет здесь.

Я чуть не забыла почистить зубы. Торопливо иду в ванную, включаю свет и нахожу свою зубную щетку. Какая-то деталь в собственном отражении меня смущает. Откидываю назад волосы

и вижу еле заметный след на шее, куда мне всадили заряд шокера. Но это же было в другой временной линии. Он должен был исчезнуть, как и рана от пули, когда меня подстрелили в переулке, так?

Что происходит?

Почистив зубы, кладу щетку и пасту обратно в шкафчик. Закрывая дверцу, цепляюсь пальцем за острый угол. Кривлюсь от боли, на кончике пальца проступает капелька крови. Чувствую, как поднимается давление, и комната плывет перед глазами, наполняясь туманом.

Неожиданно я оказываюсь не в ванной, а в большой стерильной комнате, и я привязана к каталке. Пикают какие-то аппараты, и я задыхаюсь, часто дыша и чувствуя, как лихорадочно бьется сердце. Тугие ремни стягивают запястья и предплечья. В дюжине разных мест торчат иголки. Глаза сухие, словно высохшая кожура винограда, так что я даже моргать не могу. У меня получается лишь слегка потянуться, выгнув спину.

Кругом в панике носятся какие-то люди.

— Она очнулась! Очнулась!

Я изгибаюсь дугой.

— Отпустите меня! Помогите!

Надо мной склоняется Рекс. Он нежно убирает волосы с моего лица.

— Успокойся, Лара. Успокойся, — ласково и успокаивающе говорит он, отчего я вся покрываюсь мурашками. — Твой дядя Рекс здесь. Обещаю, он о тебе хорошо позаботится. — Он поднимает голову и зло рычит: — Сделайте ей еще инъекцию.

— Кажется, она сопротивляется…

— А мне плевать. Тогда удвойте дозу. Утройте. Мне нужен результат. Любой ценой.

Мне что-то колют, и через мгновение я уже потираю лоб. Открыв глаза, обнаруживаю, что сижу в машине с Риком. Кручу головой, не понимая, как здесь очутилась и куда мы едем. Но я с Риком, а это все, чего мне хотелось. Так почему же мне так страшно? И почему я так расстроена?

Рик заезжает на школьную парковку, тормозит и поворачивается ко мне. Он играет с моими кудрями — такое приятное чувство. Рик тянется ко мне, собираясь поцеловать, и я закрываю глаза. Наши губы встречаются, и все в этом поцелуе идеально. Я так скучала по Рику, но в голове вспыхивают воспоминания о Доновane. Грудь стискивает чувство вины, и когда уже кажется, что у меня есть все, что нужно, я отстраняюсь.

— Лара, что с тобой? Ты странно себя ведешь с того самого момента, как села в машину.

Сомневаюсь, что я вообще когда-нибудь смогу вести себя как раньше, если только они не сотрут мне память и я не забуду все, что видела и сделала за последние несколько дней.

— Извини, просто голова болит. И маме… скоро рожать. Дома столько всего происходит. Но я рада, что ты здесь, — улыбаюсь я ему.

Когда Рик улыбается мне в ответ, я понимаю, что он купился. Чтобы окончательно его убедить, наклоняюсь и снова его целую, игнорируя угрызения совести. У меня такое чувство, будто я доедаю последнее печенье, которое кто-то другой приберег для себя.

У меня был Рик, был Донован, а теперь снова есть Рик. Как бы глупо это ни звучало, я жалею Лару, которая потеряла Донована, так, словно она абсолютно другой человек. Она совершенно не походила на меня, но теперь у меня есть все ее воспоминания. Она была и в то же время не была мной. Найти в этом хоть какой-то смысл и попытаться дать всему рациональное объяснение сложно, поэтому я просто решаю больше об этом не думать.

— Проводишь меня до шкафчика?

Рик кивает. Мы выходим из машины, и он кладет руку мне на плечо. Кажется, именно так все и должно быть.

Как только мы заходим в школу, из ниоткуда возникает Кристина, широко улыбаясь и приплясывая на месте. Она, кажется, совершенно не меняется, в какой бы временной линии мы ни находились.

— Приветики! Я уж думала, вы опять прогуляете английский.

— Не прогуляем.

Направляюсь к своему шкафчику, сомневаясь, вспомню ли я комбинацию на замке, но как только начинаю поворачивать механизм, цифры сами всплывают в голове. Из шкафчика выпадают учебники, и я наклоняюсь за ними.

— Давай помогу, — предлагает Рик и протягивает мне несколько книг.

На полу остается голубой листок бумаги, и Рик поднимает и раскрывает его.

Этот цвет кажется знакомым, и у меня замирает сердце.

— Что это значит? — Рик протягивает мне листок.

Мгновенно узнаю почерк. Неудивительно. Он ведь мой.

«*Ничего еще не закончено*».

Я так мечтаю, чтобы все закончилось. Не хочу больше скакать по времени туда-сюда. Если спасения мамы, папы и Молли недостаточно, чтобы сделать меня счастливой, что же тогда мне нужно?

— Так что это значит? — снова интересуется Рик.

Пожимаю плечами.

— Кто его знает. Наверное, кто-то из ребят подбросил.

Скомкав бумажку, забрасываю ее обратно в шкафчик и захлопываю дверцу.

***

На уроке все ведут себя так, будто мне здесь самое место, но я чувствую себя не в своей тарелке. Механически вытаскиваю из рюкзака учебники, нахожу карандаш, но как только мне кажется, что я успокоилась, в класс заходит Донован.

Грудь стискивает от боли. Он выглядит невозмутимым и одет с лоском. Когда-то я ненавидела в нем все — от черных солнцезащитных очков до высокомерного пижонства, но теперь, когда я подмечаю все эти мелочи, мне хочется рвануть к нему навстречу.

Дон садится в ряду напротив, кладет на стол тетрадь и снимает очки. Он смотрит на меня, заглядывая прямо в душу.

— У тебя нет лишней ручки?

— У меня? — Я запинаюсь. — Н-нет, прости.

Он издает стон и, закинув руку на спинку стула, подмигивает девушке в соседнем ряду. Этот Донован — игрок на публику, плейбой-одиннадцатиклассник. Я же скучаю по серьезному, ласковому и заботливому парню, которого я знала.

— Ну ладно, в любом случае спасибо. Ты ведь Крейн, правильно?

— Лара. — Я протягиваю руку, чувствуя себя идиоткой, но он все равно ее пожимает.

— Твою маму зовут Миранда, точно? Сто процентов мама рассказывала, как мы несколько раз играли вместе, когда были детьми, прежде чем твоя мама уволилась. — Он закусывает губу и присвистывает. — Какая жалость.

— Какая жалость, что моя мама уволилась, или какая жалость, что мы перестали вместе играть?

Он усмехается, показывая ямочки на щеках.

— Возможно, и то, и другое.

Я смеюсь и качаю головой. Учитель начинает урок, и я поворачиваюсь вперед, но совершенно не вникаю в смысл того, что он говорит. С таким же успехом он мог быть одним из тех взрослых в мультике про Чарли Брауна, которые бормочут «бла-бла-бла». Задерживаю взгляд на висящих на стене часах. Стрелки вращаются в обратную сторону. Сначала мне кажется, что назад движется лишь секундная стрелка, но потом я понимаю, что и минутная идет в обратном направлении. Время бежит назад.

Поворачиваюсь и смотрю на одноклассников, но, кажется, никто, кроме меня, этого не замечает. Сажусь прямо и моргаю. Стрелки снова начинают двигаться вперед.

Я схожу с ума.

Потираю лоб, мечтая понять, что вообще происходит.

— Раскройте, пожалуйста, ваши учебники на двести сорок пятой странице.

Вздохнув, открываю книгу, но все страницы в ней пустые, как в блокноте. Половина класса поднимает на меня взгляд, когда я с шумом захлопываю учебник. Учитель упирает руки в боки, и щеки у него постепенно становятся одного цвета с его обгоревшей на солнце лысиной. Втянув голову в плечи, снова открываю учебник, но на этот раз все слова на месте.

Я так больше не могу. Встаю из-за парты и выбегаю в коридор. Нахожу женский туалет и, захлопнув за собой дверь, прислоняюсь к ней с обратной стороны с закрытыми глазами. Пытаюсь успокоиться, делая глубокие вдохи. Потом подбегаю к раковине и плещу воду в лицо. Не представляю, что со мной происходит, или с кем можно поговорить, чтобы все исправить. Вероятно, ни с кем. Может быть, это мое наказание за игры со временем.

Набираю воды в ладонь и жадно пью. Мне уже лучше, я почти восстановила контроль над собой. Выпрямляюсь и смотрю на себя в зеркало. За моей спиной появляется чья-то фигура.

Это женщина с фиолетовыми волосами.

Глава 26

Ее видели в тюрьме, где сидел отец. Мама назвала ее призраком. Я предупреждала о ней Майка.

А сейчас она стоит прямо передо мной.

Резко поворачиваюсь и оказываюсь с ней лицом к лицу. В длинных волосах мелькают фиолетовые пряди, на носу солнцезащитные очки, тело обтягивает кожаный костюм. Я не знаю, кто она и чего хочет, но ее присутствие здесь не предвещает ничего хорошего.

Абсолютно ничего хорошего.

— Подойдешь ближе — и я закричу, — предупреждаю я.

Она улыбается — улыбка совсем незлая, — и затянутыми в перчатки руками снимает волосы. Это что, парик?!

— Всегда его надеваю, когда работаю. Придает мне больше загадочности. — Она трясет головой, и ее собственные длинные кудри рассыпаются по плечам. Они очень похожи на мамины. Она снимает очки, и у меня подгибаются колени. Нащупываю сзади раковину, упираюсь в нее руками — иначе точно рухну — и робко спрашиваю:

— Ты — это я?

Она подхватывает меня, не дав упасть.

— Будь сильной, Лара. Ты уже так далеко дошла, ты справишься.

— Что происходит?! Выкладывай!

— Из машины Донована ты так и не выбралась. Тебя настигли раньше, чем ты успела прыгнуть назад во времени. Они просто хотят, чтобы ты думала иначе.

— Но я бы запомнила… — шепчу я.

Она качает головой.

— Замена воспоминаний, помнишь? Твои воспоминания забрали и заменили на нужные им.

— Зачем?

— Хотят выяснить, где спрятано видео, и уничтожить его, чтобы на пути сенатора и Рекса больше ничего не стояло.

С трудом сглотнув, закрываю глаза.

— Получается, мама… папа… Рик…

— Ничего этого нет. Понимаю, сложно осознать, но я тебе помогу. Нам нужно все исправить.

— Выходит, в твоем прошлом… — Кусочки головоломки складываются в единую картину. — В *твоем* прошлом Рекс добился своего. Ты не спасла Молли. Не спасла маму и папу. И у сенатора есть полномочия превращать обычных людей в

путешественников во времени? Так любых ее противников можно остановить. Благодаря путешествиям во времени.

— Все вышло совсем не так, как мы хотели, — шепчет она.

— Так это ты писала мне те записки! — Я понимаю, что права, еще до того как она успевает кивнуть. — Люди Рекса похитили меня тогда, в отделении «ИМКА», отвезли в свой центр и проделали то, что проделывают со мной сейчас. Потому ты и оставляла записки.

— Боюсь, что так.

— В новостях говорили, что ты была в тюрьме, когда ранили папу. Ты хотела его убить?

— Наоборот, проследить, чтобы он выжил.

Пытаюсь проглотить тугой комок в горле.

— Но если я сейчас у них в руках, как мне выбраться? Разве я не превращусь в… тебя?

— У тебя еще есть время, чтобы очнуться и спасти Молли. Спасти всех. Но это будет непросто.

Киваю и слушаю.

— Пока ты здесь, там воцаряется хаос. На «Перемотку» нападают из-за их незаконных опытов на людях. Тебя ищет Донован. Наш отец, услышав о твоем похищении, сбежал из больницы, чтобы тебя найти.

Зажмуриваюсь. Сколько вреда! Сколько боли!

— Можно ли вернуться в прошлое еще раньше? Чтобы все исправить?

— Нет, раньше нам отправляться нельзя, иначе только сильнее все запутаем. Я сделала все возможное, чтобы ты оказалась здесь.

Она шагает назад. Боясь, что Лара растворится в стене или сделает еще что-то в этом роде, хватаю ее за руку.

— Что случилось с тобой? С нами?

Я вижу, что Лара готова расплакаться, но она берет себя в руки.

— Рекс меня сломал. Воспоминания стали для меня важнее настоящей жизни. Ее просто не было. Тот счастливый мир, что он создал, стал для меня самым главным, и Рекс использовал все это, чтобы меня контролировать. Заставлять делать то, что он хочет. Чего они хотят. — На лице Лары проступает безграничное отчаяние. — Сенаторы, правительство… Я столько всего изменила, что больше не узнаю ни страну, ни мир. Рекс разбогател, я же… не получила ничего. Люди работают, но без души. В мире не осталось уверенности. Это не только моя вина, но начало положила я. Мы. Ты должна остановить это безумие. Должна как-то выбраться отсюда и сделать это раньше, чем

полиция по неведению передаст власть женщине, которая уничтожит нашу страну.

— Но как мне выбраться?

— Не знаю… Я так и не нашла выход — правда, толком никогда и не пыталась искать. Ты должна сделать это, Лара.

— Если происходящего не существует, если это придуманное воспоминание, как ты здесь очутилась? Как мы вообще разговариваем?

— Потому что когда-то я здесь была. — На лице Лары ужас — она явно вспоминает что-то, о чем я еще не знаю. — Когда-то я жила в этой виртуальной реальности. А значит, она существует в прошлом, в которое я легко могу возвращаться. Но ты на самом деле должна попрощаться и выбраться отсюда. И побыстрее. — С этими словами она растворяется в воздухе. Прямо у меня на глазах!

И я остаюсь одна. Нет безопасной гавани, нет дома. Нужно найти способ сбежать из своей утопически-блаженной, но фальшивой жизни, иначе мне конец. Конец всему.

Если я поверю, что она не мираж.

Если я поверю, что не сошла с ума.

Глава 27

Я умираю с голода, поэтому отправляюсь на обед. Не уверена, как могу быть голодной в вымышленном мире, но так оно и есть. Денег у меня немного, но на сэндвич и бутылку молока хватает.

Общение с другими учениками не входит в список моих приоритетов, так что я сажусь одна. Разворачиваю вощеную бумагу, в которую завернут сэндвич, и она шелестит в руках. Бумага кажется вполне реальной на ощупь. Но я знаю, что это не так.

Конечно, это если я не сошла с ума, и фиолетовая леди не игра моего воображения. Но, по-моему, это не так. Я во многих вещах ошибалась, но никогда не ставила под сомнение собственный рассудок. Может, и зря. Может, стоило радоваться тому, что у меня было.

Сэндвич очень вкусный, а молоко утоляет жажду. Каким образом воспоминание может так насыщать? В кафетерии шумно. Школьники смеются, наслаждаясь жизнью. Как все это может быть выдумкой? Вероятно, эта реальность, если ее можно так назвать, построена таким образом, чтобы работать за счет накопленных мною воспоминаний. Я пила молоко и ела тунец миллион раз. Я уже знаю, какой у них вкус, это не новый опыт.

Вот что мне надо сделать. Нужно найти и попробовать что-то новое и посмотреть, что произойдет. Может, я увижу пустоту, как в учебнике в классе. Молюсь, чтобы так оно и оказалось, потому что если нет, то моя жизнь, несомненно, превратится в полнейшее безумие.

Становлюсь в конец очереди, чтобы прочитать меню. Надо отыскать что-то, чего я никогда в жизни не пробовала. Список блюд в меню напоминает ресторан фаст-фуда: бургеры, картошка фри, сэндвичи с фрикадельками. Все это я уже ела. Есть еще овсянка с медом, но ее брать нельзя, потому что на мед у меня аллергия. Мой ищущий взгляд останавливается на особом вегетарианском бургере. Я ярый приверженец поедания мяса и никогда в самых страшных кошмарах не купила бы бургер с фасолью.

То, что нужно.

Шарю в рюкзаке в поисках мелочи, но не нахожу ни цента. Издаю громкий раздраженный вздох, и тут сзади кто-то откашливается.

Это Донован. Он протягивает скомканную пятерку, и у меня изумленно распахиваются глаза.

— Не хочу, чтобы моя подруга детства ходила голодной, —

очаровательно улыбается он мне.

Поблагодарив, покупаю вегетарианский бургер и направляюсь с подносом обратно к столу. Донован всю дорогу следует за мной, болтая без умолку, а потом садится напротив.

— Ты раньше никогда не обращал на меня внимания. Почему бы тебе не отправиться к своим друзьям?

Снимаю верхнюю булочку, перекладываю котлету на тарелку и гляжу на нее, как на смертельного врага. Приближается момент истины, но я еще не готова ее кусать.

Пожав плечами, Дон опирается на стол.

— Я обращал. Трудно было тебя не заметить с такими волосами и глазами.

Даже сейчас Донован само обаяние, но если я в своем уме, то он ненастоящий. Просто дымовая завеса. Если же я ненормальная, что ж… Мне не очень хочется об этом думать.

— Я с Риком, — говорю я, чтобы поддержать иллюзию.

Он обиженно выпрямляется.

— Да, так говорят.

— О, так ты обсуждаешь меня с другими?

— Мне же надо было узнать, чем ты живешь. Почему бы тебе самой мне все не рассказать?.. — Он опускает взгляд на мою тарелку. — Ты на низкокалорийной диете, что ли?

— Не совсем.

— Полей ее хотя бы кетчупом. Не можешь же ты съесть ее вот так.

— Конечно, могу.

Притворно улыбаюсь и беру котлету в руки. Дон начинает ощутимо нервничать. Закрываю глаза и откусываю кусочек. Котлета теплая и мягкая, но совершенно безвкусная.

Совершенно.

Я не чувствую даже вкуса черной фасоли, которую папа всегда тайком клал в свое чили, потому что терпеть не мог красной. Пережевав, глотаю и отпиваю молока, полностью довольная собой.

Донован как на иголках, все время ерзает на месте.

— Ну и как она на вкус?

— Идеальна.

Кажется, он испытывает облегчение. Звенит звонок, и Донован предлагает:

— Не против, если я провожу тебя на урок? А после школы я мог бы отвезти тебя и купить настоящий бургер.

Кладу руку ему на грудь, чтобы удержать на месте.

— Я знаю, зачем ты здесь. Знаю, зачем они тебя послали. — Он растерянно смотрит на меня. — Они думали, что Рик сделает

меня счастливой и заставит сказать, где я спрятала карту памяти. Но когда этого не случилось, когда они увидели, как сильно я тоскую по тебе, то план изменился. Но ничего не выйдет, Донован. Я не желаю… этого.

— Не понимаю, о чем ты. — Его взгляд темнеет, и он зло смотрит на меня. — Ты что, на таблетках?

Как бы они не контролировали образы и все, что мне говорят другие, их настоящие эмоции как-то прорываются в этот мир, а значит, есть надежда, что мои чувства смогут прорваться наружу. Если мой разум считает, что все здесь реально, может, и мое тело в это поверит. Вспоминаю все те дрянные фильмы, которые меня заставляла смотреть мама Рика.

В одном фильме путешественник во времени из начала девятнадцатого века нашел в кармане медный пенни из семидесятых годов двадцатого века. Это разрушило иллюзию и заставило его вернуться в собственное время. А еще, помню, в одной серии старого сериала «Звездный путь» показывали, как одного из героев убили в виртуальной реальности, и он умер в реальном мире, потому что верил в иллюзию.

Вспоминаю, как я поранила палец, и на короткое мгновение вырвалась из фантазии. Вот что мне надо сделать. Надо причинить себе такой вред, чтобы они были вынуждены вытащить меня, убрать все иголки и подлечить.

Оставив Донована стоять в коридоре, возвращаюсь в туалет. Убеждаюсь, что все кабинки пусты, и заклиниваю дверь. Потом разбиваю кулаком зеркало. На это уходит не одна попытка, так что я продолжаю наносить удары, пока оно не трескается. У меня болят костяшки пальцев. Я вижу, что они покраснели, но крови все еще нет.

Еще один удар — и зеркало разлетается на осколки. Я вижу порезы в нескольких местах, и резко втягиваю воздух от боли. Бережно прижимая руку к груди, замечаю кусок стекла, торчащий из одного пореза.

Вместо того, чтобы вытащить, начинаю раскачивать осколок в ране. Дикая боль заставляет меня вскрикнуть — и дело сделано.

Туалет начинает затягиваться дымкой, и следующий вздох я делаю уже своими настоящими легкими.

Глава 28

Реальный мир причиняет гораздо более сильную боль, чем раненая рука.

Выгибаю спину и кричу, шаря глазами по комнате. Взгляд останавливается на плитке, которой выложен потолок, и вдруг я ощущаю, как чьи-то руки прижимают мои предплечья, пытаясь меня обездвижить. Но я сопротивляюсь, напрягая каждый мускул.

Вокруг какие-то люди, которые успокаивают меня, уверяя, что мне станет легче, что все будет хорошо, но я им не верю. Они хотят меня уничтожить.

Высвобождаю одну руку и царапаю кому-то из бандитов лицо. Раздается крик, и он отскакивает назад. Пытаюсь подняться и сесть, но не получается. Я трепыхаюсь изо всех сил, но мои руки пригвождают к кровати. Ничего не выходит. Мне не вырваться.

Слышу голос Рекса. Поднимаю взгляд и вижу его самодовольное лицо, в то время как он ласково отводит волосы с моего лица.

— Дорогая Лара, а ты знаешь, как усложнить себе жизнь, а?

— Ты обещал, что это будет просто, — произносит знакомый голос Патрисии. Она подходит так близко, что попадает в поле моего зрения, и останавливается, сложив руки на груди и зло нахмурившись. — Сказал, что сможешь ее сломать.

— Без труда не выловишь и рыбку из пруда, — заявляет Рекс и накрывает мне рот и нос маской.

Глубоко вдыхаю и мне кажется, что воздух какой-то затхлый. Изо всех сил ерзаю, пытаясь освободиться, однако все равно не представляю, куда смогу податься, если вырвусь. Перед глазами опять все плывет, но вместо темноты я погружаюсь в пустоту.

Тут нет никаких красок. Нет ничего живого.

Одна пустота.

Глава 29

— Ты не подашь мне тот серпантин?

Моргаю, уставившись на руки. Одна перемотана, а в другой я сжимаю розовый серпантин. Протягиваю его папе, который балансирует на стремянке. Вся комната украшена в розовых тонах. Здесь и воздушные шарики, и гирлянды, и транспарант с надписью «Добро пожаловать, наша крошка!» Не представляю, что вообще происходит. Помню, что была в школе, на обеде, а после этого — пустота.

Мне надо заняться чем-то другим, чем-то важным, но вот чем?

— Скоро приедут гости. Может, пойдешь разольешь пунш? — спрашивает папа, торопливо спускаясь по лестнице. Он отодвигает ее в сторону. — Давай, Лара, поживее.

В голове у меня что-то щелкает, и я спешу на кухню. Достаю из холодильника чашу с пуншем и ищу бокалы и ковш. Только ставлю чашу на стол, как кто-то звонит в дверь. Приехали гости. Я приглашаю их в дом и принимаю подарки.

Как только все в сборе, мы приглушаем свет и тихонько ждем, пока приедет мама. Поначалу она нас не замечает. По-моему, она выглядит просто красавицей в обычном свитере и со свежей прической только что из салона.

Включаю свет, и все выскакивают с криками «Сюрприз!» Отовсюду раздаются звуки гудков и сыпется конфетти. Мама смеется, прижимая руку к груди.

— Ну и кто решил, что напугать беременную женщину — это хорошая мысль?

— Это была моя идея, — выхожу я вперед и лучезарно улыбаюсь, когда она крепко прижимает меня к себе. Как же здорово быть с ней так близко!

— Ты самая лучшая, малышка, — говорит мама и целует меня в лоб.

Папа подходит и стискивает нас обоих в объятии.

— Люблю групповые обнимашки, — заявляю я, чувствуя себя настолько счастливой и довольной жизнью, что не уверена, хочу ли быть сейчас где-то еще.

***

Когда гости расходятся, я созваниваюсь с Риком, а потом помогаю маме развесить детские одежки на крошечные вешалочки. Платьица ужасно красивые, а ползунки мягкие, как

пух. Не верится, что у меня скоро будет сестричка.

Мама слегка улыбается.

— Трудно представить, что когда-то ты тоже была такой маленькой. Ты рада?

— Я всегда хотела братика или сестричку. Обещаю, что буду о ней заботиться.

Мама садится в кресло-качалку, и я вижу, как ей неудобно.

— Знаю, что будешь. Вот что в тебе самое удивительное. Ты обо всех заботишься. Я никогда не волновалась насчет твоей сердечности, Лара.

Откладываю в сторону оставшуюся детскую одежду, и на мгновение перед глазами мелькает образ медальона на груди маленькой девочки. Рассеянно потираю лоб.

— С тобой все в порядке? — спрашивает мама.

— Да, просто странная головная боль.

На ее лице вспыхивает озабоченность.

— Почему бы тебе не прилечь? А я принесу обезболивающее.

Она неуклюже выбирается из кресла-качалки, и я иду к себе.

Ложусь в кровать, и меня окутывает комфортом. Под головой мягкая подушка. На прикроватной тумбочке вижу фотографию с моего десятого дня рождения. На ней мы с мамой и папой и куча детишек, которые пришли ко мне на вечеринку в боулинг-клуб.

Снимок вызывает у меня улыбку, и я касаюсь стекла, вспоминая такое же фото. Только на нем были лишь мы с папой. Мамы рядом не было.

Потому что мама была мертва.

Воспоминания и образы последних нескольких дней накрывают меня, как несущийся на полной скорости грузовик, оставляя меня оглушенной и парализованной. Все, что в моих силах, — это успокоиться, подумать и осознать тот факт, что последние несколько часов, проведенные с мамой, ее друзьями и нашей семьей, были фантазией. Мне нужно выбраться отсюда и разыскать мою настоящую маму и Джекса. Обо мне беспокоится столько людей, и — давайте это признаем — я понятия не имею, сколько потеряла времени. Я не знаю, сколько Рекс удерживает меня в плену: несколько часов, дней или даже больше?

Как долго он пытается выудить у меня информацию? Я больше не могу терять ни минуты.

Пытаюсь себя поранить, но это не приносит желанного результата. Придется попробовать что-то более экстремальное. Но что?

Входит мама и протягивает мне две таблетки и стакан воды.

— Вот. Полежи, пока тебе не станет лучше. А потом мы сделаем попкорн и посмотрим какой-нибудь фильм.

Звучит здорово, но я здесь не ради этого. Мама убирает мои волосы со лба и оставляет на нем нежный поцелуй. Закрываю глаза и грущу об этой реальности, хоть она и вымышленная. Хотела бы я остаться здесь.

Не обращая внимания на таблетки, спускаю ноги с кровати и сажусь на краю, чтобы подумать. Есть масса вариантов, как мне себя разбудить. Но какой из них окажется достаточно мощным, чтобы им пришлось меня переместить, отключив от оборудования и дав моему телу минутный отдых? Мысленно проглядываю ресторанное меню, из которого мне надо выбрать что-то одно.

Мед.

Иду в кухню. Проходя мимо ванной, вижу маму, которая держится за живот.

— Джон… Лара… По-моему, пора!

Она всего лишь галлюцинация, так что игнорирую ее и иду дальше. Шарю по шкафчикам, пока не нахожу тот, где хранятся специи и сахар. Раздвигаю банки в стороны, чтобы не мешали, и улыбаюсь, когда в руке оказывается баночка меда. Изучив милого пластикового мишку, откручиваю крышку. Припоминаю, как случайно съела меда, когда мне было шесть, и как больно мне тогда было. Я вся распухла, и гортань сомкнулась буквально за пару минут.

— Похоже, мы устроили вечеринку по случаю рождения малышки как раз вовремя! — кричит папа из коридора. — Лара, надевай пальто, нам надо ехать в больницу.

Наклоняю баночку и запрокидываю голову. Понятия не имею, сколько мне надо, но проглатываю не меньше чайной ложки, а может, и больше. Густые струи текут по языку. Мед оказывается сладким, по-настоящему вкусным.

Не могу вдохнуть, чувствую, как начинают надуваться щеки. Даже не пытаюсь позвать родителей, боясь, что у них окажется какое-нибудь лекарство против аллергии, и все прекратится. Сердце бешено колотится по мере того, как гортань распухает настолько сильно, что я не могу ни сглотнуть, ни издать последний вскрик.

Мир вокруг тускнеет, и у меня начинаются судороги. Падаю на колени, не осознавая, кто я и где нахожусь. Меня всю трясет.

— Лара! — кричит папа и подхватывает меня на руки.

Глава 30

Снова открыв глаза, обнаруживаю себя в белой стерильной комнате с обитыми стенами. На мне мешковатая пижама. На этот раз в комнате лишь кровать, небольшой диванчик и стол, заваленный журналами. Что удивительно, нет ни наручников, ни ремней. Ноги не сразу мне подчиняются, но, держась за мебель, я добираюсь до стола.

Из-под кучи модных журналов раскапываю газету. Ее еще никто не открывал, и она буквально похрустывает в руках. Дата на первой странице заставляет меня задохнуться от ужаса. Если эта газета настоящая, то с тех пор, как я отправилась в прошлое и изменила его, прошел целый месяц.

А это означает, что я была пленницей Рекса больше трех недель.

Услышав, как открывается дверь, бросаю газету и отскакиваю от стола. В комнату заходит санитар-громила, неся поднос с едой. Подозрительно смотрю на тарелки. Он, скользнув по мне равнодушным взглядом, ставит поднос на стол.

— Лучше поешь. Им нужно, чтобы к тебе вернулись силы.

— Они снова хотят отправить меня туда?

Парень пожимает плечами и уклончиво хмурится.

— Вряд ли. Они сказали, что пряник с тобой не действует. Собираются зайти с другой стороны.

— С другой стороны?

Он снова пожимает плечами.

— Не то чтобы они мне о чем-то рассказывали. Я здесь просто зарабатываю деньги.

— Ага, ну спасибо за это, — бросаю я, и он уходит.

Щелчок закрывающейся двери эхом разносится по комнате. Меня терзает голод, так что я вгрызаюсь в сэндвич. Боюсь, как бы меня не попробовали отравить, но понимаю, что им не нужна моя смерть.

Я больше не в придуманном мире, и это хорошо, но как же мне вырваться из, судя по всему, охраняемого здания? В физической силе я им уступаю, но могу путешествовать во времени, как заблагорассудится. Это мой конек, но как им воспользоваться, чтобы отсюда выбраться?

Когда приходил санитар, электронный пропуск висел у него на поясе. Мне нужно завладеть ключом, запереть санитара и найти Молли — и сделать все это прежде, чем кто-то поймет, что я сбежала.

Комната кружится, и у меня ощущение, будто я иду в

обратном направлении. Вдруг я вижу перед собой другую себя. Она моргает одновременно со мной. Я слышу щелканье замка, и мы обе оборачиваемся на дверь.

— Спрячься, быстрее! — приказывает мне Лара. — Я его отвлеку.

Подбегаю к стене и прижимаюсь к ней спиной там, где меня не будет видно за открытой дверью. Дверь распахивается и чуть не бьет меня по лицу. Санитар заходит в комнату и ставит поднос с едой туда же, куда и в прошлый раз. Лара улыбается ему.

— Что смешного?

— Ничего, просто собираюсь надрать тебе задницу.

Это сигнал для меня. Бросаюсь на санитара, сшибая его с ног своим весом. Лара прижимает его руки к полу, пока я срываю электронный ключ с пояса.

— Поторопись, — просит она и начинает растворяться в воздухе.

Выбегаю из комнаты, прежде чем санитар успевает подняться, и захлопываю дверь. Судя по обстановке, я в бывшей больнице. В голову приходит лишь одна такая — старый заброшенный реабилитационный центр.

Понятия не имею, сколько времени у них уйдет на то, чтобы понять, что я сбежала и что у меня есть ключ. Все, что мне остается, — продолжать двигаться и надеяться, что я смогу выбраться до того, как меня хватятся. Мне нужно найти Молли, и быстро.

Возле лифта вижу указатель, но от него никакой пользы. Наверное, я надеялась увидеть что-нибудь вроде «Страшная лаборатория» или «Пленников держат здесь». Заглядываю по очереди в каждую комнату и нахожу неохраняемый кабинет с компьютером и принтером. Проверяю, вставлена ли флэшка. Ничего. Чертыхнувшись сквозь зубы, начинаю шарить по ящикам. В среднем оказывается потайное отделение. У меня получается его открыть, и там обнаруживаются ручки, скрепки и обычная флэшка. Вставляю ее в ноутбук и проверяю содержимое. Ни один файл не открывается, и я решаю, что это замечательно. Должно быть, именно ее я и искала.

Просматривая содержимое жесткого диска, обнаруживаю личную переписку сенатора и Рекса, записи разговоров, финансовые документы — все, что подтверждает связь между ними, включая договор на покупку больничной собственности на имя Патрисии. Копирую все в одну папку и перемещаю на съемный диск, отсчитывая секунды до завершения операции.

Дождавшись окончания, вытаскиваю флэшку и кладу ее в карман. Поспешно выхожу из кабинета и попадаю прямо в

распахнутые объятия Рекса.

— Думала, мы не понимаем, что ты попробуешь выкинуть нечто подобное?

Я пытаюсь упираться, и кроссовки скрипят по полу, но рука Рекса смыкается вокруг моей шеи и начинается сжиматься. Я задыхаюсь! Изо всех сил пытаюсь укусить его за руку или расцарапать лоб, но безуспешно. Парень силен, крут и натренирован выдерживать гораздо больше, чем все мои потуги.

Вспоминаю его кабинет и неожиданно снова оказываюсь там, вынимая флэшку из ноутбука. Открываю дверь и вместо того, чтобы попасть в руки Рекса, даю ему по яйцам, и он сгибается от боли.

Проскакиваю мимо него и мчусь по коридору.

— Тебе ни за что не добраться до Молли вовремя! — вопит Рекс.

Но я уже несусь во весь опор.

На нижнем этаже достаточно охранников, белых халатов и других людей, чтобы стало понятно, что мой план побега невозможен. Согнувшись, я быстро пробегаю под стеночкой и ныряю в старую процедурную.

Хватаю покрытый ржавчиной скальпель из кучи медицинских инструментов на столе. Нужно немедленно отыскать Молли. Жду, пока мимо пройдет один из санитаров. Сделав захват, швыряю его на пол, закрываю рот ладонью и, прижав скальпель к его горлу, оскаливаюсь.

— Отвечай на мои вопросы, или перережу глотку. Только пикни — убью не раздумывая. Все ясно?

Он кивает с широко распахнутыми глазами.

— Где они держат маленькую девочку? Где?

Убираю ладонь. Санитар, облизнув губы и испуганно втянув воздух, дает мне нужную информацию:

— Второй этаж, комната двести пятнадцать.

Отпускаю его и и бегу к лифту. Надо мной начинает выть сирена — наверное, санитар нажал на кнопку. Бегу по коридору, слышу за спиной выстрел и чувствую, как плечо прошивает пуля. Издаю стон и понимаю, что ничего не выйдет. Снова думаю о кабинете.

Вырываю флэшку из ноутбука и на этот раз вырубаю Рекса ударом пресс-папье… Бегу к лифту и еду на второй этаж вместо первого.

Комнату Молли никто не охраняет. Видимо, все разбежались по этажам в поисках меня; они не ожидают, что я так легко ее обнаружу. В комнате только каталка, к которой привязана Молли. Она без сознания. Подавив приступ паники, торопливо подхожу к

сестре. Освобождаю ей руки и ноги, на миг прервавшись, чтобы проверить, медальон. Он все еще на шее Молли, и карта памяти тоже на месте. Подхватываю ее бессознательное тело на руки и сжимаю в объятиях.

— Очнись, — шепотом молю я сестру.

Молли лишь стонет, но все же обхватывает меня руками за шею.

Мы выскальзываем в коридор, и до меня доносится скрип подошв обнаруживших нас преследователей. Мчусь к запасному выходу. Со всех сторон ко мне бросаются медсестры, хватая за рукава в попытке остановить, но я расталкиваю их изо всех сил и вырываюсь из здания. Несусь со всей мочи, и ничто не может меня остановить. В это мгновение Молли всхлипывает и зарывается лицом мне в шею.

— Лара? Я хочу к мамочке!

— Я тоже, — задыхаясь, шепчу я, преодолевая крутой подъем на холм.

Невдалеке вижу остановку метро, но тут же замечаю припаркованное у обочины такси. Открыв дверь с пассажирской стороны, запихиваю Молли на заднее сиденье, запрыгиваю следом и выкрикиваю:

— Трогай!

Бросаю взгляд назад, пока машина выруливает с парковки. За нами мчатся парни в костюмах во главе с Рексом.

— Куда ехать-то?

— В ближайший полицейский участок.

Молли заползает ко мне на руки, и я сжимаю ее в объятиях.

— Мне было так страшно, — хнычет она.

Целую сестренку в макушку и замечаю отблеск солнца на ее медальоне. Раскрываю золотой кулон сердечком и смотрю на крохотную карту памяти, которую я вставила внутрь.

— Мне тоже, — улыбаюсь я. — Но теперь у нас все будет хорошо.

Глава 31

Такое ощущение, будто допрос в полиции длится несколько часов. Молли сидит у меня на коленях и никуда не уходит, даже не шевелится, спрятав лицо у меня на шее. Никто не рассказывает, что происходит и где все, но детективы забирают у меня флэшку, и я слышу разговор о выдаче ордера на арест. Надеюсь, это означает, что маму с Джексом скоро найдут и спасут.

Не понимаю, в безопасности ли я и окажусь ли вообще когда-нибудь в безопасности, но, думаю, покуда у Рекса с Патрисией будет хватать проблем помимо преследования меня или Молли.

Полицейские очень милы с Молли и приносят ей газировку. Она пьет маленькими глоточками, а я убираю волосы с ее личика и начинаю покрывать его поцелуями. Молли растягивает губы в улыбке, которая, увы, не касается глаз.

У нас за спиной раздается до смерти перепуганный голос:

— Лара! Молли!

Мы синхронно оборачиваемся и видим бегущую к нам маму. За ней по пятам торопится Джекс. Оба они выглядят изможденными после плена. Мы с сестрой вскакиваем со стула и молнией устремляемся в их объятия.

Мы налетаем на родителей с такой силой, что все валимся на пол. Крепко обхватываю маму за шею. Все это время я до смерти хотела быть с ней, и вот моя мечта сбылась. Она отводит волосы, упавшие мне на глаза.

— О, Лара. Ты была права и насчет своего отца, и насчет Джекса. Насчет всего. Мне так жаль.

Сжав губы, бросаю взгляд на Джекса через плечо.

— По поводу Джекса я была не права. Я ошибалась. Он любит нас. В самом деле любит.

По маминому лицу я вижу, что она в этом не уверена, и, наверное, не мне ее винить. Надеюсь только, что я не разрушила нашу семью. Я лелею надежду, что каким-то образом папа сможет стать ее частью. Глядя, как мама укачивает Молли на руках, я понимаю, что все, что я сделала, того стоило.

Позади меня активизируются полицейские. Они собираются поехать за сенатором, хотят ее арестовать. Надеюсь, этого хватит, чтобы остановить Рекса. Надеюсь, на какое-то время все мы получим немного спокойствия.

— Можно мне увидеться с папой?

Мама кивает и гладит меня по голове.

— Его оправдают, как ты всегда и хотела. Ты столько

сделала, чтобы доказать его невиновность, а я… Мне бы следовало прислушаться к тебе. Прости меня, Лара.

Опустив взгляд на прижавшуюся к маминой груди сестренку, понимаю, что желаю ее исчезновения не больше своего собственного. Молли нужна в моей жизни, словно всегда была частью семьи.

— Я старалась не только ради папы.

Молли улыбается мне, устраиваясь поудобнее у мамы на руках. Глажу ее пухлую щечку и ничего так не желаю, как защитить сестру.

— Можно, мы купим газировки? И, может, бургеров? — спрашивает она.

Вызванный ее словами образ в моей голове кажется таким простым, таким приземленным, что я, не удержавшись, начинаю смеяться.

Мама вытирает глаза.

— Давай так. Как насчет того, чтобы мы съездили за Майком, а потом поехали за бургерами? Все вчетвером?

Моя душа ликует. Я поднимаюсь на ноги, и мы берем Молли за руки с двух сторон.

— Мамочка, мне очень жаль, если у тебя будут неприятности. Если «Перемотка»…

— Это просто корпорация. Всего лишь дурацкая компания. Мне не стоило позволять Патрисии манипулировать собой. — Ее голос крепнет. — У меня есть ты, Молли, наша семья. Это все, что имеет значение.

Она опять поднимает Молли на руки и расцеловывает ее в обе щеки. Сестренка в ответ крепко-крепко обхватывает маму за шею, как в последний раз. Мое сердце готово разорваться от счастья.

— Извини, что я так долго этого не понимала. — Мама опускает Молли и, нахмурившись, ласково проводит большим пальцем по моей щеке. — Я все исправлю, если еще не поздно.

— Еще не поздно.

Делаю шаг к Джексу и улыбаюсь ему. Его губы напряжены, а в глазах застыла печаль. Он стоит, понурив плечи, будто маленький мальчик, который грустит о потерянной собаке, и когда я к нему обращаюсь, даже не поднимает глаз.

Я протягиваю ему руку.

— Может, нам стоит купить пять бургеров.

Джекс встречается со мной взглядом и с трудом сдерживает слезы. Он кивает, берет меня за руку и сжимает мою ладонь. Не успеваю я оглянуться, как он притягивает меня к себе и крепко сжимает в медвежьих объятиях. Обхватив Джекса руками за

талию, прижимаюсь к его груди. Джекс в этой ситуации такая же жертва, как я или мама. Он так долго жил со своими преступлениями, что я не могу его винить. Он сделал все, что мог, чтобы защитить маму и меня.

Молли повисает на моей ноге, а мама обнимает меня и Джекса. Мы одна команда. Семья.

Эпилог

— Так значит, путешественница во времени, а? — спрашивает Донован.

Мы гуляем по парку, держась за руки. Наступило лето, и на мне удобные шорты и голубая майка.

Пожимаю плечами.

— А что такого-то?

Он смущенно и сдержанно улыбается. Мы так давно не виделись, что я даже не представляю, о чем говорить. Его мама арестована и ожидает суда. И это все из-за меня, пусть ее вина и очевидна.

Донован заправляет мои локоны за уши.

— Ты спасла жизни мамы и сестры и помешала преступной группировке перекроить под себя нашу страну, весь мир. Я бы сказал, что это немало.

Я улыбаюсь.

— И все это время видео было буквально у Рекса под носом?

— Ага, прямо в медальоне Молли.

Дон качает головой.

— Ну и что ты собираешься делать со своими новыми силами теперь, когда ты стала супергероиней, путешествующей во времени?

Удивленно поднимаю брови.

— Надеюсь, ничего. Дай бог, мама сможет что-то придумать, чтобы забрать мои способности, но даже если не сможет — я надеюсь, мне больше никогда не придется путешествовать во времени. Поверь мне. — Делаю глубокий вдох. — Донован, что касается твоей мамы…

Он накрывает мои губы указательным пальцем.

— Давай не будем. Она похитила тебя и Молли и собиралась убить любого, кто встанет на ее пути.

— Но она все равно твоя мать, — шепчу я. — У тебя, наверное, есть что сказать по этому поводу.

Донован берет мои ладони в свои, и мы оказываемся так близко друг к другу, как давно уже не были, буквально соприкасаясь грудью.

— А что, если вместо этого я поцелую тебя и спрошу, что ты делаешь завтра вечером?

Улыбнувшись, закусываю губу.

— Кажется, ты даже не представляешь, как сильно мне этого хочется.

Дон дарит мне широкую улыбку, и когда наши губы

соприкасаются, это просто волшебно. Я не забыла о Рике и о том, как сильно я его когда-то любила, но мое сердце принадлежит Доновану. Он все для меня. Знаю, что из-за маминого ареста в будущем ему придется нелегко, но я собираюсь смело встретить все проблемы вместе с ним.

Донован провожает меня в пригород, где я живу у папы на выходных, и целует на прощание. Захожу в маленькую квартирку и вижу, что папа готовит макароны с сыром. Он не замечает, как на меня накатывает приступ ностальгии, но когда показывает мне маленького щенка лабрадора, которого только-только купил, я таю.

— О Искра, — шепчу я, и щенок подбегает ко мне. Стискиваю его в крепких объятиях.

— Учитывая, сколько денег мне выплатило правительство за лишение свободы вследствие судебной ошибки, я решил, что могу потратиться на собаку. Что скажешь?

Папа широко и счастливо улыбается. Глажу щеночка, уверенная, что, пусть это и не мой старый пес, мы все равно станем лучшими друзьями.

— Скажу, что это здорово. Всегда мечтала о собаке.

Иду с папой на кухню. Тут тесно, и умещаются только стол и стулья, но комнатка буквально кричит о любви. Обнимаю папу за талию, и он целует меня в макушку.

— Ну что, все уладила со своим парнем?

Последнее слово он произносит с некоторым пренебрежением. От Джекса я таких интонаций никогда не слышала, но это вызывает у меня улыбку. Он мой папа. У него есть на это право.

Киваю.

— Собираемся завтра вечером на свидание.

— Только если ты вернешься к девяти.

— Папа! — закатываю я глаза.

— Ну к десяти, — соглашается он, и я вижу в его глазах лукавый блеск. — Накрой на стол, ладно?

Кивнув, направляюсь к кухонным шкафчикам. Стол стоит у окна, откуда открывается прекрасный вид на город. Не переставая улыбаться, наблюдаю, как мимо проносятся машины.

Звонит мой телефон.

— Привет, Джекс.

— Привет… малышка. Просто хотел пожелать тебе хорошего вечера. У нас с мамой сегодня встреча с психологом, и мы хотели тебе сказать, что ждем не дождемся, когда сможем забрать тебя через пару дней.

— И я. До скорого. Передай близнецам, что я их люблю.

— Обязательно. До скорого. Скажи Джону… ладно, неважно. Скоро увидимся.

К тому времени, как я заканчиваю разговор, папа приносит и ставит на стол ужин. Он произносит молитву, наклонившись через стол, чтобы мы могли держаться за руки.

— Ты по-прежнему обожаешь макароны с сыром?

— Даже не сомневайся! — Хватаю вилку и сую в тарелку.

На мгновение у меня появляется чувство, будто ничего не изменилось. Словно я вообще никогда не отправлялась в прошлое.

Почти.

Наколов побольше макарон, на которых потихоньку плавится сыр, подношу вилку ко рту. Начинаю дуть на горячие макароны, от которых все еще поднимается парок, и поднимаю глаза. Взгляд цепляется за висящие на стене часы.

Стрелки крутятся назад.

Внимание! Электронная версия книги не предназначены для коммерческого использования. Скачивая книгу, Вы соглашаетесь использовать ее исключительно в целях ознакомления и никоим образом не нарушать прав автора и издателя. Электронный текст представлен без целей коммерческого использования. Права в отношении книги принадлежат их законным правообладателям. Любое распространение и/или коммерческое использование без разрешения законных правообладателей запрещено.